

№6 2020

Annali d'Italia

VOL. 3

ISSN 3572-2436

Annali d'Italia (Italy's scientific journal) is a peer-reviewed European journal covering top themes and problems in various fields of science.

The journal offers authors the opportunity to make their research accessible to everyone, opening their work to a wider audience.

Chief editor: Cecilia Di Giovanni

Managing editor: Giorgio Bini

- Hoch Andreas MD, Ph.D, Professor Department of Operative Surgery and Clinical Anatomy (Munich, Germany)
- Nelson Barnard Ph.D (Historical Sciences), Professor (Malmö, Sweden)
- Roberto Lucia Ph.D (Biological Sciences), Department Molecular Biology and Biotechnology (Florence, Italy)
- Havlíčková Tereza Ph.D (Technical Science), Professor, Faculty of Mechatronics and Interdisciplinary Engineering Studies (Liberec, Czech Republic)
- Testa Vito Ph.D, Professor, Department of Physical and Mathematical management methods (Rome, Italy)
- Koshelev Andrey Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Faculty of Philology and Journalism (Kiev, Ukraine)
- Nikonov Petr Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law (Moscow, Russia)
- Bonnet Nathalie Ph.D (Pedagogical Sciences), Faculty of Education and Psychology (Lille, France)
- Rubio David Ph.D, Professor, Department of Philosophy and History (Barcelona, Spain)
- Dziedzic Stanisław Ph.D, Professor, Faculty of Social Sciences (Warsaw, Poland)
- Hauer Bertold Ph.D (Economics), Professor, Department of Economics (Salzburg, Austria)
- Szczepańska Janina Ph.D, Department of Chemistry (Wrocław, Poland)
- Fomichev Vladimir Candidate of Pharmaceutical Sciences, Department of Clinical Pharmacy and Clinical Pharmacology (Vinnytsia, Ukraine)
- Tkachenko Oleg Doctor of Psychology, Associate Professor (Kiev, Ukraine)

and other experts

500 copies

Annali d'Italia

50134, Via Carlo Pisacane, 10, Florence, Italy

email: info@anditalia.com

site: <https://www.anditalia.com/>

CONTENT

JURISPRUDENCE

Andreeva L., Trukhina I.

STATE AND CIVIL SOCIETY: THEORY AND REALITY 3

PEDAGOGICAL SCIENCES

Babenko T.

MASTER'S PORTFOLIO AS A MEANS OF COMPETENCE-BASED ASSESSMENT IN ACADEMIC WRITING 18

Smagulov Zh.K., Nuradinuly Zh.

APPLICATION OF INTERNET COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN THE EDUCATIONAL PROCESS..... 21

Pinchuk I.O.

EDUCATIONAL MEANS OF FORMING FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE OF INTENDING PRIMARY SCHOOL TEACHERS 24

Ponomareva E.A.

INTERSUBJECT LINKS OF A PHYSICS COURSE AT A MEDICAL UNIVERSITY 26

Ryapisov N.A., Ryapisova A.G.

PEDAGOGICAL UNIVERSITY AS A CENTER FOR RESEARCH DEVELOPMENT OF PRACTICE OF INCLUSIVE EDUCATION OF CHILDREN WITH AUTISM..... 28

PHILOLOGICAL SCIENCES

Alirzayeva K.

THE MAIN CAUSES OF SOUND CHANGES IN THE ENGLISH LANGUAGE 32

Bigeldinova A.

GOSPEL PARABLE AS A MYTHOLOGEME IN THE NARRATIVE SPACE OF THE NOVELS THE F. M. DOSTOEVSKY 37

Iskendirova S., Khairzhanova A.K.

MOVIE TRANSLATION METHODS 39

Nechay Y., Poverennaya A.

LEXICAL AND SYNTACTIC SPECIFICS LANGUAGE OF GERMAN AND RUSSIAN FAIRY TALES..... 42

Nikishov Y.

PANEGYRIC TO THE THIRD BOLDINO AUTUMN OF PUSHKIN 47

Uchakina V.

"KEYS OF SECRETS" BY VALERY BRYUSOV AS AN ESSAYIST RESPONSE TO THE AESTHETICS OF BALMONT AND WILDE 55

Yengsebay G.,

Myrzaliyeva S., Musabalina G.

MULTICULTURAL ASPECT OF THE ENGLISH NOVEL IN THE POST-COLONIAL PERIOD 61

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Korneeva S.A.,

Sulima T.V., Moskalenko S.V.

INDIVIDUAL-TYPOLOGICAL AND NEURO-PSYCHOLOGICAL PROPERTIES OF THE PROCESSES OF CONSCIOUS SELF-REGULATION..... 64

JURISPRUDENCE

STATE AND CIVIL SOCIETY: THEORY AND REALITY

Andreeva L.

*Candidate of juridical sciences,
ANO "Open University of Humanities and Economics"*

Trukhina I.

*Candidate philosophical science,
The Saint-Petersburg state University, GPS EMERCOM of Russia*

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ТЕОРИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Андреева Л.

канд. юрид. наук,

АНО ВО «Открытый гуманитарно-экономический университет»

Трухина И.

канд. филос. наук,

Санкт-Петербургский государственный университет ГПС МЧС России

Abstract

The article examines the attitudes of the state and society in the conditions of changes in socio-economic relations. Justice should serve as the basis and starting point for building a legal and democratic state. In these conditions, society and the state impose different requirements that establish different "fair" norms and criteria. In these conditions, they often turn to the problem of justice, to the search for new relations between the state and civil society.

Аннотация

В статье рассматриваются установки государства и общества в условиях изменений социально-экономических отношений. Справедливость служит основой, точкой отсчёта для построения правового и демократического государства. В этих условиях общество и государство предъявляют различные требования, устанавливающие отличные «справедливые» нормы и критерии. В этих условиях чаще обращаются к проблеме справедливости, к поискам новых отношений государства и гражданского общества.

Keywords: law, philosophical and value attitudes, civil society, the state.

Ключевые слова: право, философско-ценностные установки, гражданское общество, государство.

Первоначально термины «гражданское общество» и «государство» не только противопоставлялись друг другу, но использовались в качестве взаимозаменяемых понятий. В «Политике» Аристотеля «гражданское общество» рассматривается как объединение граждан, т. е. как общество, организованное в виде государства, как «политическое общество граждан» (6).

Термин «гражданское общество» закрепляется в XVII в. в результате появившейся концепции государства как общественного договора, среди основоположников которой следует выделить Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо. Базовой предпосылкой обоснования этой концепции для Т. Гоббса послужило положение о том, что все люди обладают от природы «естественными правами», полученными ими от рождения. Последние и составляют, по Гоббсу, сущность человеческой свободы. При этом в период нахождения человечества в «естественном состоянии» стремление одного человека реализовать свою свободу наталкивается на притязания другого, что приводит к «войне всех против всех». Наряду с существованием «естественных прав», Гоббс констатирует существова-

ние и «естественных» законов, основным из которых является закон сохранения человеческой жизни, порождающей стремление людей к миру (6).

Различие между правом и законом Гоббс считает в том, что право определяет свободу делать или не делать что-либо, а закон обязывает человека к той или иной альтернативе. Осознание «естественного» закона потребовало прекращения войны «всех против всех» в целях самосохранения человеческого рода и привело людей к договору о создании государства. В результате вместо «естественного права» возникло «гражданское общество», в котором все его участники передали принадлежащие им по праву рождения естественные права верховной власти. Исполнение требований «естественных законов» возлагалось на верховную власть в гражданском обществе. Множество людей, объединённых таким образом в одном лице назывались государством, для обозначения которого Гоббс предлагает такие названия, как Левиафан, «искусственный организм», «искусственный человек» (6).

С XVIII в. единая концепция общества-государства начинает подвергаться сомнению. В работах Т. Спенса, Т. Ходжскина, в программном доку-

менте Великой французской революции — Декларации прав человека и гражданина 1789 г. складывается тенденция «гражданское общество против государства». Наиболее радикально эту позицию формулирует один из ведущих идеологов американской буржуазной революции Т. Пейн в памфлете «Права человека», где он характеризует государство как необходимое зло. Власть государства должна быть ограничена в пользу гражданского общества, поскольку каждому человеку внутренне присуща приверженность обществу. Чем совершеннее гражданское общество, тем с большей самостоятельностью оно регулирует собственную жизнь и тем меньше нуждается в государстве. Государства можно считать законными лишь в том случае, если они образованы в результате ясно сформулированного согласия всех, и сформированы конституционно. Такие правительства имеют только обязанности перед своими гражданами. Они не вправе изменять или расширять свои конституции. Иначе наступает деспотизм или агрессивное правление. Т. Пейн полагал, что сокращение власти государства до минимума делает возможным формирование международной конфедерации национально независимых и мирно взаимодействующих гражданских обществ (6).

Отметим, что вплоть до XIX в. понятия «государство» и «гражданское общество» толковались и использовались в неразрывном единстве. В XIX в. складывается тенденция «государство против гражданского общества». В работах И. Бентама, Ж. Сисманди, П. Пфизера и других слишком большая свобода гражданского общества рассматривается как фактор активизации конфликтов и даётся обоснование необходимости более жёсткого государственного контроля и регулирования. Наиболее завершённую форму эта тенденция принимает у Г. Гегеля.

Г. Гегель был первым философом, который попытался разьединить их с точки зрения реализации так называемой высшей, абсолютной идеи государства, проявляющейся в процессе реализации абсолютного духа. В концепциях «естественного права» гражданское общество понимается как состояние общества, противостоящее его естественному состоянию, как сообщество граждан, равных в своём достоинстве, противостоящее сословно-разделённому. Гегель, критикуя эти подходы, одним из первых предпринимает попытки разграничения гражданского общества и государства. В работе «Философия права», гражданское общество предстаёт как «взаимосвязанное переплетение индивидов, преследующих свои частные интересы», расположенное между семьёй и государственными институтами. Гражданское общество представляет особую стадию в диалектическом движении от семьи к государству. Социальная жизнь гражданского общества отличается как от этического мира семьи, так и от публичной жизни государства. Если в семье люди связаны неким договором, то в гражданском обществе много конкурирующих элементов. Оно не может оставаться «гражданским» до тех пор,

пока оно не управляется политическим государством. Лишь конституционное государство может справиться с его несправедливостями и объединить конкретные интересы в универсальное политическое сообщество, оно есть, по Гегелю, и внешняя необходимость, и имманентная цель. Лишь признавая и удерживая гражданское общество в подчинённом положении, государство может обеспечить его свободу (6).

Необходимость разграничения государства и гражданского общества отстаивает и российский исследователь Б.Н. Чичерин. Для него это два разных союза, один из которых — государство, представляет общество как целое, а второй — гражданское общество, как совокупность частных отношений между его членами. У свободных граждан есть права, вплоть до права участия в верховной власти. Человек в государстве, по Чичерину, — управляемый, поскольку он должен подчиняться закону, и, одновременно, соуправитель. Государство, как «политический союз» обладает правом на легитимное насилие, без которого нет и государства. Скептически Чичерин относится и к теории «общественного договора». В ней он принимает лишь то, что государство держится не только на силе власти, но и на признании гражданами своих обязанностей перед обществом. Он категорически отрицает положение просветителей XVIII в. о гражданских правах человека, не подвластных обществу. Он отвергает идею Ж.-Ж. Руссо о замене личной свободы общественным договором (6).

В XX в. исследования, в основном, сосредотачиваются вокруг обоснования приоритета одной из сторон диалектического единства «государство — гражданское общество». В 80-е годы на Западе, прежде всего в США, получило не только в теории, но и на практике направление неоконсерватизма. Его сторонники отстаивают этатические тенденции усиления регулирующей роли государства, приоритета общего над индивидуальным, ограничения свободы, демократии ради политического единства.

Сторонники антиэтатических концепций либерально-демократического толка осуждают попытки ограничения роли гражданского общества. Само гражданское общество рассматривается ими как защитная структура человека от государства, высшей ценностью которого является максимальная свобода, как человека, так и общественных объединений. Немецкий исследователь Г. Роде в работе «Технология и политика» подчёркивает, что с понятием «гражданского общества» связывается «борьба за гражданские права и свободы, за демократическое участие в управлении не только государством, но и экономикой, городами, общинами и институтами, регулирующими социальную жизнь». Близкие позиции разделяют авторы монографии «Переход от социализма. Государство и гражданское общество». Е. Каменский, Д. Поуэлл, В. Малин, А. Тей и другие рассматривают гражданское общество как гарант существования демократического государства и дальнейшего поступательного развития человеческой цивилизации.

В России проблема гражданского общества длительное время обсуждается в рамках исследования путей изменения характера государства, как основного института осуществления социальных преобразований. Положение изменяется с перестроечными процессами. Плюрализм, больше напоминающий «неразбериху», не обошёл и рассматриваемые проблемы. Одни возвеличивают гражданское общество до уровня надгосударственного организма, «саморегулирующегося» образования, устанавливающего контроль над государством. Другие отождествляют его с одним из пониманий общества в целом как совокупностью всех способов взаимодействия и форм объединения людей. Третьи сводят гражданское общество к эмпирическому разнообразию организационных групп, действующих между государством, с одной стороны, и семьёй, и индивидом, с другой. Четвёртые понимают его как форму горизонтальной интеграции человеческого сообщества, которая позволяет обеспечивать раскрытие способностей и реализацию изменяющихся потребностей людей с помощью социальных институтов фиксации и взаимного признания естественным образом возникающих у них прав и обязанностей.

Можно констатировать различные подходы к пониманию места и роли государства в процессе становления гражданского общества. Сторонники действующей власти отмечают важность участия государства в нём. Их противники требуют отстранения государства из этого процесса. И те, и другие фактически сводят их к развитию демократических процессов и процедур. Многообразие подходов можно продолжить. Естественно, нельзя не видеть, как в исторических, так и современных подходах рациональных моментов в понимании рассматриваемых проблем.

Специфика гражданского общества как совокупности реальных связей и процессов в том, что оно должно пониматься в обязательном соотношении с государством. Этот аспект подчёркивает классик концепции гражданского общества Гегель, согласно которому, «несмотря на то, что в гражданском обществе особенность и всеобщность распались, они всё-таки взаимосвязаны и взаимообусловлены». Современный исследователь Л.С. Мамут отмечает, что гражданское общество и государство представляют собой разные типы агрегирования одной и той же человеческой коллективности, достигшей стадии цивилизации (6). Действительно, человек, будучи членом гражданского общества, не перестаёт быть гражданином государства. В обоих случаях действуют одни и те же индивиды. Гражданское общество предполагает разграничение между правами человека и правами гражданина. Оба — права личности. В первом случае речь идёт о правах отдельного человеческого существа на жизнь, свободу, стремление к счастью и т. д., а, во втором, — о политических правах. К сожалению, и в настоящее время не удаётся избежать искажённых исходных представлений о гражданском обществе и его отношениях с государством. Об этом свидетельствуют материалы симпозиума «Гражданское

общество в России: стратегия и тактика формирования» и их анализ в последующих исследованиях (2).

Вопрос, поставленный А.А. Гусейновым более десяти лет назад на заседании «круглого стола» журналов «Вопросы философии» и «Государство и право»: «О чём мы говорим, когда говорим о гражданском обществе?» не только не устарел, но теоретически и практически обрёл особую значимость в условиях складывающегося в России «антигражданского общества» (4, с. 12—13).

Реалии гражданского общества как любого социального организма пронизаны противоречиями. Определение его границ зависит как от подходов к его трактовке, так и от конкретных общественных и политических систем, в которых оно утверждается. В условиях ускоряющегося развития цивилизации потребность в определённом типе договорных отношений гражданского общества и государства не только не уменьшается, а возрастает. Коллективная самоорганизация при безусловном соблюдении прав человека и других элементов гражданского общества должна сочетаться с демократически-реформистскими усилиями государства. Связующим звеном между гражданским обществом и государством должны стать политические партии. Это позволит сделать гражданское общество более ответственным в определении стратегии своей деятельности и «привнести в государство и на предприятия элементы демократического способа принятия решений» (1, с. 91).

В настоящее время договорные отношения должны стать одной из важных скреп цивилизационного взаимодействия не только внутри стран, но и в международных отношениях. Возникает принципиально новый уровень диалога, способный, по мнению некоторых исследователей, привести в перспективе к формированию «транснационального гражданского общества» и мирового общественного мнения, с которым государствам придётся считаться. Глобальное гражданское общество должно объединять прежде всего международные неправительственные организации. Свою деятельность направлять на сферу глобального общественного блага: решение проблем экологии, защиту прав человека, формирование международных демократических коалиций и т. д. (3, с. 24-33; 6, с. 21-30).

В современных концепциях гражданского общества слабо учитывается аспект их взаимоотношения с системой потребностей и их удовлетворением, поставленный ещё Гегелем в «Философии права». В России долго преобладает точка зрения, согласно которой дело удовлетворения потребностей населения должно принадлежать государству. Практика не только России показывает, что эта задача государству не под силу. Тем более в столь поликонфессиональной, полиэтнической, огромной по территории стране. Гражданское общество, по Гегелю, — царство «нужды и рассудка» (6). В этой сфере люди заявляют свои приватные, конкретные, частные интересы и потребности и, тем самым, вы-

ходят из сугубо частной сферы в область совместного социального действия и взаимодействия. Чувство социальной незащищённости, обусловленное пронизывающей всё коррупцией, жестокостью органов государственного правопорядка, невозможностью добиться справедливости в судебной системе и т. д. неизбежно ведут к социальной напряжённости и конфликтам. Одной из острых проблем современных обществ стала проблема контраста богатства и бедности, как коренного порока всей цивилизации, нетерпимость которого стала особенно явной в настоящее время и в России. (7)

Безусловно, решение многих проблем зависит от управления государством, т. е. от чиновничьего слоя. В Российской Федерации закрепились гоголевско-щедринское восприятие чиновников, как олицетворение глупости и продажности, которым присущи взяточничество и казнокрадство. Гражданское общество должно стать механизмом контроля населения над деятельностью государства, нацеленным на реальное смягчение контраста богатства и нищеты, решение конкретных проблем конкретных граждан и их объединений. Ему должна быть представлена определённая самостоятельность через представительные учреждения выступать сдерживающим началом в отношении усиления бюрократии. Таким органом в России стал сформированный в 2004 г. при президенте «Совет по гражданскому обществу и правам человека», состав которого с использованием интернет-голосования был расширен президентом с сорока до шестидесяти двух человек в ноябре 2012 г. Хотя этот орган и носил консультативный характер, его необходимо было использовать как площадку для решения назревших проблем, но сами эти проблемы понимаются различными политическими силами общества неоднозначно.

В рамках существующего с 2001 г. «Петербургского диалога» также рассматриваются проблемы гражданского общества. В его работе участвуют и зарубежные политики. В ноябре 2012 г. канцлер Германии М. Меркель, отмечая необходимость использования большого потенциала, таящегося в свободном развитии общества, одновременно высказывала озабоченность по поводу моментов давления на гражданское общество в России.

Пока трудно не согласиться с Н.В. Мотрошиловой о том, что «отсутствие гражданского общества по-прежнему остаётся «одним из самых страшных дефицитов России» (4, с. 18). Это можно отнести и к теории, и практике, а в современной литературе, прежде всего с теоретическими ценностными аспектами проблемы. Наиболее глубокой творческой попыткой заполнить пробел, как с теоретической, так и с практической точек зрения авторам статьи представляется подход Н.В. Мотрошиловой, раскрытый в вышеуказанной работе. «Гражданское общество — это исторически возникающее на заре техногенной эпохи и далее через противоречия развивающаяся совокупность цивилизационных структур и форм, воплощающихся в тех функциях и действиях индивидов, социальных

групп, ассоциаций, объединений, специфика которых состоит в том, чтобы, «располагаясь» между институтом семьи и институтами государства, со своей стороны способствовать выполнению следующих выпадающих именно на их долю социально-исторических задач...» (4, с. 18). Мотрошилова подробно раскрывает функции гражданского общества.

Авторам представляется, что пока нужно серьёзно работать над понятием гражданского общества, чтобы его можно было предпослать практическим шагам по построению гражданского общества в России.

Справедливость должна служить основой, точкой отсчёта для построения правового, социального, демократического государства. О важности принципа справедливости на современном этапе развития Российской Федерации неоднократно указывалось в посланиях Федеральному Собранию Российской Федерации и В. Путина и Д. Медведева. В Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 1 декабря 2016 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркнул: «Принципы справедливости, уважения и доверия универсальны. Мы твёрдо отстаиваем их — и, как видим, не без результата — на международной арене. Но в такой же степени обязаны гарантировать их реализацию внутри страны, в отношении каждого человека и всего общества. Любая несправедливость и неправда воспринимаются очень остро. Это вообще особенность нашей культуры. Общество решительно отторгает спесь, хамство, высокомерие и эгоизм, от кого бы это всё ни исходило, и всё больше ценит такие качества, как ответственность, высокая нравственность, забота об общественных интересах, готовность слушать других и уважать их мнение» (8). В преамбуле Конституции РФ российское законодательство декларирует принцип справедливости. Последний должен определять формирование отраслевого законодательства и практику его применения. Получает конституционное закрепление принцип справедливости и в других национальных правовых системах современных государств (9, с. 7-8; 3, с.35, 43, 150, 187).

Актуализация различных аспектов справедливости обусловлена различными условиями жизни общества. Разным этапам общественного развития присуща своя мера справедливости. Ф. Энгельс верно отмечает, что справедливость греков и римлян находила справедливым рабство; справедливость буржуа 1789 г. требовала устранения феодализма, объявленного несправедливым» (10, с. 273).

Предметом самостоятельного исследования справедливость стала и в римском праве. Например, Юлий Павел подчёркивает: «... всякий раз, когда предписания и неясности права препятствуют естественной справедливости, положение следует исправить праведными решениями ...» (11, с. 112). Своё представление о справедливости римские юристы формулируют нередко в виде правовых принципов и аксиом, таких как право есть искусство добра и справедливости; в праве нужно в мак-

симальной степени обращать внимание на справедливость и т.п. Эти положения, не утратившие своего значения и в настоящее время, выражают суть античного правоведения. В.А. Савельев, анализируя категорию справедливости как наиболее универсальную и базисную для римского частного права, обращает внимание исследователей на выражение древнеримского юриста Павла «Справедливость вообще всегда должна приниматься во внимание в праве» (12, с. 66).

Средневековые прохидит под знаком интерпретации вечных истин Священного Писания. В отличие от Античности в основе понимания справедливости находится не идеал полисного устройства, а христианская картина мира. Фома Аквинский отмечает: «Богу не подобает справедливость обмена, но только справедливость распределения» (13, с. 413). Вместе с тем, представители схоластической традиции не могли не понимать, что индивидуальные взаимоотношения, не затрагивающие основы веры, должны рассматриваться в рамках гражданского, а не канонического права. Аквинский подчеркивает, что «человеческий закон устанавливается для множества людей, большинство из которых не являются совершенными в добродетели. И потому человеческий закон не запрещает многие пороки, от которых воздерживаются добродетельные люди: он запрещает только самые тяжкие из них, такие от которых может воздерживаться большинство» (14, с. 348). Земные законы рассматривались, как условия нормальной жизни. Понятие справедливости в их понимании было «нормативным» в буквальном смысле. Оно относилось к области права, а не суждений о нормах поведения. В практическом применении оно возникает преимущественно в связи с нарушением права. Справедливость вообще не является для них «моральным» понятием в современном смысле. Согласно Аквинскому «справедливым в делах человеческих называется то, что правильно с точки зрения критериев разумности» (15, с. 338). Благотворительность и милосердие, будучи фундаментальной основой христианской общины, в решениях судов, как правило, не нуждаются. В религиозных системах Бог есть истина и высшая справедливость. Игумен Савва (Николай Остапенко) отмечает: «Любящие Бога, по закону контраста, ненавидят путь греха, лжи и человеческие вымыслы и одновременно всем сердцем обращены ко всему сопредельному в сослужении Богу» (16, с. 119).

Современный исследователь Амартия Сен, в предисловии к своей главной работе «Идея справедливости», характеризуя эпоху Просвещения, отмечает, что «существует важная дихотомия двух направлений теоретизации справедливости, которые были выбраны двумя группами, ведущих философов, связанных с радикальной мыслью периода Просвещения. Один подход сосредоточился на выявлении совершенно справедливых социальных устоев и предполагал, что описание «справедливых институтов» остаётся главной, а порой и единственной открыто ставящейся задачей теории справедливости. В этой традиции основные идеи, так или

иначе вращающиеся вокруг гипотетического «общественного договора», в XVII в. формулировались Томасом Гоббсом, а после него такими мыслителями, как Джон Локк, Жан-Жак Руссо и Иммануил Кант. Договорной подход оставался наиболее влиятельным и в современной политической философии, особенно после новаторской статьи Джона Ролза 1958 г. («Справедливость как честность», чья концепция получила окончательное развитие в книге «Теория справедливости» (17, с. 21).

Важный этап в обосновании принципов справедливости исследователи связывают с концом 60-х - началом 70-х годов XX века. Война во Вьетнаме, обострение проблемы гражданских прав, засилье мафии, сегрегация негров и другие несправедливости потрясают США. Ведущие учёные Д. Белл, Дж. Гелбрейт, Э. Тоффлер и другие ставят вопрос о недостаточности современного им капитализма в плане решения последних собственных социальных, политических и экономических проблем. Зреет потребность в обосновании теории не только эффективного, но и справедливого общества. Характеризуя Ролза, Эдмунд Фелпс отмечает, что «он не мог не заметить острейшую потребность в таком понимании справедливости, на котором можно было бы построить консенсус» (18, с. 397). Ответом на эту потребность, по мнению большинства исследователей Ролза, является выход его выше указанных работ, в которых он пытается сформулировать и обосновать принципы справедливого устройства общества. Дж. Ролз, — отмечает Б.Н.Кашников, — «настоящий патриарх современной политической философии, которая с его лёгкой руки стала в значительной степени философией справедливости ... Теория общественного договора, известная из трудов Гоббса и Локка, получает у Ролза дополнение в виде математической теории игр» (19, с. 73).

В предисловии к русскому изданию работы «Теория справедливости» Ролз указывает: «Я хотел разработать концепцию справедливости, обеспечивающую разумную систематическую альтернативу утилитаризму, который в той или иной форме долгое время доминировал в англо-саксонской политической традиции. ... В частности, я не верю, что утилитаризм может дать удовлетворительное объяснение основных прав и свобод граждан как свободных и равных личностей, что является требованием наипервейшей важности для обоснования демократических институтов. ... Убедительное объяснение основных прав и свобод, и их приоритета было главной целью справедливости как честности. Вторая цель — объединение этого объяснения с пониманием демократического равенства, ведущего к принципу честного равенства возможностей и принципу различия» (20, с. 8-9). Ролз полагает, что несправедливость терпима только тогда, когда необходимо избежать большей несправедливости (20, с. 20).

Для понимания справедливости Ролзом существенным является его положение о том, что справедливость следует рассматривать через требования честности. Честность можно считать требованием беспристрастности. Определение требований

беспристрастности у Ролза основано на его идее об «исходном положении», которая играет главную роль в его теории «справедливости как честности». Ролз отмечает «справедливость как честность есть пример того, что я называю договорной теорией» (20, с. 29). Исходная ситуация – это воображаемая ситуация первозданного равенства, в которой стороны договорного процесса, называемых Ролзом партиями, не знают о том, кем они будут в будущем и «не знают частных особенностей своего собственного общества». Они должны знать лишь самые общие факты, которые могут повлиять на их выбор. Они должны сделать выбор за «занавесом неведения», то есть незнания того, что Ролз называет «всеобъемлющими предпочтениями». Именно в этом положении неведения единогласно выбираются принципы справедливости. Выбор основных принципов справедливости – это первый этап развёртывания общественной справедливости у Ролза. На этом этапе появляются «два принципа справедливости», которые влияют, по собственному признанию Ролза, на все остальные шаги в его системе. Следует заметить, что положение о формировании единственного набора принципов справедливости в исходном положении, отстаиваемое Ролзом в «Теории справедливости», уточняется им в более поздних работах. Вопрос о справедливости Ролзом рассматривается в контексте распределения так называемых «первичных социальных благ», к которым Ролз относит такие вещи как «права, свободы и возможности, доходы и благосостояние, общественные основы самоуважения» (20, с. 67). Первичные блага не являются равноценными. Целям более справедливого их распределения и должны служить принципы справедливости. Согласно первому принципу (равных свобод) каждый человек имеет равное право на максимально широкую систему основных свобод, совместимых с аналогичной системой свобод для всех (20, с. 267). Он обозначает, что свобода не может быть куплена ценой благосостояния. Свобода может быть ограничена только ради самой свободы. Второй принцип, по сути, включает два отдельных принципа. Во-первых, социальные и экономические неравенства «должны быть привязаны к должностям и постам, открытым для всех при условии честного равенства возможностей» (принцип возможностей). Во-вторых, «они должны приносить наибольшую пользу наименее обеспеченным членам общества» (принцип различия) (20, с. 267). Принципы справедливости располагаются в строгую иерархию: равные свободы имеют приоритет перед равными возможностями, а те в свою очередь имеют приоритет перед равными ресурсами.

Вторую часть «Теории справедливости» Ролз посвящает исследованию возможностей воплощения двух принципов справедливости в деятельности общественных институтов, соответствующих выбранным принципам справедливости. Последние отбираются с учётом условий каждого конкретного общества. Это, как полагает Ролз, второй этап – «конституционный». Для Ролза не стоит вопрос определения критериев справедливости в различных областях общественной жизни. Л.Б. Макеева

справедливо обращает внимание на слова Ролза о том, что «его теория касается лишь базовой структуры общества и устанавливает права и обязанности для основных общественных институтов» (21, с. 202). То, как эти институты задаются и встраиваются в социальную систему, в значительной мере влияет на характеры людей, их желания и планы, на их взгляды на будущее, а также на то, какими людьми они стремятся стать. В силу глубокого воздействия этих институтов на то, какими людьми мы оказываемся, Ролз утверждает, что базовая структура общества является «первым предметом справедливости» (21, с. 202). Затем следует третий законодательный этап, на котором рассматриваются справедливые законы, определяются основные социальные и экономические устройства государства благосостояния. Трудно не согласиться с Ролзом в том, «что законы и институты, как бы они не были эффективны и успешно устроены, должны быть реформированы или ликвидированы, если они несправедливы, а права, гарантированные справедливостью, не должны быть предметом политического торга или же калькуляции политических интересов» (20, с. 19). Экономическая справедливость, которая необходима на этом этапе, предполагает деятельность четырёх ветвей правительственной власти: инвестиционной, поддерживающей соревновательную систему цен и препятствующую образованию «неразумной рыночной власти»; стабилизационной, поддерживающей полную занятость и способствующей эффективности рыночной экономики; трансфертной, способствующей поддержанию социального минимума; распределительной, сохраняющей приблизительную справедливость посредством налогообложения и необходимых усовершенствований в правах собственности. Участники гипотетического соглашения не только выбирают принципы, они также дают обещания следовать юридическим обязательствам, из них вытекающим. Они понимают, что не может быть абсолютно справедливого общества. Любой закон может быть совершенен лишь до определённых пределов. Занавес неведения совершенно отсутствует на четвёртом этапе. На этом этапе решаются проблемы формальной справедливости – беспристрастного применения справедливых правил и законов судьями и чиновниками.

Справедливость для Ролза главнейший и бескомпромиссный нравственный критерий, который берётся за основу в работе «Идея блага и приоритет права». «Итак, - обобщает Ролз, - когда мы говорим, что общество хорошо организовано в соответствии с концепцией справедливости, мы имеем в виду три вещи: (1) в этом обществе все граждане принимают одни и те же принципы справедливости и открыто признают это перед лицом друг друга; (2) базовая структура такого общества, то есть его главные политические и социальные институты, объединённые в единую систему сотрудничества, везде и всем известна, и есть все основания считать, что она удовлетворяет этим принципам; (3) у граждан развито нормальное чувство справедливости, то есть они

способны понимать и применять принципы справедливости и в большинстве случаев действуют, исходя из них и с учётом требований ситуации» (15, с. 99). С точки зрения Ролза «такая трактовка социального единства — это наиболее привлекательная концепция единства из всех доступных нам; она самая лучшая из того, что можно реализовать на практике» (22, с. 99).

Ролз предложил подход, при котором ситуация договорного соглашения о справедливости определяется как гипотетическая, а не как реальная. Тем самым и само соглашение как бы переносится из реального прошлого в гипотетическое настоящее или будущее. Сами условия договора могут быть представлены как гипотетические, а не реальные. Они должны гарантировать справедливый результат. «Договорная точка зрения как таковая, — отмечает Ролз, — определяет смысл, в котором люди рассматриваются как цели, а не только как средства». (22, с.160) Соглашение будет справедливым, если оно будет принято в ходе справедливой процедуры. «Это означает, — полагает Л.Б. Макеева, — что идею общественного договора Ролз использует в качестве обоснования «чисто процедурной справедливости» (21, с. 205).

Концепция справедливости как честности получила развитие в работе Ролза «Право народов», в которой справедливость в международных отношениях исследуется во взаимосвязи с его общей теорией справедливости. Под правом народов Ролз понимает «политическую концепцию права и справедливости, которая апеллирует к принципам и нормам международного права в международных отношениях» (23, с. 79). Ролз полагает, что «право, регулирующее фундаментальные конституционные вопросы и основные проблемы справедливости, возникающее в сообществе народов, должно быть основано на публичной политической концепции справедливости, а не на всеобъемлющей религиозной, философской и моральной доктрине» (23, с. 99-100). Ролз описывает содержание такой политической концепции и пытается объяснить, как она может быть воспринята организованными обществами (23, с. 100). Термин Ролза хорошо организованное сообщество народов представляет собой объединение обществ в соответствии с доктриной общественного договора. Соглашение, которое достигается согласно основным принципам справедливости на внутригосударственном уровне, отмечает Ролз, может быть достигнуто и между различными обществами в сфере международных отношений. Ролз различает понятия право народов и международное право. Право народов развивается из идеи политической справедливости. Оно является источником международного права, определяет содержание политических концепций, регулирующих деятельность обществ (23, с. 100).

Амартия Сен, посвятивший памяти Ролза главное произведение своей жизни «Идея справедливости», отмечает: «Однако идея заключения единого глобального общественного договора для всего населения мира представляется всё же совершенно нереалистичной — и сегодня, и даже в обозримом

будущем. Для такого проекта, естественно, попросту не хватает институтов» (17, с. 187). Итогом исследования развития проблем справедливости сторонниками трансцендентального институционализма явилось то, что как подчеркивает Сен, «были разработаны теории справедливости, сосредоточенные на трансцендентальном определении идеальных институтов» (17, с. 42) и в некоторых случаях представлен «весьма проницательный анализ нравственных или политических императивов общественно приемлемого поведения» (17, с. 42), «реальное наличие которых показало бы, что справедливость достигнута» (17, с. 46). По пути трансцендентального институционализма пошли такие современные теоретики как Рональд Дворкин, Дэвид Готье, Роберт Нозик.

Для представителей второго направления, таких как Маркиз де Кондерсе, Адам Смит, Иеремиа Бентам, Мери Уолстон Крафт, Карл Маркс, Джон Стюарт Милл и других, свойственны подходы, согласно Сену, «общим для которых был интерес к сравнению разных способов прожить жизнь, испытывающих на себе влияние не только институтов, но и фактического поведения людей, социальных взаимодействий и других значимых факторов» (17, с. 121-135). На позицию Сена, по его собственному признанию, «значительное влияние оказала традиция теории общественного выбора, (открытая Кондерсе в XVIII в. и прочно обоснованная Кеннетом Эрроу в настоящее время). «Мой подход, — отмечает Сен, — как и дисциплина общественного выбора, ориентируется на оценочные сравнения различных видов социальной реализации» (17, с. 136-168). В предисловии к указанной работе Сен поясняет, что целью её является изложение теории справедливости в весьма широком смысле. «Её цель, — подчеркивает Сен, — прояснить, как мы можем подойти к вопросам укрепления справедливости или же устранения несправедливости, а не предложить решение вопросов о природе совершенной справедливости» (17, с. 13). Это, отмечают авторы, не мешает ему опираться на идеи трансцендентального подхода.

К важным достижениям в подходе Ролза к справедливости как честности Сеном относится «блестяще обоснованная Ролзом идея, согласно которой честность имеет ключевое значение для справедливости, выступает важнейшим тезисом, выводящим нас далеко за пределы того понимания, которым ограничивались предшествующие труды по теме справедливости ...» (17, с. 106). Сен немалое значение находит в тезисе Ролза о природе объективности в практическом разуме, в обогащении понятия рациональности и проведении различия между «рациональным» и «разумным» (17, с. 69-93). Привлекает Сена «внимание к сильным аргументам в пользу трактовки свободы в качестве отдельного требования, во многих случаях перевешивающего все остальные вопросы при оценке справедливости общественного устройства», и «необходимость честности процедур ... что свя-

заны с недопущением людей к определённым постам в силу их расы, цвета кожи или гендера» (17, с. 107-109).

Сен, обращает внимание на проблемы, поставленные Ролзом, которые «можно решить, не вступая в противоречие с основным подходом Ролза» (17, с. 110). К таким проблемам Сен относит, прежде всего, проблему «абсолютного приоритета свободы», который «является чрезмерным максимализмом». «Почему, - спрашивает Сен, - мы должны во всех случаях считать недоедание, голодную смерть и отсутствие медицинской помощи менее важными проблемами, чем посягательство на личную свободу какого угодно рода? ... В действительности можно согласиться с тем, что у свободы должен быть определённый приоритет, но абсолютно неограниченный приоритет почти наверняка является чрезмерным» (17, с. 110). «Во-вторых, рассуждает Сен, согласно принципу различия Ролз оценивает возможности людей через средства, которые у них имеются, не принимая в расчёт значительные различия в их возможностях превратить первичные блага в достойную жизнь. ... есть сильные доводы в пользу перехода от исключительного внимания к первичным благам к реальной оценке свобод и возможностей» (17, с. 111). Сен рассматривает такие социальные группы как люди с ограниченными физическими возможностями, беременные женщины. Далее Сен поясняет, что рассматривая ограничения внимания исключительно к индексу первичных благ при формировании принципов справедливости в общем подходе Ролза, он не хочет указать, что с его трансцендентально-институциональным подходом было бы всё в порядке, если бы внимание к первичным благам было бы заменено прямым разбором возможностей. «Здесь, - отмечает Сен, - я утверждаю, что теория Ролза обременена не только общими затруднениями, связанными с подходом трансцендентального институционализма, но также и с тем, что она сосредоточена на первичных благах, используемых как инструмент решения, вписанного в её принцип справедливости» (17, с. 341).

Таким образом, анализируя концепции Сена в рамках данной статьи, авторы полагают, что целесообразно обратить внимание исследователей на сформулированные им потребности дальнейшего исследования проблем справедливости. В предисловии к работе «Идея справедливости» Сен отмечает, что назрела «потребность в теории, которая не ограничена ни выбором институтов, ни выявлением идеального общественного устройства. Потребность в понимании справедливости, ориентированном на реализацию, связана с аргументом, утверждающим, что справедливость не может быть безразлична к жизни, которой люди действительно могут жить. Значение человеческих жизней, опыта и реализации невозможно заменить информацией о существующих институтах и действующих правилах. Институты и правила весьма важны, поскольку влияют на происходящее, они неотъемлемая часть реального мира, однако действительность как таковая выходит далеко за пределы организационной

картины и включает жизнь, которой людям удаётся – или не удаётся – жить» (17, с. 55-56). Сен, учитывая, как западные, так и восточные традиции, что ценно для российских исследований, предлагает свой подход, опираясь на теорию общественного выбора и достижения сторонников договорного подхода. В заключительной главе работы Сен обобщает: «Я уже доказывал, что подход, названный мной трансцендентальным институционализмом и разделяемый большинством основных трактовок справедливости в современной политической философии, включая и теорию справедливости как честности, разработанную Ролзом, можно отметить, переориентировав вопросы справедливости, во-первых, на оценку разных видов социальной организации, то есть на то, что действительно происходит (а не просто на оценку институтов и устройства); и, во-вторых, на сравнительные проблемы укрепления справедливости (а не просто попытки определить совершенно справедливое устройство)» (17, с. 512-513).

Невозможно не коснуться глобальных проблем, анализируемых Сеном в аспекте проблем справедливости, ибо по его верному замечанию «сегодня наши «окрестности» на самом деле охватывают весь мир» (17, с. 505).

Сен желает успеха создателям трансцендентально справедливой системы институтов, которая должна охватить весь мир «Однако, - полагает Сен, - по мнению тех, кто готов сосредоточиться, по крайней мере пока, на уменьшении числа явных несправедливостей, от которых страдает весь наш мир, для теории справедливости более значимым может оказаться «всего лишь частичное упорядочивание» (17, с. 69-167, 341).

В настоящее время Общественная палата Российской Федерации представляет в числе своих приоритетных задач борьбу с бедностью. Общественная палата Российской Федерации предлагает создать систему по предотвращению или смягчению последствий основных социальных рисков, которые снижают уровень доходов граждан. Для этого на региональном уровне предлагается провести инвентаризацию и последующую оптимизацию систем мер социальной поддержки. Еще одной возможных мер сокращения бедности является переориентация существующей категориальной системы социальной поддержки в сторону адресности, а также введение универсального пособия для малоимущих (24).

Закон должен соответствовать праву. В противном случае он перестаёт быть правовым явлением и теряет своё правовое значение. Только равное ограничение делает из свободы право (25, с. 32-44). В.С. Соловьёв сделал вывод, что окончательно всё дело не в равенстве, а в качестве самого ограничения: требуется, чтобы оно было действительно справедливо, требуется для настоящего, правового закона, чтобы он соответствовал не форме справедливости только, а её реальному существу, которое вовсе не связано с отвлечённым понятием равенства вообще. Кривда, равно применяется ко всем,

не становится от этого правдой. Правда или справедливость не есть равенство вообще, а только равенство в должном» (26, с. 24).

«Сущность правового принципа справедливости, - отмечает В.Д. Филимонов, - составляет его способность разрешать социальные противоречия с помощью права» (68). По мнению Д.Ллойда идея справедливости является важнейшей составной частью идеи права, более того, идея права всегда ассоциируется с идеей справедливости.(45) Анализируя категорию справедливости как наиболее универсальную и базисную для римского частного права, В.А. Савельев обращает внимание исследователей на выражение древнеримского юриста Павла: «Справедливость вообще всегда должна приниматься во внимание, но особенно в праве».(62) Этическое обоснование права в том или ином виде характерно для всех исторических эпох и стран. В первобытном обществе характер моно-норм имели обычаи. Они интегрировали в нераздельное единство все возможные средства регуляции. На первых фазах формирования юридические нормы повсеместно выступали в единении с религиозными и этическими нормативными положениями. (31) Право характеризовалось как искусство добра и справедливости. «Именно в этике, - подчёркивал С.С. Алексеев, - с того времени и до наших дней находит достаточное основание и поддержку характерная для права во всех его разновидностях категория справедливости – соразмерности, меры, а также сама возможность принуждения людей к соблюдению каких-то единых правил, норм». (28) Платон проблему справедливости рассматривает в контексте самых важных проблем человеческой жизни. Справедливость, как четвёртая добродетель идеального государства, отмечает Платон, наступает тогда, когда каждый занимается своим делом и не вмешивается в чужие дела, обеспечивая тем самым целостность и процветание государства. «Каждый отдельный человек, - указывает Платон, - должен заниматься чем-нибудь одним из того, что нужно в государстве, и при том, как раз тем, к чему он по своим природным задаткам больше всего способен». (54) Платон полагает, что общее представление о справедливости, заключающееся в том, чтоб «отдавать то, что кто-то у кого-то взял», чтоб на добро отвечать добром, а на зло злом. Для Платона справедливость – это объективная характеристика, по природе присущая человеку. Быть справедливым – это «быть хорошим» не в субъективном, но в объективном смысле, то есть достичь своего «оптимума», «хорошего бытия», «совершенства». Справедливость у греков являлась одним из совершенств человека. Приносить кому-то пользу означало делать его лучше, а вредить кому-то, делать ему хуже, как раз в отношении присущего ему «совершенства». (32) В трактате «Законы» Платон утверждает, что только справедливый человек счастлив, несправедливый человек несчастлив. Сам же замечает, что это утверждение ложь, но ложь полезная, потому, что она побуждает граждан соблюдать законы. Это, по Платону, быть справедливым. (55) Значительный вклад в разработку концепций

справедливости и права внёс Аристотель, предприняв попытку всесторонней разработки науки о политике. Научное понимание политики Аристотель полагал как развитые представления о нравственности, поскольку объекты таких наук как этика и политика справедливое и прекрасное в основном совпадают. Аристотель отмечает: «...этика входит в политику как её часть и начало». (29) Аристотель рассматривал политику как высшую форму жизнедеятельности человека, поскольку через неё во взаимоотношениях между людьми утверждается справедливость и достигается благо каждого. Человек по своей природе есть существо политическое (дословный перевод: «есть животное государственное»). (30, с.378) Распределительная справедливость исходит из принципа «геометрического равенства» и означает деление общих благ по достоинству, пропорционально вкладу и взносу того или иного члена общества, возможно как равное, так и неравное наделение такими благами как власть, почести, деньги. Критерием уравнивающей справедливости является «арифметическое равенство», сферой применения этого принципа является область гражданско-правовых сделок, возмещение ущерба, наказания и т.д. Справедливость есть абстрактное выражение того, что должно делаться в соответствии с правом: не всем одно и то же, а каждому своё, так как для неравных равное стало бы неравным. Право, указывает Аристотель, есть норма политической справедливости, иначе «есть нормально закреплённая справедливость» (30, с.605) Идею справедливости Аристотель рассматривает в качестве основного критерия выделения правильных и неправильных форм государственного правления. «Наилучшим государственным строем, должно признать такой, организация которого даёт возможность всякому человеку благоденствовать и жить счастливо». (30, с.591)

Внимание проблемам справедливости и права уделяет Марк Туллий Цицерон. Люди, как отмечает Цицерон, самой природой наделены «семенами» разума и справедливости и потому стало возможным возникновение упорядоченного человеческого общежития, государства и права. Для правовой теории Цицерона характерны апелляции к природе, к её разуму и законам. В основе права лежит присущая природе справедливость. Справедливость представляется Цицероном как вечное, неизменное и неотъемлемое свойство природы в целом, и человеческой природы. Справедливость «проистекает из природы» и «все честные мужи ценят самое справедливость и право само по себе». (70, с.102,104) Право устанавливается природой, а не человеческими решениями и постановлениями. Человеческие установления, законы т.д. должны соответствовать справедливости и праву, так как последние не зависят от усмотрения людей. Соответствие или несоответствие человеческих законов природе является критерием их справедливости или несправедливости. Во взглядах на естественное право Цицерон испытывает влияние Платона и Аристотеля, в частности в понимании существа и

смысла справедливости. Авторы согласны с выводом В.А. Савельева о том, что «при столкновении отдельных норм гражданского права с принципом справедливости классическая юриспруденция отдавала приоритет справедливости, она являлась фундаментальным началом во всех сферах римского частного права». (62, с.66) При этом «выдающиеся римские правоведы понимали справедливость в праве как соразмерность в предоставлении прав субъектам правоотношений». (62, с.65)

Рассмотренные концепции справедливости и права условно можно отнести в истории развития западной научной мысли к доклассической парадигме, сложившейся в античную эпоху. Н.В. Разуваев отмечает, что «история западной научной мысли характеризуется последовательной сменой трёх парадигм: доклассической, сложившейся ещё в античную эпоху; классической, сформировавшейся в 17-18 вв.; и постклассической, переход к которой начался в XX в.». (59, с.136) Термин «классический» имеет самые различные толкования. Для классической (48, с.189-190) парадигмы, сформировавшейся в 17-18 вв. в анализируемых авторами областях характерен плюрализм подходов и концепций. Среди последних, исследователями выделяются, прежде всего, концепции естественного права в различных разновидностях (63) и концепции юридического позитивизма. Поскольку справедливость является требованием морали, вопрос о соотношении права и справедливости анализируется в контексте его соотношения с моралью. Одним из характерных элементов естественно-правовой доктрины, как отмечает Г. Кельзен, является «терминологическое отождествление права и справедливости», представление справедливости под именем «естественного права». (41, с.235) Для сторонников позитивизма характерно разделение права и морали (69, с.104-136), выделение принудительности как сущностной черты права, как воли суверена или совокупности общеобязательных норм. Например, Р. Иеринг определяет право, как совокупность «жизненных условий общества в обширном смысле, обеспечиваемых внешним принуждением». (38, с.371) «Право и мораль, - указывает А.А. Краевский, - с точки зрения юридического позитивизма - это две разные нормативные системы, однако вопрос о возможности включения морали в право, как его составной части разделил позитивистов на эксклюзивных и инклюзивных». (44, с.88) Такое положение, наряду с другими причинами, объясняется тем, что оценка формальной и содержательной сторон понятий справедливости и права у авторов различных концепций существенно различаются. Объективная верификация оценочных суждений затруднена. Э. Дюргейм подчёркивает, что граница между справедливым и несправедливым, определяемая миром ценностей человека, неустойчива и может перемещаться индивидом почти произвольно. (34, с.6) Несмотря на попытки выдающихся мыслителей человечества решить проблему справедливости, вопрос остается не разрешимым. Г. Кельзен стремится доказать,

«что никакой объективный критерий справедливости невозможен, так утверждение о том, что нечто справедливо или несправедливо является оценочным суждением, отсылающим к конечной цели». (34, с.233-234)

В последние два-три десятилетия наибольшей популярностью пользуется подход Дж.Роулса. «При отсутствии определённой меры соглашения о том, что есть справедливое и несправедливое, - отмечает Роулс, - гораздо сложнее людям результативно координировать свои планы для достижения устойчивого и взаимовыгодного сотрудничества. И поскольку концепция справедливости определяет права и обязанности, а также распределительные отношения в обществе, то её действенными способами можно решить проблемы продуктивности, координации и устойчивости общества (61, с.9). По мнению Роулса, справедливость является главной добродетелью общества, подобно тому, как истина составляет главную добродетель науки. Справедливость как ценность реализуется на основе акта признания, а не любви, «что и делает справедливость подлинной основой права». (35, с.46-55) Представляет интерес подход В.Д. Филимонова, согласно которого критерием справедливости как нравственного явления следует признать прежде всего такое отражение в общественном сознании свойство взаимосвязи и взаимодействия субъектов общественных отношений, которое выражает их соответствие личным и общественным интересам и обеспечивает поступательное развитие общества по пути прогресса. (68, с.6-7)

Не менее сложен вопрос с пониманием права. Актуально в настоящее время знаменитое высказывание И. Канта о том, что юристы до сих пор ищут дефиницию для своего понятия права. (40, с.612; 74, с.510-526) «Понятие права, которым пользуется здравый рассудок, - отмечает И. Кант, вполне совпадает с тем, что может развить из него самого самая утонченная спекуляция». (39, с.62) На вопрос о понятии права пытались и пытаются дать ответ практически все философы права, порой сомневаясь в возможности получить его. Исследователями выделяются такие грани права как: догма права, правовые идеи, правовое содержание. Каждая из них по-своему поддаётся философскому осмыслению или использованию как элемент идеологии. Б.А. Кистяковский обращает внимание на то, что именно догма права во многом делает юридическую науку наукой. (42, с.401) Отметим, что такой подход не упрощает проблему соотношения понятий справедливости и права. Правовые отношения между людьми, указывает И. Кант, подчинены принципу: «Я никогда не смогу сделать что-то другому, не представив ему права сделать мне при тех же условиях то же самое...». (40, с.181) На данном этапе ограничимся определением права, данным А.Г. Спиркиным. «Право - это социальные нормы, принимающие характер границ поведения человека в рамках данной государственности» (63, с.600), дополнив, что право это регулятор ценностный. Вводя в жизнь нормативные начала, он тем самым

даёт оценку явлениям общественной жизни, выступает «прежде всего, как система воспроизводства общих условий существования общества, его устойчивости и упорядоченности». (46, с.106)

Естественное право рассматривается преимущественно как право лишь в широком значении, то есть в значении социально оправданной возможности определённого поведения. С.С. Алексеев подчёркивает, что «требования и идеалы, обусловленные природной и социально-естественной средой, преломившись через правосознание, его культурные коды, приобретают правовой облик и в соответствии с этим выступают в виде правовых требований и прообразов... норм позитивного права». (28, с.26) Вместе с тем естественно правовые нормы как таковые, при всей их важности, не конкретизированы в достаточной степени, не обладают строгой определённой по содержанию, нередко понимаются сообразно представлениям тех или иных лиц. По своей сути они не предназначены для непосредственной регламентации поведения людей. Глубинная сущность естественного права как предосновы позитивного права раскрылась только в ходе исторического развития, прежде всего на пороге XX века, когда Б.Чичерин, П. Новгородцев, Л. Петражицкий, Б. Кистяковский, способствовали тому, что естественное право непосредственно обращается к человеку, приобретает непосредственное юридико-регулятивное значение. (42, с.508) Позитивное право в конкретном случае «это вопрос правотворческого акта, имевшего место в определённое время и в определённом месте». (42, с.508) Право в этом смысле выступает в виде законов, правосудия как жёсткий нормативно-ценностный регулятор поведения людей, тесно связанный с силой, властью. Неизбежно возникает вопрос о соотношении права и закона. «Закон, - подчёркивает А.Г. Спиркин, - это общепризнанное и безличное, т.е. не зависящее от личных мнений и желаний определение права...». (63, с.601) Закон на протяжении веков почитался людьми как кладёшь мудрости, добра, справедливости. На практике закон олицетворяет суд. (37, с.5) В правовом государстве призван править закон, а не олигархические группы и кланы, по определению И.Ю. Козлихина, «правление закона». (43, с.135-180) Наивысшим моральным требованием к закону является то, чтобы он был правовым. Как отмечает Н.И. Матузов, остаётся вопрос о том, «кто вправе судить, является ли тот или иной закон правовым или неправовым. Убедительный ответ на этот вопрос науке так и не удалось найти». (47, с.15)

Справедливость — это критерий, означающий наличие равных возможностей реализации людьми своих гражданских прав. Обострение проблемы соотношения права и социальной справедливости в современных условиях, по мнению В.Д. Зорькина «в значительной мере порождено именно отставанием права от потребностей меняющейся под влиянием глобализации социальной реальности». (36) Законодатель, как отмечает Д.А. Петров, объективно не в состоянии предвидеть и регламентировать

все возможные случаи поведения сторон. Используя оценочные понятия, он представляет правоприменителям свободу в их интерпретации, возможность наполнения конкретным содержанием в зависимости от ситуации. (53, с.33) Принцип равной меры и равного юридического подхода трансформируется в важнейшее правовое начало необходимости его справедливого применения - правосудия. Единство права и морали относится не только к содержанию права как нормативно-ценностной системы, но и к практике их реализации, что свидетельствует о генетической общности права и морали, «о наличии у них единого прародителя в самих основах человеческого бытия». (28, с.56)

В постклассике XX века единственной реальностью доступной восприятию является субъект, его сознание и опыт «на основе которого конструируется внешний мир во всём своём многообразии». (59, с.150) Предшественником постклассических подходов является Л.Н. Петражицкий, создатель психологической концепции права. Анализируя подходы представителей юридического позитивизма, Л. Петражицкий отмечает, что благодаря их учениям в юриспруденции воцарилось «пошло-практическое, чтобы не сказать циничное, отношение к праву... что право, как и нравственность, религия и т.д., придумано сознательно умными людьми для лучшего проведения известных расчётов и интересов; а работа юриспруденции упала до уровня заботы о карманных интересах собственников, кредиторов и т.д. и такого толкования права, при котором бы этим господам легко было бы доказывать и выигрывать иски в судах». (52, с.563) Л.И. Петражицкий предпринимает попытку создания «синтетической теории права, согласно которой право существует там, где «есть сознающий, переживающий психические акты субъект», выделяя два вида права: позитивное (гетерономное) и интуитивное (автономное), эмоции справедливости относит к интуитивному праву. Интуитивное право представляет собой автономные правовые эмоции, которые возникают в психике субъекта без опосредования какими-либо нормативными актами. «Справедливость, по замечанию Е.В. Тимошиной, рассматривается Л.И. Петражицким исключительно как правовое явление, которое по этой причине должно быть изъято из ведения нравственной философии и изучаться в рамках общей теории права как один из видов права». (65, с.187) Таким образом, справедливость Л.И.Петражицкий представляет, как автономное этическое переживание императивно-атрибутивного типа, т.е. интуитивное право, которое определяется «жизненным миром» конкретного субъекта, носит «индивидуально-изменяемый» характер. «Человеческой психике, - отмечает Л.И.Петражицкий, - свойственна тенденция... давать определённые интуитивно-правовые решения на те вопросы, которые создаются как вопросы причинения добра или зла». (52, с.389). Интуитивное право Л.И. Петражицкий противопоставлял позитивному праву, как вызываемому в психике субъекта различными нормативными ак-

тами. Оба вида права для него являются индивидуально–психическими явлениями. Соответствие позитивного права коллективной интуитивно-правовой психике, т.е. справедливости, необходимое условие существующего правопорядка. Признавая возможность наличия пробелов в позитивном праве, Л.И. Петражицкий выступает против «тенденции искусственного затушования пробелов». (52, с.188) Если пробел невозможно восполнить с помощью позитивного права, судья «может выйти за пределы позитивного права и в силу прямого указания закона обратиться к аксиомам интуитивного права – справедливости или «правовой совести». (56, с.150) Л.И. Петражицкий был убеждён, что с помощью права произойдёт «неминуемая победа добра над злом как в человеческой душе, так и в правилах ... общежитий». (51, с.22) и характеризует свой идеал как «сверхправовой», в котором право, как и нравственность, выполнив задачу воспитания идеального социального характера, подлежат упразднению. (52, с.591)

Ученик Л.И. Петражицкого Р.А. Рейснер после революции 1917 г. предлагает идею «пролетарского интуитивного права». Р.А. Рейснер указывает: «Когда перерастают производительные силы тот или иной способ производства ... тогда под покровом существующего традиционного права рождается право интуитивное, порою долго растёт в бессознательной тиши, наконец ... приходит в соответствие с правом позитивным ... и на этой почве борьбы двух прав разыгрывается трагедия ... революций. ... Каждый класс становится под знамёна своего права, класс угнетающий цепляется за авторитет традиционных символов, идей и государственной практики, восстающий класс опирается ... на требования «справедливости». (80, с.159-160) Сильной стороной учения Петражицкого, которая в современном мире представляется актуальной, является обоснование им взаимосвязи и взаимообусловленности права и морали. «В данном случае, - отмечает А.А. Ференс-Сороцкий, - Петражицкий выступает чисто русским правовым философом, по-иному, творчески, но развивавший ту же тему, что и другие русские философы права, в том числе религиозные, такие как В.С. Соловьёв, И.А. Ильин, Н. Бердяев и др.». (67, с.197-198) Его проект, как подчёркивает Е.В. Тимошина, вскрывает ценностный смысл права как главного средства «окультуривания» человека и создаваемых им правовых институтов, напоминая очевидном ещё для римских юристов социальном предназначении юриспруденции как «искусства добра и справедливости». (65, с.185) В начале ХХI века начался поиск интегрального типа правопонимания. Разновидностью постклассической правовой концепции рассматривается коммуникативная концепция права А.В. Полякова, который продолжая идеи психологической теории права Л.И. Петражицкого наделяет индивида статусом основного носителя права. Задачу правоведения ХХI в. А.В. Поляков усматривает в поиске «путей формирования нового, интегрального типа правопонимания ..., возникающего на основе диалога всех школ и течений в современном правоведении,

как западных, так и восточных». (56, с.114) Классическая доктрина права - юридический позитивизм, как и теория естественного права, как отмечает А.В. Поляков, ограничились в основном представлением права как феномена, который не имеет «внутреннего антропологического источника саморазвития, движения и выступает «мёртвым», «абстрактным», «внешним» для субъекта правом, некоей априорной данностью, или знаковым комплексом, оторванным от человека и его жизненного мира». (57, с.11-12)

Трактовка права, включая принципы права, в том числе и принцип справедливости должна быть кардинально переосмыслена. «Главное постклассической юриспруденции, - отмечает И.Л. Честнов, - это поворот лицом к практическим нуждам, к человеку, выступающему правоприменителем и «потребителем юридических услуг». (72, с.36) Достижение этих целей феноменолого-коммуникативный подход, по мнению А.В. Полякова, предполагает признание методологических принципов. Во-первых, что «право, как феномен не существует вне социального субъекта, вне социального взаимодействия». Во-вторых, «такое intersubjective взаимодействие, опосредованное легитимными правовыми текстами, всегда является специфическим коммуникативным поведением, субъекты которого обладают взаимообусловленными правомочиями и обязанностями». В-третьих, «Право представляет собой синергичную коммуникативную систему». (56, с.114) Право, как целостность, отмечает А.В. Поляков, всегда есть действующее право. Как материя невозможна без движения, так право невозможно без своего действия. (56, с.5) По мнению А.В. Полякова и Е.В. Тимошиной система правовых коммуникаций представляет собой такую систему отношений, «субъекты которых на основе интерпретации различных социально легитимированных правовых текстов нормативно взаимодействуют между собой путём реализации принадлежащих им прав и обязанностей». (58, с.109) «Правовая норма, - указывает А.В. Поляков, - это норма поведения, и нормой правовой коммуникации может стать только такое правило, которое реализуется в поведение субъектов как их права и обязанности. ... Текст закона, не реализуемый в поведении, позволяет конструировать лишь виртуальную норму, но не норму права в коммуникативном понимании». (57, с.19) Справедливость в праве с позиций постклассической парадигмы – «это механизм конструирования социального представления о справедливом» и далее «это конструирование легитимности юридических норм и институтов через формирование социальной (правовой) идентичности, в которой легитимность приобретает формальную определённую». (72, с.45,50)

В коммуникативной теории права принципиальное значение имеет перевод права, закреплённого в правовых текстах, в русло конкретных правоотношений. Это восстанавливает творческую роль индивида в механизме правового регулирования. В позитивистских концепциях он простой исполнитель права, «да ещё по мотивам боязни быть

привлечённым к юридической ответственности». (71, с.37) В.М. Сырых в коммуникативной теории права отмечает следующие достоинства. Во-первых, «отрицание основного постулата позитивной доктрины - способности позитивного права выступать в качестве единственного правового регулятора общественных отношений». Во-вторых, признание взаимообусловленных прав и обязанностей субъектов коммуникации в качестве необходимого, основного признака права». В-третьих, обоснование правовых отношений как вторичного правового, «который уточняет, конкретизирует смысл правовой нормы». (64, с.109-111) Постмодернизм, отмечает И.Л. Честнов, «за прошедшие десятилетия с момента своего «рождения» не предложил ... какую-либо позитивную программу трансформации современного социума и права, в том числе». (71, с.102)

Право становится правом только реализуясь в действиях человека. Именно субъект творит правовую реальность. В то же время он сам обусловлен предшествующей социальной реальностью. (33, с.76) В социальной практике должны учитываться противоречия между правом и моралью. Нравственные и правовые требования не всегда и не во всем согласуются. Оптимальное сочетание этического и юридического всегда было трудноразрешимой проблемой во всех правовых системах. Мораль и право находятся в постоянном взаимодействии. «Там, где право отказывается давать какие-либо предписания, - отмечает П.И. Новгородцев, - выступает со своими велениями нравственность; там, где справедливость бывает не способна одним своим внутренним авторитетом сдерживать проявление эгоизма, на помощь ей приходит право со своим внешним принуждением». (49, с.113)

В определенной степени требует внимание Проект Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» № 885214-7, которым подвергаются правовому регулированию отдельные аспекты функционирования государства и его институтов, так и определение институтов гражданского общества. (76) Проект закона № 885214-7 дополняет регулирование отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти, в частности указываются институты организации публичной власти; установление системы федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, порядок их организации и деятельности, формирование федеральных органов государственной власти. В проекте закона № 885214-7 устанавливаются основы федеральной политики и федеральные программы в области государственного, экономического, экологического, научно-технологического, социального, культурного и национального развития Российской Федерации, единых правовых основ системы здравоохранения, системы воспитания и образования, в том числе непрерывного образования. (76)

Проект закона дополняется статьей 75¹ следующего содержания: В Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность. (76)

Конституция РФ дополняется статьей 114 пунктом "е¹" в отношении обязанностей государства следующего содержания: "е¹) осуществляет меры по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, обеспечивает их участие в выработке и проведении государственной политики;" , а также дополняется пунктом "е²" следующего содержания: "е²) осуществляет меры по поддержке добровольческой (волонтерской) деятельности;" . (76)

Таким образом, государство и гражданское общество находятся в процессе совершенствования и развития, определяют меру участия и ответственности в жизни человека.

Список источников

1. Коэн Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003. С. 91
2. Материалы симпозиума «Гражданское общество в России: стратегия и тактика формирования». СПб, 2001 г.
3. Мешкова Т.А. Социально-политические аспекты глобальной информатизации // Полис. 2002. № 6. С. 24—33;
4. Мотрошилова Н.В. О современном понятии гражданского общества // Вопросы философии. 2009. № 6. С. 12—33
5. Сердобинцев К.С. Глобальная экономика и институты гражданского общества // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 21—30
6. Хрестоматия по философии // Под ред. Радугина А.А. М.: Центр, 2001. — 416 с.
7. Андреева Л.А., Виснап Н.Е., Трухина И.Н. ПОНЯТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ: ТЕОРИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по матер. XIX междунар. науч.-практ. конф. Часть II. – Новосибирск: СибАК, 2012.
8. Сайт Администрации Президента РФ // [Электронный ресурс] – Режим доступа. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/533.79> (Дата обращения 20.03.2020).
9. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Социальная справедливость (некоторые конституционные вопросы). ОНС. 2017. С. 7-8.
10. Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в современном мире. М. Наука 2016. С. 35, 43, 150, 187.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 273.
12. Юлий Павел. Пять книг сентенций к сыну. М. Зерцало. 1998. С. 112.
13. Савельев В.А. Справедливость (aequitas) и добросовестность (bona fides) в римском праве

классического периода. //Государство и право. 2014. № 3. С. 66.

14. Фома Аквинский. Сумма против язычников. Кн. 1. М. 2004. С. 413.

15. Фома Аквинский Сумма теологии, Т. Первая часть. Второй части Вопр. 68 – 114. М., 2012, в.96, р. 2. С. 338, 348.

16. О главных христианских добродетелях и гордости. Книга о. схиигумена Саввы. М. 1991. С. 119.

17. Сен Амартия. Идея справедливости. Изд-во института Гайдара. М. 2016. С. 13, 21, 42, 46, 55 – 56, 69 – 167, 69 – 93, 106, 107 – 109, 110, 111, 121 – 135, 136 – 168, 187, 341, 505, 512 – 513.

18. Фелпс Э. Массовое процветание как низовые инновации стали источником рабочих мест, новых возможностей и изменений. М. Изд-во ин-та Гайдара 2015. С. 397.

19. Кашников Б.Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России. Великий Новгород. 2004. С. 73.

20. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск. 1995. С. 8 - 9, 19, 20, 29, 67, 267.

21. Макеева Л.Б. Джон Ролз. Философы XX века, кн. третья. М. Искусство – XXI век. С. 202, 205.

22. Ролз Дж. Идея блага и приоритет права. // Современный либерализм. М. 1998. С. 99, 160.

23. Ролз Дж. Право народов // Вопросы философии, 2010. № 9. С. 79, 99 – 100.

24. Общественная Палата РФ. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2017 год. М.: Общественная палата РФ. – 100 с.

25. Андреева Л.А., Трухина И.Н. СПРАВЕДЛИВОСТЬ В НОРМОТВОРЧЕСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по матер. LXX междунар. науч.-практ. конф. № 2(64). – Новосибирск: СибАК, 2017. – С. 32-44.

26. Соловьёв В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. // Собр. соч.: В 2 Т. М., 1988. Т. 2. С. 24.

27. Андреева Л.А., Трухина И.Н. ПРОБЛЕМА СПРАВЕДЛИВОСТИ В ФИЛОСОФИИ, ПРАВЕ И ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. по матер. VII междунар. науч.-практ. конф. № 2(7). – Новосибирск: СибАК, 2018. – С. 77-88.

28. Алексеев С.С. Философия права. М., 1997. С. 8, 26, 56.

29. Аристотель Большая этика. Соч. В 4 т. М., 1983. Т.4. С. 296.

30. Аристотель. Политика. Т. 4. С. 380, 378, 605, 591.

31. Баскин Ю.Я. Очерки философии права. Сыктывкар, 1996. С. 4.

32. Бугай Д.В Проблема справедливости в первой книге «Государства» Платона: Кефал и Полемарх. // Вопросы философии 2015. № 1. С. 123.

33. Дорская А.А., Честнов И.Л. Эволюция системы права в России: теоретический и историко – правовой подходы. СПб. 2010 С. 76.

34. Дюргейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М. 1991. С. 6, 233-234.

35. Жданова Г.В. Феноменология права Н.Н. Алексеева // Вопросы философии 2016. С. 46 – 55.

36. Зорькин В.Д. Правовое регулирование экономики, глобальные тенденции и российский опыт. // Российская газета. 2012. 1 июля.

37. Иеринг Р. Борьба за право. М., 1991. С. 5.

38. Йеринг Р. Цель в праве. Т. 1. СПб. 1881. С. 371.

39. Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 62.

40. Кант И. Собр. Соч.: в 6 т. Т. 3 ред. В.Ф. Асмус. М. 1964.. С. 612, Т. 4. Ч. 1. С. 181.

41. Кельзен Г. Право, государство и справедливость. // Известия вузов. Правоведение. 2013. № 2. С. 235.

42. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916. С. 401, 508.

43. Козлихин И.Ю. Право и политика. СПб. 1996. С. 135 – 180.

44. Краевский А.А. Чистое учение о праве и юридический позитивизм. // Известия вузов. Правоведение. 2015. № 2С. 88, 115.

45. Ллойд Д. Идея права. М., 2009. С. 118.

46. Малинова И.П. Философия правотворчества. Екатеринбург 2006.С. 106.

47. Матузов Н.И. Личность, политика, право. // Теория политики (общие вопросы). Саратов 1994. С. 15.

48. Нерсисянц В.С. Право и закон. Из истории правовых учений. М., 1983. С. 189 – 190.

49. Новгородцев П.И. Право и нравственность. // Правоведение. 1995. № 6. С. 113.

50. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 389.

51. Петражицкий Л.И. Введение в науку политики права. // Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избр. тр. / Науч. Ред. Е.В. Тимошина. СПб. 2010. С. 22.

52. Петражицкий Л.И. К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права. // Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Изб. Труды. / Науч. Ред. Е.В. Тимошина. СПб. 2010. С. 563, 591.

53. Петров Д.А. Требование добропорядочности, разумности и справедливости как признаки недобросовестной конкуренции. // Юрист. 2016. № 1. С. 33.

54. Платон Государство. Соч. М. 1971 – 1972, 1994.. С. 433.

55. Платон. Собр. Соч. В 4-х т. Т. 4. М. 1994. С. 109 – 110.

56. Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. Курс лекций. СПб. 2004. С. 114.

57. Поляков А.В. Прощание с классикой, или как возможна коммуникативная теория права. //

Российский ежегодник теории права. СПб. 2009. С. 11 – 12, 19.

58. Поляков А.В., Тимошина А.В. Общая теория права. СПб. 2005. С. 109.

59. Разуваев Н.В. Современная теория права в поисках постклассической парадигмы познания. // Вестник вузов. Правоведение. 2014. № 5. С. 136.

60. Рейснер М.А. Теория Петражицкого, марксизм и социальная революция. СПб. 1908. С. 159 – 160.

61. Роулс Дж. Теории справедливости. 2-е изд. М., 2010. С. 9.

62. Савельев В.А. Справедливость (aequitas) и добросовестность (bona fides) в римском праве классического периода // Государство и право. 2014. № 3. С. 66.

63. Спиркин А.Г. Философия. Изд.-2. М., 2006. С. 600, 601.

64. Сырых В.М. Прощай классика, вперёд к материалистической теории права. // Вестник вузов. Правоведение. 2014. С. 45.

65. Тимошина Е.В. Право, как справедливость: концепция интуитивного права в школе Л.И. Петражицкого. // Вестник вузов. Правоведение. 2010. № 6. С. 185, 187.

66. Тимошина Е.В. Свобода судебного правотворчества: правосудие или «правоубийста»? (Вопросы судебного толкования в правовой концепции Л.И. Петражицкого. Вестник вузов. 2015. № 2 С. 150.

67. Ферес-Сороцкий А.А. О некоторых вопросах взаимоотношения права и морали. Идеи Л.

Петражицкого в библейском контексте. // Вестник вузов. Правоведение. 2014. №1. С. 197 – 198.

68. Филимонов В.Д. Справедливость как принцип права. // Государство и право. 2009. № 9. С. 6-7.

69. Харт Г.Л.А. Позитивизм и разграничение права и морали. // Правоведение. 2005. № 5. С. 104 – 136.

70. Цицерон. Диалоги. М. 1966. С. 102, 104.

71. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб. 2012. С. 102.

72. Честнов И.Л. Концепт справедливости в постклассическом правопонимании. // Вестник вузов. Правоведение. 2013. № 2. С. 36,45,50.

73. Четвернин В.А. Основные концепции естественного права. М. 1988

74. Шауер Ф. Существует ли понятие права. // Российский ежегодник. Теория права. 2008. № 1. С. 510 – 526.

75. Андреева Л.А., Трухина И.Н. СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ПРАВО – НОРМАТИВНО-ЦЕННОСТНЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ СОЦИУМА // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по матер. LXIX междунар. науч.-практ. конф. № 1(63). – Новосибирск: СибАК, 2017. – С. 59-71.

76. Проект Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» № 885214-7 / СПС КонсультантПлюс (дата обращения 21.03.2020)

PEDAGOGICAL SCIENCES

MASTER'S PORTFOLIO AS A MEANS OF COMPETENCE-BASED ASSESSMENT IN ACADEMIC WRITING

Babenko T.

Doctor of Philosophy

Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ukraine

Abstract

Higher education in Ukraine is facing new challenges brought about by the reform processes that affect its content and structure. The reduction of contact hours has increased both the hours of students' independent work and their responsibility for academic success. Under these conditions, the portfolio becomes one of the most efficient means of assessing students' academic performance as it consists of a collection of syllabus-based writing tasks that demonstrate the learner's gradual achievements during the course, enables the teacher to follow them and reinforce their formation. The introduction of portfolios into the learning process is rather advantageous because they aim at the development of generic and subject-specific competences. Some of them, being transferrable can be applied to the other academic courses.

Keywords: academic writing, academic assessment, competences, competence-based portfolio.

Assessing students by competences becomes nowadays rather popular for several reasons. Firstly, the epoch of globalisation and the process of integration into the European Higher Education Area have dramatically changed University curriculums in Ukraine. One of the transformations has influenced the syllabuses by decreasing the number of contact hours and increasing the volume of students' self-study work. Under these conditions, the role of the academic portfolio, as one of the assessment means, significantly grows. Secondly, competence-based students' assessment evaluates subject-specific competences, which embrace sets of skills integrated with knowledge and abilities, and demonstrate the learners' capacity to apply these competences to solving their practical tasks.

According to O'Malley & Pierce (1996), "the *assessment portfolio* is a systematic collection and evaluation of students' work measured against predetermined scoring criteria, such as scoring guides, rubrics, checklists, or rating scales". The portfolio serves "for supporting and facilitating individual learning" and "assessing learners' outcomes (Ballweg, 2016). It becomes a sustainable assessment tool when its content coincides with the themes included in the syllabus and "provides a framework for the whole course" so that "the course begins and ends with a portfolio focus" (Rea, 2001).

The researches identify the benefits of portfolio usage for both teachers and learners. With the help of portfolios, students get an illustration of "variety and quality of work" they do (Gomez, 1999) through which they can reinforce the "understanding of writing as a recursive process" (Romovaa & Andrewb, 2011), follow their improvement of the learning process, and evaluate their achievements (Ballweg, 2016). For teachers, the portfolio is one of the means for receiving feedback from the students. Being "an organized record" of the learners' academic skills development, portfolios reflect students' achievements over a course. They contain collections of documents illustrating var-

ious works assigned by the lecturer, along with the students' "reflections on these documents" and their "development over time". (O'Malley & Pierce, 1996; Gomez, 1999; Hamp-Lyons & Condon, 2000; Ballweg, 2016). Thanks to the portfolio, the teacher can follow the process of developing academic writing competences by "supporting and facilitating individual learning processes" (Ballweg, 2016). Besides, the assessment portfolio contributes to "the teacher's professional development" (Hamp-Lyons, L., 2006).

Portfolios focus on different competences, skills, and abilities. Sánchez & Ruiz (2008) define competence as "good performance in diverse, authentic contexts based on the integration and activation of knowledge, rules, and standards, techniques, procedures, abilities, and skills, attitudes, and values". The analyses of University curricula in English-speaking countries revealed that all of them aim at the development of the most valuable, for the contemporary world, competences. Having analysed the data received from twenty universities, Sánchez & Ruiz (2008) draw a list of thirteen competences and skills, which noticeably contribute to students' academic achievements, and, at the same time, are highly esteemed by employers. It appeared that subject-specific skills, which are in the focus of the Academic Writing Course, such as, written and oral communications, note-taking, essay and report writing, presentation skills, top the list of the desirable competences and skills.

The Tuning Methodology identifies generic (general academic) competences divided into instrumental, systemic, and interpersonal; and subject-specific competences referring to subject areas (González, & Wagenaar, 2005, pp.28-32; Kennedy, Hyland, & Ryan, 2009, p.5). The instrumental competences appear to be "crucial to the success" of students' academic work. They involve the ability to integrate knowledge and recognise "the complexity and dynamics of a situation". These competences enable "knowledge transfer" and the "analysis of systems"; they are responsible for creating "mental models" and development of "systemic

thought”, which helps “organize and integrate the inter-related components to form a whole” (Sánchez & Ruiz, 2008, pp. 73-76). In the language teaching and learning practice, instrumental competences define “knowledge of a second language, ability to analyse, and synthesize”. They involve, as well, the capacity for time management, planning, and the ability to apply knowledge to practice” (Kesler & Ware, 2012, p. 98). A student’s essay is a kind of undertaking that needs instrumental competences to the full extent. The mental processes preceding essay writing integrate generic and subject-specific competences, skills, and abilities needed to comprehend the theme of the essay, recollect and analyse the background information from the previous learning courses, ensuring the transfer of knowledge; to gather the appropriate information from scientific sources, applying the competences of systemic thinking (critical reading and thinking) and abilities to analyze, generalize and synthesize.

Systemic competences “involve abilities and skills related to comprehension of an overall system or whole”; they “group into three categories: organisation, enterprise, and leadership” (Sánchez & Ruiz, 2008, p. 255). These competences characterise a creative personality able to find a unique solution to the problem, to be flexible and original. Systemic competences are too complicated, and a person needs a lot of time to form them, but creative academic writing tasks can significantly contribute to their development. If to speak in the terms of the Academic Writing methodology, these competences relate “to the way language works as a system” (Johnson, 2008), and embrace sets of subject-specific competences, abilities, and skills.

The ability “to interact well with others” is an integral part of interpersonal generic competences (Sánchez & Ruiz, 2008). Functioning at individual and social levels, they enhance students’ successful academic performance. The Academic Writing Course

deals mainly with written communication, but oral communication still plays its role. Some of the syllabus’ items involve discussions, teamwork, presentations, and question-answer sessions.

For 16 contact-hour masters’ Academic Writing Course at the Faculty of Sociology at Taras Shevchenko National University of Kyiv, the master’s competence-based portfolio became an important tool for following and assessing students’ success in the discipline. Students keep their portfolios both in electronic and written forms. The content of the portfolio coincides with the items related to the Academic Writing syllabus and consists of six papers, which serve for developing one or more subject-specific competences along with skills and abilities. For example, the first item in the syllabus deals with the types of reading and ways of gathering information. For their independent work, students have to read a journal article on the topic of the research. The next step, note-taking, preludes the essay writing and involves different types of reading, including critical reading followed by critical thinking, analysis, evaluation, and summarising. Citation practice accomplishes the notes by adding references generated according to the APA citation format, as well as, sentences and phrases chosen for direct quotation and paraphrasing.

The variety of fulfilled tasks reveals the learning achievements in each section of the course, ensures the adequate involvement of each student into the learning process, and witnesses about the students’ persistent work on the key points of the course. Each item of the portfolio has its criterion according to which the lecturer assesses learners’ academic achievements. In a whole, the master’s portfolio accounts for the half of the final grade.

To the end of the Academic Writing Course, the assessment items look like the embodiment of the academic and subject-specific competences (Table 1).

Table 1

Competences Formation in Academic Writing Course

	Assessment items	Generic (academic) competences	Subject-specific competences and skills
1.	Notes of a scientific article on the topic of the research	Instrumental competences: metacognitive, cognitive, linguistic	Methodological; critical reading, critical thinking, note-taking; analysis, synthesis, evaluation, summarising
2.	Annotated bibliography to the reference article		
3.	Argumentative or Compare-and-contrast essay (preluded by the abstract)	Systemic competences: sociolinguistic, pragmatic, discourse	Research skills; planning, drafting, structuring, signposting, emphasizing, editing.
4.	Conference abstract		
5.	Presentation (text and slides)	Systemic and interpersonal competences: sociolinguistic, sociocultural, communicative, strategic; mediation and intercultural	Critical thinking, summarising, time managing; transaction and interaction (intercultural and communicative skills); non-verbal communicative skills.
6.	Cover letter	Systemic and interpersonal competences: sociolinguistic, sociocultural, metacognitive	Critical thinking, self-managing, self-monitoring, politeness skills.

The academic writing portfolio is a collection of syllabus-based items that reveal the student’s gradual

achievements and reflect the process of forming generic and subject-specific competences, which embrace

sets of skills integrated with knowledge and demonstrating the learners' capacity to use these competences for solving their learning tasks. The portfolio appears to be one of the most effective and sustainable assessment means because it helps evaluate the students' in-course performance and reveals the competences achieved by the learners to the end of the Academic Writing Course. The competence-based portfolio adequately involves each student into the learning process, facilitates self-study work and promotes self-evaluation, fosters the development of generic and subject-specific competences. The main advantage of the portfolio is that at end of the course, the learner gets a possibility to view the entire procedure of creating an academic piece of writing: starting with gathering information and reading scientific literature up to creating an essay on the topic. Moreover, the portfolio can function as a model for further academic achievements within the other academic courses.

References

1. Ballweg, S. Portfolios as a Means of Developing and Assessing Writing Skills.// S. Göpferich & I. Neumann (eds.) *Developing and Assessing Academic and Professional Writing Skills*. V. 56 (2016), pp. 143-172. DOI 10.3726/978-3-653-04973-2
2. González, F. J., & Wagenaar, R. Tuning Educational Structures in Europe. Part II. Universities' Contribution to the Bologna Process. (2005), P. 385. Retrieved from: http://tuningacademy.org/wp-content/uploads/2014/02/TuningEUII_Final-Report_EN.pdf
3. Gómez, E. L. Assessment Portfolios and English Language Learners: Frequently Asked Questions and a Case Study of the Brooklyn International High School. //The Education Alliance, LAB at Brown University. (1999). Retrieved from: <https://www.brown.edu/academics/education-alliance/sites/brown.edu/academics/education-alliance/files/publications>.
4. Hamp-Lyons, L. Feedback in portfolio-based writing courses.// F. Hyland & K. Hyland (eds.) *Feedback in Second Language Writing. Context and Issues* (2006), pp. 140–161.DOI: 10.1017/cbo9781139524742.010
5. Hamp-Lyons, L., & Condon, W. *Assessing the portfolio principles for practice, theory, and research*. Cresskill, NJ: Hampton Press. (2000), P.216. Retrieved from: <https://www.worldcat.org/title/assessing-the-portfolio-principles-for-practice-theory-and-research/oclc/4265>
6. Johnson, K. *An introduction to English language learning and teaching*. 2-nd ed. Pearson Education. (2008), P.379. <https://doi.org/10.1177%2F1362168810375373>
7. Kennedy, D., Hyland, Á, & Ryan, N. Learning outcomes and competencies. // *Using Learning Outcomes: Best of the Bologna Handbook ntroducing Bologna Objectives and Tools*. V. 33 (2009), pp. 59-76. Retrieved from: <https://www.researchgate.net/publication/285264101>
8. Kesler, G., & Ware, P.D. Addressing the Language Classroom Competences of the European Higher Education Area Through the Use of Technology.// M. L. Pérez Cañado (ed.) *Competency-based Language Teaching in Higher Education*. (2012), pp. 93-106. Retrieved from: <https://books.google.com.ua/books?id=In6ZYpj-3zAC&pg=PA102&lpg=PA102&dq=G.Kesler+PD+Ware&source>
9. Malley, J.M., & Valdez Pierce, L. *Authentic assessment for English language learners: Practical approaches for teachers*. New York: Addison-Wesley. (1996), P. 268. Retrieved from: <https://trove.nla.gov.au/version/46285910>
10. Romova, Z., & Andrew, M. Teaching and assessing academic writing via the portfolio: Benefits for learners of English as an additional language. *Assessing Writing*, V. 16(2), (2011), pp. 111–122. DOI: 10.1016/j.asw.2011.02.005
11. Rea, S. Portfolios and Process Writing: A Practical Approach. // *The Internet TESL Journal*, (2001), Vol.VII, No. 6, June. Retrieved from: <http://teslj.org/>
12. Sánchez Aurelio Villa, & Ruiz, M. P. Competence-based learning a proposal for the assessment of generic competences. (2008), P. 334. Bilbao: University of Deusto. ISBN: 978-84-9830-967-6

APPLICATION OF INTERNET COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN THE EDUCATIONAL PROCESS

Smagulov Zh.K.

*Professor, candidate of physical and mathematical Sciences
Karaganda state University named after academician E.A.Buketov*

Nuradinuly Zh.

Bachelor

ПРИМЕНЕНИЕ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Смагулов Ж.К.

*Профессор, кандидат физико-математических наук
Карагандинский государственный университет им. академика Е.А. Букетова*

Нұрадинұлы Ж.

*Бакалавр***Abstract**

The article presents the results of the use of Internet communication technologies in the educational process. As an Internet communication technology, a teacher's training website developed for College students in the discipline of physics was used. It is shown on the example of an experimental group that the use of a website increases the academic performance and cognitive activity of students.

Аннотация

В статье приведены результаты применения интернет-коммуникативных технологий в учебном процессе. В качестве интернет-коммуникативной технологии использован разработанный обучающий веб сайт преподавателя для учащихся колледжа по дисциплине физика. Показано на примере экспериментальной группы, что использование веб сайта повышает успеваемость и познавательную активность обучающихся.

Keywords: Internet-communication technologies; training; didactic principles; website.

Ключевые слова: Интернет-коммуникативные технологии; обучение; дидактические принципы; веб-сайт.

Интернет-коммуникативные технологии (ИКТ) в образовании дают новые возможности: повысить эффективность процесса обучения, а именно стимулировать учащихся к получению знаний и позволяют выполнять поставленные задачи максимально быстро, а также повысить уровень знаний и качество преподавания. Это стало возможно благодаря тому, что в свободном доступе имеются необходимые методические материалы. Преподавать можно используя мультимедийные презентации, с применяя аудио- и видео пособия, облегчающие процесс обучения. Сейчас актуален вопрос об удаленном обучении, т.е. дистанционном обучении. Это становится возможным благодаря тому, что связь через интернет помогает проводить уроки и с преподавателем, и без личного контакта с учеником преподавателя, так как для самообразования имеется огромное количество разнообразных пособий. ИКТ используются сейчас не только в высших учебных заведениях, но и в школах, а также для домашнего обучения. Подобные технологии позволяют по-новому взглянуть на всю систему образования, сделать ее комфортнее и приятнее, а также сам процесс обучения становится более результативным и эффективным. ИКТ помогают преподавателю организовать процесс обучения, а также развить у учащихся навыки самостоятельной деятельности, что способствует более качественному усвоению теоретического материала и применению его на практике. Интернет-технология в современной школе - это не только наличие выхода в

интернет с его неограниченными услугами, но и умение применять возможности сети интернет в образовательном процессе. В настоящее время в образовании существует огромное количество новых направлений. Интернет-технологии являются очень востребованными инструментами обучающей и развивающей деятельности. Широкое применение в образовательном процессе находят такие формы использования ИКТ как презентационные уроки, использование Интернет-ресурсов, обучающие игры, тестирование. Современные средства ИКТ помогают педагогу выбирать разные формы проведения образовательного процесса. Одной из таких форм может выступать персональный образовательный сайт. Образовательный сайт - это целостная, концептуально обоснованная, структурно выстроенная система, объединяющая в себе взаимосвязанные между собой веб-страницы, содержание которых подчинено общей идее и выражено в конкретных целях и задачах каждой из них. Создание сайта открывает для педагогической деятельности новую среду и новые возможности. Сайт становится рабочим инструментом педагога и постепенно начинает использоваться в учебной деятельности, для организации взаимодействия педагогов, учителей, родителей, а также при дистанционном обучении учащихся, при организации проектной деятельности для проведения опросов и телекоммуникационных мероприятий, при организации взаимодействия педагогов, учителей, родителей

лей. Создание сайта позволяет педагогу: презентовать свой педагогический опыт большой аудитории коллег; получить навыки использования дистанционных форм обучения учащихся; получить навыки интерактивного взаимодействия; повысить уровень ИКТ компетенций. Создание сайта решает задачи: применять сайт для представления портфолио учителя; использовать сайт для представления коллегам своих материалов, для получения независимой оценки и советов; использование сайта для поиска методов взаимодействия с учащимися; организация дистанционного обучения учащихся; организация проектной деятельности на сайте педагога; использование сайта для помощи начинающим педагогам; использование сайта для обсуждения проблем образования. Для ученика: задания; дополнительная литература (что прочитать к уроку); если пропустил занятие; рекомендации по подготовке к экзаменам; дистанционное обучение; вопрос-ответ. Персональный сайт педагога также можно эффективно использовать при подготовке учащихся к

олимпиадам и конкурсам. Размещение для учеников занимательных и оригинальных задач, логических головоломок, тренингов повышает интерес к учебе. Любознательность и мотивация дают прочное усвоение и запоминание новых материалов [1-5].

В статье представлены результаты применения образовательного веб сайта в процессе преподавания физики в колледже. Авторами разработан веб сайт для курса физики по теме «Электромагнетизм». Апробация результатов исследования осуществлялась в процессе экспериментальной работы в Карагандинском технико-строительном колледже. В таблице 1 представлены данные о успеваемости учащихся в контрольном и экспериментальном классах по 12 бальной шкале до и после обучения с применением веб портала. В контрольном классе веб сайт не использовался, а в экспериментальном классе учащиеся имели возможность использовать его в течении первого полугодия 2019-20 учебного года.

Таблица 1.

Данные о успеваемости учащихся в контрольном и экспериментальном классах

Уровень успеваемости	Контрольный класс, 20 учащихся				Экспериментальный класс, 20 учащихся			
	До		После		До		После	
0-5 баллов	6	30%	5	25%	6	30%	4	20%
6-8 баллов	8	40%	8	40%	7	35%	5	25%
9-10 баллов	4	20%	5	20%	5	25%	6	30%
11-12 баллов	2	10%	2	10%	2	10%	5	25%

По данным таблицы 1 видно, что после применения образовательного веб сайта доля учащихся получивших 9-10 баллов увеличилась на 5%, а 10-

12 баллов - на 15 процентов. На рис.1 показаны диаграммы повышения успеваемости учащихся.

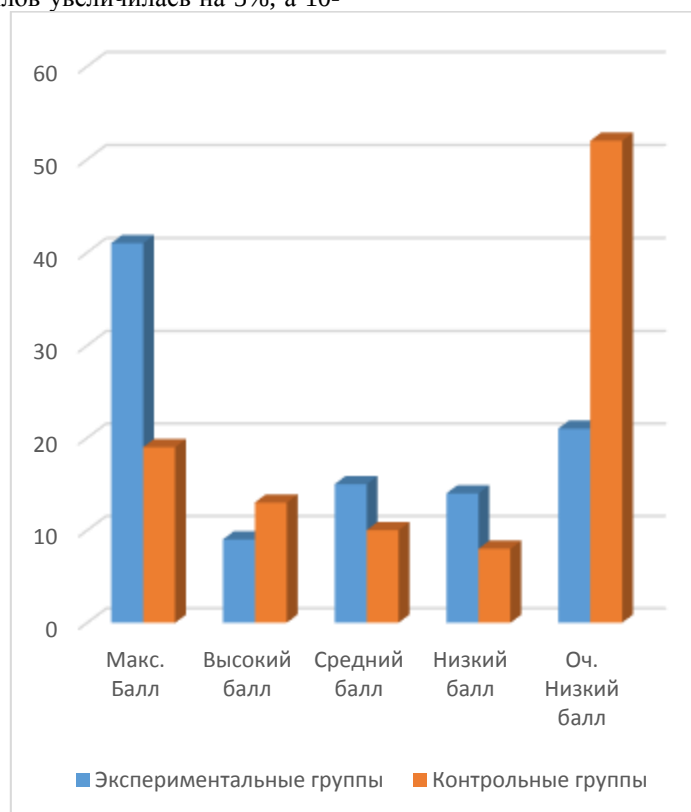

Рис.1 Баллы, набранные учащимися до и после применения образовательного сайта

Таким образом можно сделать вывод, что образовательный веб сайт повышает успеваемость учащихся. С целью изучения вопроса о возможности интеграции интернет- технологий в процесс

обучения было проведено анкетирование учащихся. Результаты представлены на рис.2. Анкетирование показало, что существуют все необходимые основания для интеграции интернет-технологий в процесс обучения.

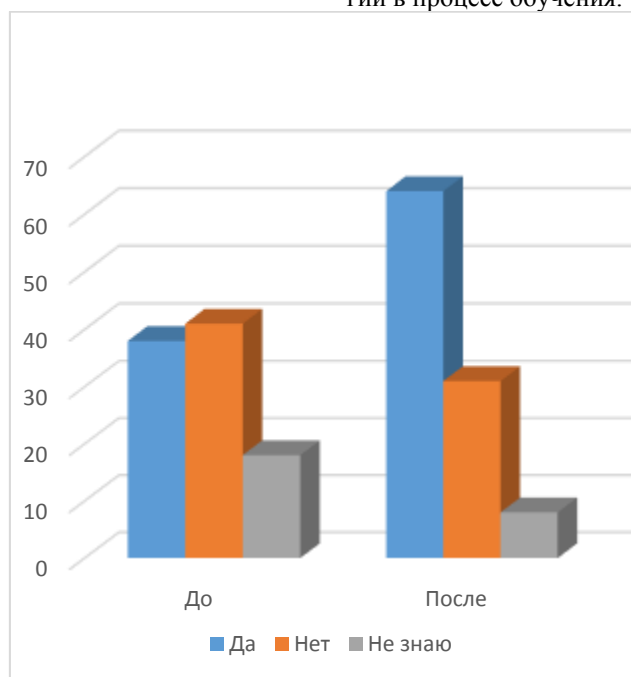

Рис.2 Результаты опроса о необходимости образовательного сайта

В ходе исследования были также выявлены возможности использования персонального веб-сайта преподавателя при обучении, рассмотренные с точки зрения преподавателя и ученика. Теоретическая база исследования и результаты анкетирования позволили разработать модель интеграции интернет-технологий на основе персонального веб-сайта преподавателя, под которым мы понимаем отдельный вид образовательного веб-сайта, а именно: особым образом оформленную и организованную совокупность веб-страниц, объединенных одним дизайном с целью обучения учащихся и поддержки преподавателем в процессе обучения формирования профессиональной коммуникативной компетентности учащегося. Целью веб-сайта преподавателя является не только предоставление информации для использования учениками в процессе обучения, но и организация учебного процесса, стимуляция познавательной деятельности и повышение мотивации обучающихся. При этом веб-сайт позволяет централизовать использование основных возможностей сети Интернет. При работе над созданием персонального веб-сайта преподавателя нами были выделены и пройдены следующие этапы: определение целей и задач веб-сайта, анализ уже существующих образовательных веб-сайтов преподавателей; определение ограничений и реакций на использование различных технологий; подготовка содержания веб-сайта и его физическое проектирование; непосредственное создание структуры веб-сайта и ее последующее наполнение содержанием; проведение тестирования на скорость загрузки, легкость использования, правильную работу ссылок, стилистическую и орфографическую корректность; размещение веб-сайта в Интернете и

информирование целевой аудитории о его доступности; своевременная поддержка веб-сайта, корректировка структуры и содержания по мере необходимости. При создании персонального веб-сайта преподавателя акцент был сделан на его содержании. Модель использования персонального веб-сайта преподавателя основывалась на работе с электронными ресурсами и интернет-коммуникация. Для оценки эффективности применения веб-сайта преподавателя в качестве централизованного средства интеграции интернет-технологий в процесс обучения использовались следующие показатели: данные, отражающие посещаемость сайта студентами; количество полученных электронных писем и их контент-анализ; результаты анкетирования студентов. Данные анкетирования, также анализ статистических данных (количество ежемесячных и ежедневных посещений веб-сайта) свидетельствуют о востребованности персонального веб-сайта преподавателя. Проведенное исследование подтвердило интерес студентов к общению с преподавателем посредством интернет-технологий. В процессе оценки эффективности организации самостоятельной деятельности при интеграции интернет-технологий на основе персонального веб-сайта преподавателя учитывались следующие показатели: изменение уровня мотивации; оценка объема и качества выполненной самостоятельной работы студентов; данные анкетирования студентов, позволяющие выяснить их отношение к использованию интернет-технологий в процессе обучения. Таким образом проведенные исследования показали, что разработка и использование персонального образовательного веб сайта повышает познавательную деятельность, успеваемость, мотивацию и интерес к образовательному процессу учащихся.

Список литературы

1. Хуторской А.В. Дистанционный учитель – это звучит гордо! О Всероссийском конкурсе «Дистанционный учитель года». [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Эйдос». – 2016. – № 1. <http://eidos.ru/journal/2016/100/>.
2. Андерсен Б. Бент. Мультимедиа в образовании. М., 2007. 224с.
3. Панюкова С. В. Использование информационных и коммуникационных технологий в образовании. М. 2010. 224 с.
4. Федотова Е. Л. Информационные технологии и системы. М. 2009. 352 с.
5. Гаджимурадова Ж. М. Возможности использования авторского сайта в образовательном процессе. [Электронный ресурс] <https://uchportfolio.ru/articles/read/106>.

EDUCATIONAL MEANS OF FORMING FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE OF INTENDING PRIMARY SCHOOL TEACHERS

Pinchuk I.O.

Pedagogical Sciences Candidate (PhD)

Oleksandr Dovzhenko Hlukhiv national pedagogical university

Abstract

The article deals with the analysis of educational means of forming foreign language communicative competence of intending primary school teachers. It includes scientific and methodological support of educational activity in the conditions of higher education, which contains: course curriculum, educational program; lectures texts and presentations; plans of practical and laboratory classes; tests; individual training tasks; terminology list of studying course; textbook; recommended literature; exam questions; the media or articles, posts and links on educational means in the Internet.

Keywords: higher education activity, intending primary school teachers, foreign language communicative competence, educational means.

Learning foreign language communication is possible by combining language and speech skills into one learning object. While language has its material embodiment (grammatical, lexical, phonetic), speech is a virtual concept that can become real in the process of communication, manifesting in the process of forming and formulating thoughts. Although language and speech are two different systems (the first is physical, the second is procedural), during learning they are combined through language (language means) in the process of speaking (speech) in order to realize motives. It means that during the teaching a foreign language communicative activity there is a simultaneous parallel study of both the language and the speech systems [3, p.67-74]. Modern changes in language learning are undoubtedly related to innovations in the field of pedagogy and psychology of a personality and group. Nowadays there is a marked change in the minds of intending teachers: there is a proclaimed by A. Maslow need for self-realization. Authenticity of communication, balanced requirements and claims, mutual benefit, respect for the individual – this is a set of unwritten rules for constructing useful relations “teacher – student” in the modern educational process.

Updating the content of higher professional education is inextricably linked to the creation of qualitatively new educational and methodological means that would reflect the introduced changes and the main directions of higher education reform. This process should be accompanied by the development of new programs, the creation of national textbooks, manuals, reference books that would meet the requirements of training the competitive young generation of intending primary school teachers of our country. It should be noted that in pedagogy the concept of “means” is quite broad. Means include, on the one hand, various types of activity (game, educational, communicative, work, etc.), and on the other – a set of objects and works of material and

spiritual culture used in pedagogical activity (visual aids, historical, artistic, and scientific literature, works of fine and musical art, technical devices, mass media, etc.) [1, p. 297]. It is well known that the educational means has a significant impact on the quality of knowledge of intending teachers, their mental development and the effectiveness of their professional training.

Strengthening the communicative direction of the educational process is facilitated by such indirect means of managing the pedagogical activity of intending primary school teacher, as methodical, psychological and pedagogical literature, directories, dictionaries, and periodicals in foreign languages, authentic video materials, and original children’s material. Auxiliary means can also contribute to this process. These can be specially selected series of drawings (subject, thematic, situational); flash cards, didactic handouts for organizing differentiated student teaching in modes of individual, teamwork and group work; tables, diagrams, photos; phonograms and videos of authentic educational materials for additional use in practical classes, lessons in pedagogical practice. Toys, elements of theatrical activities have great didactic potential as auxiliary teaching aids. However, it should not be forgotten that teaching aids should correspond to the modern achievements of high school linguistics, and ensure the implementation of the latest teaching technologies aimed at full-fledged communicative personality development, autonomy of thinking and student learning; There should be the means for implementing methods and techniques that ensure the successful management of the communicative activities of the teacher and students. They should contain a large number of multi-level and creative tasks.

In practice of teaching, there are three approaches to the developing, designing and using educational

means are common. According to the first one, the development of educational aids is not teaching. Proponents of this theory claim that they have enough a board and some chalk to teach. The other approach is in absolutizing the importance of educational means, which are seen as the primary and only means of achieving the purpose, and the other components (methods, organization, etc.) should be appropriate and specific to the educational means. We adhere to the third approach, according to which educational means are considered first of all in the system of activity between a teacher and students. They perform certain functions and provide (along with other components) the quality of knowledge, communicative and mental development of students [4], [6, p.242-265].

According to the objects aggregate educational means is divided into material and ideal. The most of the researchers believe *material* learning tools are textbooks and manuals; tables, models, layouts and other visual aids; educational and technical means; educational and laboratory equipment; premises, furniture, microclimate, training schedule, other material and technical conditions of study, educational software [5, p. 185].

Mental actions are carried out with the help of *ideal* means that are part of the components of thinking along with the image of the final product (purpose), the condition of the task (activity) and the technology of operation (operational composition of thinking). In the process of explaining new material, a teacher expresses these means visually (graphically, symbolically, etc.), or verbalizes them (verbally). I. Zaychenko believes,

that “ideal learning tools are those previously acquired knowledge and skills that teachers and students use to acquire new knowledge” [5, p.190]. The sequence of using educational means is called the learning algorithm. In general ideal means is the way of assimilation of cultural heritage, new cultural values. Information that has become knowledge is also the “initial arsenal” of learning tools. Students can learn the ways of thinking, proving, calculating, memorizing and understanding thanks to them [1].

Material and ideal learning tools complement each other and are connected with stimulation of interest and attention, implementation of practical actions, assimilation of essentially new knowledge (*material means*); with understanding of the material, logic of reasoning, culture of language, development of intelligence (*ideal means*). There are no clear boundaries between the spheres of material and ideal means impact: they often together influence the formation of certain students' qualities. In our opinion, students of higher education establishments of the 21st century should demonstrate their understanding of ideas, facts, concepts, theories. So, the importance of modern educational means creation is enhanced.

The selection of teaching / learning facilities was carried out in accordance with the level education in higher educational establishments [1]. The ideal and material means of forming intending primary school teachers' foreign language communicative competence in higher education institutions of Ukraine at the Bachelor level are presented in the table 1.

Table 1.

Educational means of forming and developing foreign language communicative competence of intending primary school teachers

Educational level	Type of learning	Ideal means	Material means
The first level of “Bachelor”	theory	full lecture course	program textbook dictionary teaching aids
	theory	shortened lecture course tutorial	program teaching aids
	practice	identifying communicatively oriented technologies, development of technological requirements, discipline of the student's choice, creating a methodology for the forming and developing foreign language communicative competence	study guide, guidelines, teaching aids, authentic audios and videos, films

According to the analysis of scientific-theoretical sources, experimental works at the faculties in the specialty “Primary education”, in the process of forming and developing foreign language communicative competence, an important function should be given to the modern innovative technologies of scientific and methodological support of educational activity in the conditions of higher education – interactive-methodological support of the course. It is a package of educational and methodical materials, which contains: course curriculum, educational program; lectures; plans of practical, laboratory classes; tests; individual training tasks; terminology that the student should know in the studying course; textbook; recommended literature; tests for self-control; exam questions; the media or articles, posts and links on educational means in the Internet”

[1], [7]. Therefore, we believe that the interactive complex is the main means of forming a foreign language communicative competence of intending primary school teachers in the fullness of its components.

Conclusions. Therefore, as we can see, the means of forming future primary school teachers' foreign language communicative competence is very important for the process of professional training of intending primary school teachers. So, we have developed and put into practice of the forming foreign language communicative competence of intending primary school teachers a package of teaching and methodological materials for organizing the students' educational activity. The components of the training complex are the educational curriculum and typical course program, the textbook “English for professional purposes”, the course at the

students' choice "Forming foreign language communicative competence of intending primary school teachers", English-Ukrainian dictionary of educational terms, methodological study guide, plans of practical and laboratory classes, guidelines for the organizing educational and research activities. In accordance with the tasks of the research, the developed complex of means of forming foreign language communicative competence was implemented during professional training in the practice of educational process of universities in different regions of Ukraine.

References

1. Biryuk L. Ya. Zasoby rozvytku i formuvannya komunikativnoyi kompetentnosti maybutnikh vchyteliv pochatkovykh klasiv z rosiyskoyi movy v protsesi profesiynoyi pidhotovky. [Means of developing and forming Russian communicative competence of future primary school teachers in the process of professional training]. Naukovi zapysky [Scientific notes]. Issue 60. Part 1. Series: Pedagogical Sciences. Kirovograd. 2005. p. 232 – 237 [in Ukrainian].
2. Vygotsky L. B. Mysl i slovo [Thought and Word]. Nauka i tekhnika [Science and Technology]. № 6. 1977. p. 6 – 9 [in Russian].
3. Hrynyova V., Vanivska O. Osoblyvosti realizatsiyi movnykh stratehiy u suchasniy vyshchiy shkoli [Features of realization of language strategies in the modern higher education]. Vyshcha osvita Ukrayiny [Higher education in Ukraine]. №4. 2006. p. 67 – 74. [in Ukrainian].
4. Didaktika sredney shkoly: nekotorye problemy sovremennoy didaktiki [High school didactics: some problems of modern didactics]: textbook; edited by M. Skatkin. M.: Prosveshchenye. 1982. 233 p. [in Russian].
5. Zaichenko I. V. Pedagogika [Pedagogy]: textbook. Chernihiv, 2003. 528 p. [in Ukrainian].
6. Kupysevych I. Osnovy obshchey dydaktyky [Fundamentals of general didactics]: textbook. [translated from Polish by O.V. Dolzhenko]. M.: Vysshaya

shkola [Higher School], 1986. p. 242 – 265. [in Russian].

7. Kredytно-modulna systema orhanizatsiyi navchalnoho protsesu v Hlukhivskomu derzhavnomu pedahohichnomu universyteti [Credit-module system of organization of educational process at Hlukhiv State Pedagogical University]: textbook manual / edited by V. M. Polishchuk, V. P. Kurok. Hlukhiv. 2006. 120 p. [in Ukrainian].

8. Maslow A. The Psychology of Science: A Reconnaissance. January 1, 1966. [in English].

Список використаної літератури

1. Бірюк Л. Я. Засоби розвитку і формування комунікативної компетентності майбутніх вчителів початкових класів з російської мови в процесі професійної підготовки Наукові записки. Випуск 60. Серія : Педагогічні науки. Кіровоград : РВВ КДПУ імені В. Винниченка. 2005. Частина 1. С. 232 - 237.
2. Виготський М. Мысль и слово // Наука и техника, 1977. № 6. С. 6 — 9;
3. Гриньова В., Ванівська О. Особливості реалізації мовних стратегій у сучасній вищій школі. Вища освіта України. №4. 2006. С.67 - 74.
4. Дидактика средней школы: некоторые проблемы современной дидактики: учеб. пособ. для ФПК, директоров общеобразов. шк., ... для студ. 2-е изд., перераб. и доп. [под ред. М. М. Скаткина]. М.: Просвещение, 1982. С.233.
5. Зайченко І. В. Педагогіка : підручн. Чернівці, 2003. 528 с.
6. Куписевич І. Основы общей дидактики: учебн. [перев. с польск. О. В. Долженко]. М.: Высшая школа, 1986. С.242-265.
7. Кредитно-модульна система організації навчального процесу в Глухівському державному педагогічному університеті: навч. посібн. / авт. і укл. : В.М. Поліщук, В. П. Курок. Глухів : РВВ ГДПУ, 2006. 120 с.
8. Maslow, A. The Psychology of Science: A Reconnaissance. January 1, 1966.

INTERSUBJECT LINKS OF A PHYSICS COURSE AT A MEDICAL UNIVERSITY

Ponomareva E.A.

Candidate of pedagogics

*Orenburg state medical University" Ministry of health
Of the Russian Federation*

МЕЖПРЕДМЕТНЫЕ СВЯЗИ КУРСА ФИЗИКИ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ

Пономарева Е.А.

кандидат педагогических наук

*ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный медицинский университет"
Министерства здравоохранения Российской Федерации*

Abstract

The examples of realization of interdisciplinary connections of physics course with professionally oriented disciplines of medical University are given.

Аннотация

Приведены примеры реализации междисциплинарных связей курса физики с профессионально ориентированными дисциплинами медицинского вуза.

Keywords: physics; interdisciplinary connections; medical University.

Ключевые слова: физика; междисциплинарные связи; медицинский университет.

Одним из важных моментов обучения в медицинском вузе является создание единого профессионально-ориентированного образовательного пространства, которое обеспечивает формирование у студентов целостной системы прочных и долговечных профессиональных знаний, и умений. В этой связи можно обсудить возможности реализации междисциплинарных связей физики в медицинском вузе с профильными дисциплинами.

Во многих современных научных исследованиях по этой проблеме затрагиваются и конкретизируются общенаучные и общедидактические основы физического образования в медицинских вузах. В трудах Е.В. Шевченко, А.В. Коржуева, С.И. Десненко, А.Н. Кобзарь рассматриваются вопросы отражения физико-медицинского знания в процессе обучения физике в медицинском вузе [1;2;3]. Содержание материала дисциплины «Физика, математика» во многих моментах перекликается с содержанием курсов профессиональных дисциплин, но устойчивая преемственность физического знания и межпредметные связи между дисциплинами в медицинском вузе развиты слабо.

Как правило, современные выпускники школы твердо убеждены, что физика, а тем более математика будущему врачу не нужна. Отсюда возникают большие сложности с успеваемостью на первом курсе, когда студенты медицинского вуза начинают осваивать биофизику. Первокурсники учат биофизику по принципу «выучил – ответил – забыл», не понимая ценности физического знания и возможности дальнейшего обогащения своих профессиональных знаний и умений. Содержание учебного материала курса биофизики очень богато, и во многом носит пропедевтический характер для ряда специализированных дисциплин в медицинском вузе. Содержание учебного материала курса биофизики обладает широкими возможностями формирования прочных профессиональных знаний, поскольку включает в себя такие разделы, как акустика; мембранология и биоэлектрогенез; биофизические основы гемодинамики; физические основы электрокардиографии; физиотерапия; радиоактивное излучение, рентгеновское излучение; физические основы интроскопии; биофизика глаза.

Структуру междисциплинарных связей можно представить схематично.

Схема 1. Примерная структура реализации междисциплинарных связей физики в медицинском вузе

Возможный способ функционирования междисциплинарных связей биофизики в учебном процессе медицинского вуза состоит из двух взаимосвязанных компонентов. Первый – организация внеаудиторной работы студентов основанной на самостоятельной работе студентов по биофизике (продуктивный и творческие уровни). Основопологающие условия – в работах студентов отобразить связи физических явлений и процессов, протекающих в человеческом организме с содержанием учебного материала курсов профессиональных дисциплин (анатомии, физиологии, гигиены и т.п.).

Второй – организация аудиторной работы студентов, основанной на проведении лекционных и практических занятий (семинары, лабораторные работы, практические работы и т.п.). Главное здесь – преподаватель должен раскрыть пропедевтическую функцию содержания учебного курса биофизики, показать важность и ценность физического знания для последующего овладения профессиональными знаниями и умениями.

Список источников

1. Десненко С.И., Бирюкова А.Н. Формирование у студентов-медиков умений решать задачи профессиональной деятельности как основа реализации профессионально ориентированного обучения физике в медицинском вузе // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2012. №6. С.129-136.
2. Коржуев А.В., Шевченко Е.В. «Медицинская» физика: общенаучный и гуманитарный контекст. М.: Янус – К, 2000. 120 с.
3. Шевченко Е.В., Коржуев А.В. Физика в медицинском институте: факты, проблемы, комментарии. М.: Янус – К, 1999. 72 с.

**PEDAGOGICAL UNIVERSITY AS A CENTER FOR RESEARCH DEVELOPMENT OF PRACTICE
OF INCLUSIVE EDUCATION OF CHILDREN WITH AUTISM**

Ryapisov N.A.

*Dr. of Economics, Professor, Vice-rector of educational work of
Novosibirsk state pedagogical University,
Russian Federation, Novosibirsk*

Ryapisova A.G.

*PhD. Ped. Sciences, associate professor,
Head of the chair of Psychology and Education of
Institute of natural and socio-economic Sciences of
Novosibirsk state pedagogical University,
Russian Federation, Novosibirsk*

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ КАК ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЙ РАЗВИТИЯ ПРАКТИКИ
ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ С АУТИЗМОМ**

Ряписов Н.А.

*д-р экон. наук, канд. пед. наук, проректор по учебной работе ФГБОУ ВО
«Новосибирский государственный педагогический университет»,
Российская Федерация, г. Новосибирск*

Ряписова А.Г.

*канд. пед. наук, доцент, зав. кафедрой психологии и педагогики
Института естественных и социально-экономических наук ФГБОУ ВО
«Новосибирский государственный педагогический университет»,
Российская Федерация, г. Новосибирск*

Abstract

The article actualizes the problem of organizing education for children with autism spectrum disorders and choosing appropriate educational technologies. The article describes the real psychological and pedagogical situation in the Novosibirsk region in the aspect of research of special educational conditions for students with a diagnosis of «child autism». Promising aspects of research activities of representatives of the University's teaching staff and students are identified.

Аннотация

В статье актуализирована проблема организации образования детей с расстройствами аутистического спектра и выбора адекватных образовательных технологий. Охарактеризована реальная психолого-педагогическая ситуация в Новосибирской области в аспекте исследований специальных образовательных условий для обучающихся с диагнозом «детский аутизм». Обозначены перспективные аспекты научно-исследовательской деятельности представителей профессорско-преподавательского состава университета и студентов.

Keywords: autism spectrum disorders, inclusive education, resource classes, educational technologies, research, University.

Ключевые слова: расстройства аутистического спектра, инклюзивное образование, ресурсные классы, образовательные технологии, научные исследования, университет.

Научные исследования – важнейшая составляющая развития системы высшего образования. В последнее десятилетие особое место занимает решение проблем инклюзивного образования, и, в частности, – разработка и внедрение технологий обучения и воспитания детей с расстройствами аутистического спектра (далее – РАС).

В настоящее время в Новосибирской области насчитывается более 31 тысячи детей с ограниченными возможностями здоровья, в том числе около 600 детей с РАС. Как следует из научно-теоретических источников [3; 16; 18; 20], дети с РАС являются самыми проблемными для системы общего образования. Действительно, обучение строится на

общении, взаимодействии, а оно у этих детей нарушено, даже когда сохранен интеллект. Кроме того, школа как формальный институт, требует жесткого нормирования поведения, а у детей-аутистов это нарушено, они выдают стереотипии, которые часто носят защитный характер, и поэтому таким детям сложно адаптироваться к системе массового образования.

Новосибирский государственный педагогический университет осуществляет подготовку профессиональных кадров на уровне бакалавриата (по направлению подготовки 44.03.02 Психолого-педагогическое образование) и магистратуры (по направлению подготовки 44.04.02 Психолого-педагогическое образование) для системы инклюзивного образования. Библиотечный фонд располагает современными учебными изданиями, в том числе, посвященными психологии и педагогике образования лиц с особыми образовательными потребностями [1; 3; 6; 7]. В процессе обучения студентов по направлению психолого-педагогическое образование проблемы детей с РАС находятся в фокусе внимания. Так, за период с 2016 по 2019 год защищены выпускные квалификационные работы, посвященные исследованию различных аспектов организации образования детей с РАС:

- «Психолого-педагогическое сопровождение детей с расстройствами аутистического спектра в условиях инклюзивного образования»;
- «Формирование базовых учебных действий у младших школьников с расстройствами аутистического спектра методами прикладного анализа поведения»;
- «Тьюторское сопровождение детей с расстройствами аутистического спектра в инклюзивной школе»;
- «Организация работы с родителями детей дошкольного возраста с расстройствами аутистического спектра в условиях инклюзивного образования»;
- «Психолого-педагогическая коррекция проблем поведения детей с расстройствами аутистического спектра»;
- «Речевое развитие детей с расстройствами аутистического спектра: варианты нарушений и условия развития»;
- «Сказочная песочница как метод коррекции аутоподобного поведения».

Очевидно, что все темы исследований посвящены актуальным аспектам развития инклюзивного образования. При аргументации актуальности выбранной проблемы студенты приводили статистические данные, раскрывали причинно-следственные связи в социальном аспекте. Заметно, что для большинства выпускников проблема исследования имеет личностную значимость и собственный опыт включенности в ее решение. В каждой защищенной выпускной квалификационной работе есть ценная особенность, составляющая ее уникальность, характеризующая авторскую позицию. Все выпускники продемонстрировали способность к организации и осуществлению инклюзивной

практики для детей с ограниченными возможностями здоровья и особыми образовательными потребностями в современных условиях введения инклюзивного образования в массовую практику.

В то же время анализ содержания различных практик обучения детей с РАС показывает, что главная проблема – выбор адекватных образовательных технологий [4; 7; 8; 9; 14; 17; 19]. В последние годы пристальное внимание теории и практики инклюзивного образования уделяют психотерапии прикладного анализа поведения (Applied Behaviour Analysis, сокращенно – АВА), разработанной и успешно внедряемой в русло бихевиористской психологической школы [1; 2; 5; 6].

Так, в период с 2017 по 2019 годы на базе пяти школ Новосибирской области созданы ресурсные классы, реализующие АВА-технологии при организации обучения детей-аутистов в условиях инклюзивного образования [11; 12; 15]. Анализ опыта работы ресурсных классов [10] как инновационных инфраструктурных компонентов образовательной инклюзии позволяет увидеть не только позитивные результаты, но и проблемные зоны, оценить запросы родителей и сотрудников инклюзивных школ на психолого-педагогическую поддержку и помощь в обучении и развитии детей с расстройствами аутистического спектра. Но эта аналитическая деятельность находится только в самом начале пути исследования проблем внедрения АВА-технологии в практику работы российской системы образования. В дальнейших исследованиях необходимо выявить возможности улучшения специальных образовательных условий для обучения детей с нарушениями развития эмоционально-волевой сферы в образовательном пространстве Новосибирской области.

Перспективы научно-исследовательской деятельности видятся в следующих аспектах. Прежде всего, представляется целесообразным провести сравнительный анализ реализации АВА-технологии и других методов, и приемов коррекционно-развивающей работы с детьми с РАС, но для этого предварительно необходимо разработать критерии эффективности деятельности ресурсных классов, пока в научных исследованиях этому не уделено должного внимания.

Опыт реализации Концепции развития инклюзивного образования в Новосибирской области убедительно доказал необходимость проведения ранней диагностики и оказания ранней помощи и психолого-педагогического сопровождения детей с аффективно-волевыми нарушениями, что актуализирует целесообразность исследований условий развития инклюзии в более младшем возрасте детей, а точнее – в первые три года жизни ребенка.

Следовательно, раскрывается потребность рассмотрения данной проблемы в возрастном ракурсе, поскольку в настоящее время ресурсные классы признаны целесообразной организационной моделью в условиях инклюзивного образования, ориентированной на особые образовательные потребности детей с РАС. Но они рассчитаны только

на период начального образования и, следовательно, необходимо научно обосновать специальные образовательные условия для детей с РАС в дошкольных образовательных организациях и на уровне основного общего образования.

Очевидно, что во всех структурных подразделениях педагогического университета готовят учителей регулярных классов для нейротипичных детей, но вместе с этим, учитывая современные реалии психологии детства, необходимо в программы дисциплин по психолого-педагогическому образованию включить содержание актуальных проблем образования детей с РАС. Кроме того, актуализируя содержания программ дисциплин, рассматривающих вопросы организации взаимодействия с родителями (законными представителями) обучающихся, необходимо дополнить его сведениями о сотрудничестве с уникальной родительской ответственностью, представляющей Автономные некоммерческие организации помощи людям с РАС.

Педагоги-исследователи из числа профессорско-преподавательского состава обратили внимание на следующий факт: по направлению подготовки 44.03.03 Специальное (дефектологическое) образование в настоящее время осуществляется обучение по профилям дошкольная дефектология, логопедия, олигофренопедагогика, сурдопедагогика, но не предусмотрена подготовка специалиста для работы с детьми с РАС. А между тем требования Профессионального стандарта Педагог-дефектолог (учитель-логопед, сурдопедагог, олигофренопедагог, тифлопедагог) пока еще в проекте формате [13], но уже предусматривают необходимые знания клинично-психолого-педагогических особенностей обучающихся с РАС для выполнения трудовых действий по организации специальной образовательной среды для реализации особых образовательных потребностей детей-аутистов.

Полагаем, что, определяя базы учебных и производственных практик, следует включать образовательные организации, в которых созданы ресурсные классы и/или ресурсные зоны, чтобы студенты имели представление о специальных образовательных условиях для обучающихся с РАС.

В процессе организации взаимодействия профессионального сообщества, искренне и непосредственно заинтересованного в решении проблем обучения детей с РАС [10], выявилась недостаточность использования возможностей дополнительного образования. На сегодняшний день наш университет предлагает две дополнительные профессиональные программы (повышение квалификации) по данной проблематике:

- «Психолого-педагогическое сопровождение лиц с РАС» (объем 36 часов), программа ориентирована на различные категории слушателей: воспитателей, учителей, педагогов-психологов, логопедов, дефектологов, социальных педагогов, руководителей образовательных организаций;

- «Комплексная помощь детям с РАС» (объем 16 часов), программа адресована специали-

стам в сфере социальных проблем со средним специальным или высшим профессиональным образованием.

Вероятно, что кроме уже разработанных востребованы и другие программы, например, по обучению тьюторов, сопровождающих детей с РАС, и учителей ресурсных (начальных) классов, программы для руководителей, учителей и воспитателей, педагогов-психологов, ориентированные на требования Профессиональных стандартов «Специалист в области воспитания» (в который включена обобщенная трудовая функция Тьюторское сопровождение обучающихся), «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)», «Педагог-психолог (психолог в сфере образования)».

Список источников

1. Альберто П., Траутман Э. Прикладной анализ поведения. Учебное пособие для педагогов, психологов, учителей-дефектологов. Переводчик: Чечина А. А., Редактор: Зуев Б. – М.: Оперант, 2015. – 672 с. ISBN: 978-5-9906841-9-5
2. Барбера, М.Л. Детский аутизм и вербально-поведенческий подход (The Verbal Behavior Approach) : Обучение детей с аутизмом и связанными расстройствами / Мэри Линч Барбера, Трейси Расмуссен ; пер. с англ. Д. Г. Сергеева; предисл. к рус. изд. В. Г. Ромека; предисл. М. Сандберга. – 2-е изд. – Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2017. – 304 с. ISBN 978-5-91743-066-9.
3. Григоренко, Е.Л. Расстройства аутистического спектра. Вводный курс: Учебное пособие для студентов. – М.: Практика, 2018. – 280 с.
4. Дегтярева Л.И., Петрова Е.Э., Чепель Т.Л. Обучение детей с РАС в общеобразовательной школе: опыт, внушающий надежды // Вестник педагогических инноваций. – 2016, № 2(42) – С. 58–66.
5. Купер Д.О., Херон Т.Э., Хьюард У.Л. Прикладной анализ поведения. Пер. с англ. Редактор перевода: Н. Н. Алипов. Научный консультант перевода: З. Х. Измайлова-Камар. – М.: Практика, 2016. – 864 с. ISBN 978-5-89816-157-6.
6. Лич Д. Прикладной анализ поведения. Методики инклюзии учащихся с РАС: Учебное пособие. Переводчик Сыроквашина А. Д., редактор Зуев Б. – М.: Оперант, 2015. – 176 с. ISBN: 978-5-9906841-1-9.
7. Морозов, С.А. Комплексное сопровождение лиц с расстройствами аутистического спектра [Текст]: учебно-методическое пособие / С. А. Морозов; М-во образования и науки Российской Федерации, ФГАУ «Федеральный ин-т развития образования», РОБО «О-во помощи аутичным детям «Добро». – Москва: [б. и.], 2015. – 539 с.; 22 см. – (Высшее профессиональное образование. Коррекционная педагогика); ISBN 978-5-9907171-8-3
8. Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М. Аутичный ребенок. Пути помощи. Изд. 6-е, стер. – М.: Теревинф, 2010. – (Особый ребенок). – 288 с. ISBN 978-5-4212-0019-2.

9. Обучение детей с расстройствами аутистического спектра: методические рекомендации для педагогов и специалистов сопровождения основной школы / [Н. Я. Семаго и др. ; отв. ред. С. В. Алехина] ; Моск. гор. психол.-пед. ун-т и др. – Москва : МГППУ, 2012. – 80 с.
10. Образование для детей с ОВЗ: масштабное обучение специалистов стартовало в НГПУ. Официальный сайт ФГБОУ ВО «НГПУ». Режим доступа: https://www.nspu.ru/content/news/index.php?ELEMENT_ID=1059429 (дата обращения:)
11. Организация ресурсного класса в образовательном учреждении (московский опыт РОО помощи детям с РАС «Контакт»). Режим доступа: <https://perspektiva-inva.ru/protec-rights/news/4499-2018-10-15-00-34-24> (дата обращения:)
12. Погонина, О.Г. Модель «Ресурсный класс» для инклюзии детей с РАС с точки зрения образовательного менеджмента: риски и возможности // Аутизм и нарушения развития. – Москва: Изд-во Московский государственный психолого-педагогический университет. Том: 14, номер 3 (52), год 2016. С. 55–62.
13. Проект Приказа Министерства труда и социальной защиты РФ @Об утверждении профессионального стандарта «Педагог-дефектолог (учитель-логопед, сурдопедагог, олигофренопедагог, тифлопедагог)» (подготовлен Минтрудом России 15.09.2016). Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56583936/> (дата обращения:)
14. Психолого-педагогические технологии обучения детей с расстройствами аутистического спектра: методические рекомендации / [Т. Ю. Галочкина и др.]; Красноярский гос. пед. ун-т, Междунар. ин-т аутизма. – Красноярск: КГПУ, 2015. – 84 с.
15. Ресурсный класс. Опыт организации обучения и внеурочной деятельности детей с аутизмом в общеобразовательной школе. Практическое пособие / рук. авторского коллектива: Козорез А.И. – М.: АНО Ресурсный класс, 2015. – 360 с. Режим доступа: https://outfund.ru/wp-content/uploads/2016/10/4_RK_preview.pdf (дата обращения:)
16. Хаустов, А.В. Особые образовательные потребности обучающихся с расстройствами аутистического спектра // Аутизм и нарушения развития. 2016. Т.14. № 2(51). С. 3–12 DOI: 10.17759/autdd.2016140201.
17. Cohen S., Bleiweiss J., Mouzakitis A., Fahim D. Strategies for Supporting the Inclusion of Young Students With Autism Spectrum Disorders // Focus on Inclusive Education, Fall 2010, Vol. 8, No. 1. Pp. 1–7. URL: <http://doniafahim.com/wp-content/uploads/2016/08/Inclusive-Education.pdf> (дата обращения: 20.01.2020).
18. Kurth Jennifer A. Educational Placement of Students with Autism: The Impact of State of Residence, Focus on Autism and Other Developmental Disabilities // Emphasis on autism and other developmental disorders. – 2015. – Т. 30, Issue 4. – Pp. 249–256. DOI: 10.1177/1088357614547891
19. Wilkinson Lee A. A Best Practice Guide to Assessment and Intervention for Autism Spectrum Disorder in Schools (2nd Edition). – London: Jessica Kingsley Publishers, 2017. – P. 288 ISBN-10: 1785927043 ISBN-13: 978-1785927041.
20. Wing L. Autistic Spectrum Disorders: An Aid to Diagnosis. – London: National Autistic Society, 1995. – P. 20.

PHILOLOGICAL SCIENCES

THE MAIN CAUSES OF SOUND CHANGES IN THE ENGLISH LANGUAGE

Alirzayeva K.

*Department of English Phonetics, Faculty of Education, Azerbaijan University of Languages,
Baku, Azerbaijan Republic*

Abstract

There is a reason for every change in the voice in language. The spontaneous sound changes in linguistics are absolutely conditional. On the one hand, the difference between the combinatory and positional sound changes, and on the other hand, the spontaneous sound changes, we know the cause of the first is certain, but the second reason is unknown to us. The sound changes that occur at certain times, in a certain area, under certain conditions are called the phonetic laws of the sound (1). Boduen de Courtene, the founder of the phoneme theory, was against studying sounds of speech out of systematic connections. In his opinion, there is no voice out of the paradigm of grammar forms and an isolated voice from the social factors of communication. These two factors cause occurrence of sound changes and existence of phonetic rules of the sounds. The phonetic rules of the voice are sometimes a result of the influence of different even cross-reaction of factors that are even contradictory. Sound changes forming the basis of the phonetic rules of the voice are innovation that occurring at the same time in the speech of a group of individuals. This innovation is the result of the similarity of the social condition of presence of the language and the communicational conditions for these individuals. Sound changes that form the basis of phonetic rules of the voice are innovations in the speech of a group of individuals. At the same time this innovation is a result of the fact that the communication conditions for these individuals are the same as the social conditions of the existence of language changes and changes in history.

Keywords: sound changes, morphonology, the principle of economy, phonology, syntagmatic.

Introduction

Everything in a language lives, moves and changes. Historical changes in language are based on certain laws that form the dynamics of the movement. Boduen de Courtene refers to a phoneme in two ways. According to this scientist, a phoneme is the description of the voice, but it is a functional model. From the functional-linguistic point of view, a phoneme is an indivisible unit. Boduen de Courtene laid the foundation of morphonology in his classical "Phonetic Alternation Theory Practice" in 1893. He explains phonetic changes on the morphological level. He calls the phonetic difference of morphemes that are related morphologically as phonetic alternation. In his opinion, the history of phonemes for alternation plays great importance in the etymological relationship in the general source and in the same language (1). The reason for the alternation is the pronunciation norms, which are characteristic of a particular state of the language and the result of collective communication. Boduen de Courtene's alternation theory is of great importance for linguistics. First, this theory allows the phonetic laws to be explained in the light of their morphological level. Second, it allows to follow the process of development of the language elements and mutual elements and mutual influence of different levels of language from the process of "microscopic phonetic changes" to their replacements of traditional alternations. H.C. Trubetsky takes into account Boduen de Courtene's alternation theory and bases the idea of regular change of phonemes in various variants of the same morpheme. Morphonology studies the phonological structure of morphemes, the related sound changes that different morphemes are influenced in morpheme units. H.C. Trubetsky created

the notion "morphoneme" on the basis of phoneme alternations as $r > ж$, $k > p$, $p > r > ж$ in the Russian words. Morphoneme is a complex unit of two or more phonemes that can replace each other within the same morpheme. The term "morphoneme" is used as the sum of the phonemes changing in a morpheme (2).

The founder of the functional linguistic school in the French linguistics of the 60s and 70s of the 20th century, Andre Martine states in his work "the principle of economy in phonetic changes", that the changes in language depend on the speaker himself and cause of these changes is the speaker's need and they are external category in the relation to the language. Though A. Martine notes the certain role of the mutual relation of internal and external factors in the development of language, he doesn't take into account it as the main reason for changes in language. The only basic principle of the sound change in language is that it is an economy principle as universal principle of linguistic change.

In the nineteenth century the Danish scientist Otto Jespersen, the English scientist Henry Sweet and the French philosopher Paul Passy spoke about the principle of economy or a saving law. According to P. Passy, language always tries to save itself from those that are useless and to separate the necessary ones from other ones. He considers the first one to be an "easy" search for denominator and combines it under the name of "less effort law". H. Sweet called P. Passy's "the less effort law" to be the principle of economy. According to H. Sweet, the separation of necessary ones is called as the principle of emphasis. In A. Martine's view, language evolution is usually determined by the people's need that belongs to their communication and expression, the constant contradiction between the effort to minimize

their mental and physical activity. He shows that inversion directed at reserving of general and frequently used language units is permanent and does not change. Communication and expression requirement vary in different periods, and therefore the character of the balance varies over time. (1) The multiplication of units leads to more effort, so it is not economical and can be stopped. On the other hand, the manifestation of excessive inversion also harms the legitimate interests of the collective, so it is definitely avoided. According to A. Martine's opinion, the principle of economy includes the elimination of useless differences, the manifestation of new differences and supporting the existing position. The principle of economy in linguistics is the synthesis of the factors that takes part. It is necessary to take into account the mutual influence of internal and external factors in the study of language, as well as the language changes, the activity of the language historically. The phonological level of this principle can have a certain effect. The disappearance of a definite grammatical form in any language is not the result of the principle of economy. It is the result of historical development of a language and the mutual influence of a series of internal and external factors of a language.

The main causes of sound changes in the English language

The phoneme system and the phonetic forms of each language are shaped in accordance with the features of climate and natural-geographical factors and the internal biorhythm of the people living there. In the phonetic system of the language, as various phonetic sounds are formed, their phonotactic structure is conformed to the external and internal environments of that phonetic system. Studies show that the segments and suprasegmental elements of the phonological systems of languages are not completely free in the structure of the system and their freely functioning in all phonetic positions and their elements in different positions. There are certain limitations in the ability to combine. Languages differ in terms of the phonotactic structure. The words of each language are natural units, and their phoneme sequence and prosodic structure are adjusted to certain rules. Such a rule manifests itself in the phonotactics of English words visually. In this language there is a serious rule in anlaut and auslaut in the line of consonant clusters. Although the consonant clusters in anlaut are typical of a phonotactic model consisting of occlusive-plosives and sonorous voices, consonant clusters in the auslaut are characterized by the phonotactic model of sonorous + occlusive-plosives consonants and occlusive constrictive consonants. As the phoneme composition and the number of the phonemes vary in terms of quantity and their fonotactic features, including phonemic combinations in word and the position of the consonant clusters in different positions differ too. The elements of the phonetic system of language are not interconnected and interact only among themselves, and they also interact and influence the rhythmic features of the natural-geographical area of the external environment. The phonotactic characteristics of each language are formed with their particularities and the nature of the natural-geographical area of the population, and the rhythmic nature of the environment. The rhythmic harmony of nature varies in sepa-

rate geographical areas and in different regions of geographical area. Therefore, dialects and phrases of the same language occur. Various typical sound changes are mainly caused by environmental factors. Due to the influence of external environmental factors, phonetic phenomena and laws occur in the sound structure of the language. These phenomena and laws play a major role in the sounds of speech in forming phoneme system, on the one hand, and on the other hand, forming of phonotactics and evolution of language. Two reasons are noted for the sound changes in the language. The first type of sound changes is caused by the psychological factors. The second type of sound changes is caused by the physiological factors. The first type of sound changes is called phonetic sound change, the second type of phonetic variation is called non-phonetic change (12). In addition, sound changes in language are associated with the effects of external and internal factors. External factors are socially characteristic and depend on the relation of languages and dialects. Internal factors are related to the interaction of the internal structure of language and aspects of language. Sound changes occurring under the influence of the individual factors are divided into the levels of paradigmatic and syntagmatic, phonological and phonetic, segmental and prosodic affects (6). The origin and evolution of words in the language take place on the basis of the general laws and principles of the nature. The sound changes in the language demonstrate certain types of alternations and substitutions. The substitutions and alternations occur in different forms. For a simple replacement, the new element replaces the old one. For example, the English words *but, feet* were pronounced with the [u] and [e:] sounds four and five hundred years ago, and these words are pronounced by [a] and [i:] sounds. Sound changes are divided into two parts, both historically and etymologically. Historical sound changes include phonetic changes taking place in words and suffixes, at the same time, assimilation, reduction and so on. For example, in the old English language, the plural form of the noun was formed by the suffix -as. The vowel in the suffix was lost as the result of a phonetic reduction and it remained as -s. For example, *stan-as* - stones. A. Shlakher identifies language with the living organism. He notes the tense factor as a factor of linguistic changes and emphasizes the immediate sound changes in the relation of tense (5). It should be noted that historical events, social conditions influence certain aspect of the language, but they don't affect phonetic and grammatical changes. There are changes in the current structure of the society, but the phonetic and grammatical structure of the language and the phonotactic dimensions of the language system and the structure of the linguistic level, but many of the relationships between the language units have remained unchanged. According to T.A. Rastorguyeva, the development of language is caused by two major forces: the first force is formed by the increasing and changing needs of the language speakers. The second force is the resistive force that protects the language from the state of communication that prevents language changes. And both forces demonstrate the expressive and communicative functions of the language (5). The extralinguistic factors affecting the language change and the development of the language include the social structure of the commu-

nity, the expansion of new geographical areas, the separation of migratory tribes, relation with the other nations, the development of culture and literature. The internal factors of language balance all languages. R. Jakobson classifies the affection of sound changes to the language system and divide them into two categories: a) phonological sound changes that affect the language system; b) extraphonological sound changes that do not affect the language system. He notes three types of phonological variations: 1. Junction of the phonemes and avoiding the oppositions. 2. The forming of a phoneme – division of the phoneme, doubling of the phonemes, forming of the additional opposition. 3. Change of a phoneme – transition of a kind of phoneme opposition to another kind of opposition (6). According to A. Stepanavicius, the internal conditions of the sound change include paradigmatic and syntagmatic, phonological and phonetic, segmental and prosodic factors. The role of paradigmatic factors is to reserve the stability of the sound changes and the sound changes are primarily dependent on phonological correlation and it is explained to create a new phoneme in the place that is empty in the language system. (6) V. Y. Plotkin explains that the substratum factor has a major role in the variation of the sound. In his opinion, as the historical phonetics can't explain the reasons for sound changes, the concept of "sound change" is divided into two parts, combinatory and spontaneous. The reason of combinatory sound changes considered of environment of the voice. For example, if a consonant is palatalized under the influence of neighboring vowel, that vowel is considered the reason of palatalization. Spontaneous sound changes do not depend on the environment of a voice (7). U. D. Whitney puts forward the traditional idea of economy, traditional in the language, while speaking about changing the outer form of a word. In his opinion, phonetic changes are intended to facilitate pronunciation and play an important role in language development. A. Martine considers this principle as universal law of language development (1). The reason for the change of voice is associated with the fact that the environment is noisy (8). According to him, the sound changes can stand in the environment as the constant physical principle is that there will not be noise that will not be in a permanent mood. This simple principle shows that, if there was no sound in nature, there would not be any language-speaking event in communication. The reason for much noise in language is that the language like as other natural objects also has a system-structure nature. The language as a system possesses sub-systems: phonemes, morphemes, lexemes, phrasemes. These sub-systems have the ability of mutual relation and mutual affects. It is one of the greatest principles of nature to economy much noise in the language system and to compensate for this by means of alternatives, including metaphors. R. Jakobson believes that each change should be functional. It is impossible to understand the sound change without determining its role in the language system (7). Any change in the phonological system is a purposeful change. At the same time, the phoneme alternation also means the change of the configuration of the phonological system. The change in the configuration of the system means the change of the nature of the corresponding phoneme. The change of the phonological system of a language indicates that the environment-geographical area of the

language operates as a system of factors. As the system of environmental factors are formed by the rhythmic factors, the phonetic changes also on the phonological system occur on a rhythmic basis. Thus, the sound changes in the language act as a natural law in the language. According to diachronic phonology, the sound varies as a component of that phoneme system, but not itself. The use of language as a means of communication affects the regularity of phonetic change and accelerates it. The explanation of phonological level of sound changes indicates that it is not a sound which changes, but the distinctive features. Phonetics is a field that creates the distinctive features, while phonology is a field that realizes the distinctive features. So, the phonological system can't exist without phonetics. On the phonetic level, the sound change must occur before phoneme alternation occurs in the system. Otherwise, it is impossible to give a phonological fact. According to O. I. Dikushina historically, in English, the phonemes /f, v, s, z, θ, ð/ were the variants of one phoneme, but now each of these phonemes acts as an independent phoneme in English (9). So, the sound changes occur primarily on phonetic level, then they are phonematic. Sound changes take place within a certain period of time. In the English language of 14th and 18th centuries, vowels changes that took place which is called "The great vowel change" or diphthongization. During this period closure of long vowels and diphthongization occurred. Under the influence of external environmental factors, the organs of speech change their positions in different actions and this change leads to the formation of different symbols in different languages. There is a proportion between the difference of the articulation of sounds and the variations of the acoustic images of the voice. So, the realization of the acoustic images of the voice depends on the size, widening and narrowing in the mouth and pharynx cavities. Any changes in the physiological aspect affect the language units and it causes the language changes in the structure of the language. For example, the sound change in the root or in the suffix may cause some grammatical results. A phoneme or a group of phonemes can be substituted by zero. If a phoneme or a group of phonemes consist of a suffix, this suffix disappears. The loss of the suffix may change the morphological system. So, grammatical properties are related by the activity of sound changes or by the phonetic laws. The phonetic phenomena and sound changes make it possible to substantiate the morphological changes more seriously from chronological point of view (1). Sound changes expand the lexical-morpheme field. The changes occurring in the physiological aspect leave deep traces in all levels of the language, and radically creates language changes. The formation of sounds with different acoustic images is the result of a change of the organs of speech with the various movements in the physiological aspect. The combinatory sound changes and ease of pronunciation lead to the phonological aspects of the principle of energy saving or the principle of consciousness that leads to phonetic sound changes and the emergence of new phonological elements. Sounds do not form the realization of distinctive peculiarities on the phonological level, but in the physiological aspect, the movements of the organs of speech and the acoustic compatibility of these movements form this acoustic proportion. The development of the language is based

on the sound changes in physiological and psychological background. Sound changes in physiological aspect facilitate pronunciation, but also play an important role in the development of language, in changing the outer form of the word. External environment factors influence the language primarily by means of the physiological aspect. In separate languages the arrangements of consonants and vowels in a certain quantity, their substitutions by one another are formed on the certain rhythmic sizes. The amount of such rhythmic sizes demonstrates itself in the differences of phonotactic structure of languages, places and degrees of stress, as well. Phonetic phenomena accompanied by sound changes in the diachronic and synchronic plan are also rhythmic. The rhythm in the phonetic phenomena occurs in the form of closure–constriction, voiced-voiceless, assimilation-dissimilation, labialization-non-labialization and their substitution by one another. The arrangement of sounds of speech is influenced by the rhythm of the nature and the phonotactic structure of the language is somewhat adapted. As a result of it, the arrangement of vowels and consonants is formed by the adaptation of rhythmic structure of nature and as a result of it, phonotactics of the languages is formed differently. As the phonotactic structure of languages is based on the rhythmic principle, the phonetic structure of the language units is also based on the rhythmic principle. There is a strong tendency in rhythmic variations in the language. That is why, the sound changes occurring in the language and the activity and the occurrence of phonetic phenomena occurring on the basis of sound changes in the language are based on the rhythmic principle. For example, a similar example is resemble /s/, resemble /z/, foxes /sɪz/, /foxes/ /səz/, /was/ /s/, was /z/ his /s/, his /z/ and this event can also be observed in sound combinations /sj/, /zj/, /tj/, /dj/ (5). The sounds of nature are related genetically with the sounds of speech. The sounds of speech are exited on the basis of sounds of nature. Each language unit is compatible with a rhythmic unit. The diachronic and synchronic sound changes occurring in the language are based on the rhythmic principle. There is a connection between the sound changes in the language and the rhythmic changes in the nature, but also in different natural-geographical areas. Different shapes of sounds that appear in the native dialects of a particular language are the result of the rhythmic peculiarities of that natural-geographical area. The basis of all the sound combinations in the language forms the articulation of various sounds. The boundaries of sound combinations are defined by the change of their sounds with their own laws and traditions, which are inherent in the majority of languages. The change of sound forms is often subject to two laws that exclude mutual contradictions. The first of the laws is the real member and it takes place under the influence of the speech organs and their interaction and it depends on the pronunciation to be easy or difficult, therefore, derives from the natural relationship of voices. The second law is derived from the spiritual essence of the tongue. It hinders the functioning of the speech body by arbitrary or full power and keeps the organs of speech from pronouncing non-natural sound combinations. Both laws are in the harmonic state to a certain degree. The changes in the phonetic and morphological structure of the language are closely interconnected, because these two adjacent language units

are developed in a coherent way, and this way leaves a deep pathway in the morphonological structure. While the sound structure improves, phonotactics varies too, but general rules and leading rules of phonotactics are conservative. Therefore, phonotactics are kept in the background of the development of sound structure and phonetic phenomena occurring in these cases serve to regulate the phonotactic rules. The sound structure of both English and Azerbaijani languages is rich in various phonetic phenomena. The reason for the occurrence of the phonetic phenomena varies. The principle of economy possesses the tendencies of deposition, alternation, free, in turn these tendencies lead to the generation of various phonetic phenomena. Sound changes occurring in phonetic phenomena, on the one hand, play a leading role in the formation of the system of speech sounds in the language, on the other hand, the formation of phonotactics and take an active part in the accepting of borrowings. The phonetic distinction of relative morphemes from morphological point of view is called phonetic alternation. The phonemes that alternate phonetically, are phonetically distinct, and are called the phonemes or sounds of speech that reflect their relationship in terms of historical origin or etymology. In other words, phonemes or sounds belonging to the same phoneme from the historical point of view, even though they are phonetically different, are called phonetic alternatives or phonemes. The initial reason for the formation of the alternations has pure phonetic or anthropophonic nature. All substitutions from the anthropophonic point of view are divided into two large groups. 1) neophonetics

2) non-neophonetics or paleophonetics. The first type of alternatives is the divergent, their mutual relationship is divergence and the second type of alternatives is non-divergent, and their mutual relation is called non-divergence. All substitutions are indirectly associated with the concepts of certain psychological shades or they don't form association. On the basis of this difference, the alternatives are divided into the following: 1) psychophonetic alternatives or correlatives 2) non-psychophonetic alternatives or non-correlatives. The mutual relation of the correlatives are called the correlations, non-correlatives are called non-correlation. Substitutions are possible, whether or not, due to possibility of determining the traditional and general social reason, either repetition or imitation, as well as from generation to generation or they are formed without them. From the point of view of the modern language, all substitutions belong to the language itself. When it comes to their origins, they can be considered originally strange. For example, in the Russian language, the words голова //глава, оло//ла. In the case of their origin, the first kind of substitution can be called half - shaped natural unilingual, and the second type is called half - shaped natural bilingual substitution. The phonemes that generate alternative pairs are etymologically always relative, so they must be derived from a single prophoneme, but this relationship should be of two types. a) Either these phonemes are replaced by relative morphemes that are etymologically. b) or these phonemes can form substitution as a component of whole morphemic groups assimilating in the size of definite phonetic structure. From the point of view of degree of the relation of the alternated phonemes is con-

nected closely the determination of assimilation occurring of psychological reason due to the differentiation of the two types of replacement: 1) psycho-phonetic alternatives or correlatives 2) non-psycho-phonetic alternatives or non-correlatives. The mutual relation of the correlatives is called the correlation, non-correlatives is called non-correlation. Substitutions are possible, whether or not, due to the possibility of determining the traditional and general social reason, either repetition or imitation, as well as from generation to generation. From the point of view of the modern language, all substitutions belong to the language itself. When it comes to their origins, they can be considered originally strange. For example, in the Russian language, the words голова/глава, оло//ла. In the case of their origin, the first kind of substitution can be called half-shaped natural unilingual, and the second type to be called half-shaped natural bilingual substitutions. The phonemes that generate alternative couples are etymologically always relative, so they must be derived from a single pro-phoneme, but this relationship should be of two types. a) Either these phonemes are replaced by relative morphemes that are etymologically b) or the identification of the morphological assimilation of the morpheme. From the point of view of degree of the relation of the alternated phonemes is connected closely the determination of assimilation occurring psychological reason due to the differentiation of the two types of replacement.

It should be noted that, grammatical substitution is semantic. In the historical development of phonetic processes, there are specific substitutions. In modern terms, it is understood that modern phoneme alternations are the result of previous sound substitutions. Such phoneme substitutions include drink-drunk, rise-rose-risen and so on. On the other hand, phoneme substitutions can occur as a result of the assimilation in the language and the umlaut as man-men, foot-feet, hot-heat, flood-fleed etc. As a result of the rhythmic structure, phonemic substitution is also observed. For example, child-children, wild-wilderness and so on. Vowel alternations occur in the words that are etymologically close to shifting of stress. For example, frequent [fri: 'kwent] - ['fri:kwənt]. R. Lass notes that sound changes are typically gradual in a lexical sense. In R. Lass's view, the hypothesis that young grammarians suggest is not a mechanism for changing, but it is a result. It should be better to call their idea as "change", because the sounds are constantly changing (10). Speaking of morphological factors, L. R. Zinder states that the alternation of appropriate phonemes causes the variation of this or that morpheme. The corresponding substitution in the phonetic structure of the given language is the true linguistic factor that makes the morpheme and the words synonymous true to phonetic identities (11). Indeed, replacing vowel phonemes

in different tense forms in English, such as get-got, fall-fell, dig-dug, shoot-shot creates a certain morphological sequence. The link between them is not a morphological rule but substitution of the phonemes. It should be noted that the phoneme participates as one side of a morpheme or a word and distinguishes these language units.

Conclusion

Summing up the above-mentioned issues I should like to add that the words of each language are natural units, and their phoneme sequence and prosodic structure are adjusted to certain rules. Such a rule manifests itself in the phonotactics of English words visually. The phoneme system and the phonetic forms of each language are shaped in accordance with the features of climate and natural-geographical factors and the internal biorhythm of the people living there. In the phonetic system of the language, as various phonetic sounds are formed, their phonotactic structure is conformed to the external and internal environments of that phonetic system. As the system of environmental factors are formed by the rhythmic factors, the phonetic changes also on the phonological system occur on a rhythmic basis. Thus, the sound changes in the language act as a natural law in the language. The only basic principle of the sound change in language is that it is an economy principle as universal principle of linguistic change.

References

1. Рәсәнов Ә. Dilçilik Tarixi, "Maarif", Baku, 1987.
2. Trubetskoy N.S. Fundamentals of phonology, 2nd edition, Moscow, 2000.
3. Martine A. Principle of economy in phonetic changes (Problems of diachronic phonology), Moscow, 1960.
4. Торсуев Г.П. Проблемы теоретической фонетики и фонологии. Л., Изд-во «Наука» 1969.
5. Rastorguyeva T.A. A History of English, Moscow, 1983.
6. Steponavicius A. English Historical phonology, Moscow, 1987.
7. Плоткин В.Я. Очерки диахронической фонологии английского языка. Москва, Высшая школа, 1976.
8. Hockette Ch. Sound Change Language, USA, 1965, vol №2, pp 185-204.
9. Dikushina O.I. English Phonetics, Leningrad, "Просвещение", 1965.
10. Lass R. Phonology. Cambridge, 1998.
11. Зиндер Л.Р. Общая фонетика, Москва, Высшая школа, 1979.
12. Ушаков Д.Н. Изменение звуковой стороны слов. Вкн: Общее языкознание, Минск, Высшая школа, 1976.

GOSPEL PARABLE AS A MYTHOLOGEME IN THE NARRATIVE SPACE OF THE NOVELS THE F. M. DOSTOEVSKY**Bigeldinova A.***Master of education,**M. Kozybaev North Kazakhstan State University***ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ПРИТЧА КАК МИФОЛОГЕМА В НАРРАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОМАНОВ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО****Бигельдинова А.***Магистр педагогических наук**Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева***Abstract**

The topicality of this work is conditioned by the growing interest of contemporary literary critics to the problems of mythopoetics and the narratology of the literary text. Representation in the narrative of the ideological and literary content of the work is realized through various strategies that represent the F. M. Dostoevsky's unique style. Mythopoetics is one of the narrative strategies that can reveal all the facets of a writer's individuality, the whole complex of philosophical ideas and emotional evaluations of the literary reality of a work at a deep level.

Аннотация

Актуальность настоящей работы обусловлена особым интересом современных литературоведов к проблемам мифопоэтики и нарратологии художественного текста. Репрезентация в нарративе идейно-художественного содержания произведения реализуется через разные стратегии, которые представляют неповторимый стиль Ф. М. Достоевского. Мифопоэтика – одна из нарративных стратегий, способных глубоко и полно раскрыть все грани индивидуальности писателя, весь комплекс философских идей и эмоциональных оценок художественной реальности произведения.

Keywords: mythopoetics, narrative, mythopoetic complex, narrative structure, narrative strategy, mythologeme, gospel parable.

Ключевые слова: мифопоэтика, нарратив, мифопоэтический комплекс, нарративная структура, нарративная стратегия, мифологема, евангельская притча.

Одним из самых распространенных архетипических образов в русской литературе является блудный сын. Впервые этот сюжетобразующий мотив находит свое отображение в таких произведениях Симеона Полоцкого, как повесть о «Горезлосчастии», «О Савве Грудцыне» и «Комедии притчи о блудном сыне». Если в семнадцатом столетии мифологема актуализируется вокруг губительности богоотступничества, то восемнадцатый век трактует «Гисторию о российском матросе Василии Кориотском, который покидает отчий дом, решает жить собственным умом и достигает успеха, становясь тем самым моральным эталоном эпохи. В художественной традиции XIX века мифологема «блудный сын» вернулась к своему традиционному сакральному смыслу в романах Ф. М. Достоевского [1].

В творчестве Ф. М. Достоевского данный архетипический образ предстает в лице таких персонажей, как Наташа Ихменева, дочь старика Смита, Николая Ставрогин, Петр Верховенский, братья Карамазовы и др. Христианский код в романах Ф. М. Достоевского выполняет своеобразную организующую функцию в нарративе романа, объединяя романы писателя в единую систему, показывающую диалектику человеческой души [2].

Основа нарративного пространства романа «Униженные и оскорбленные» представлена мифологемой «блудного сына» [3]. Однако, следует отметить, что у Достоевского евангельская притча претерпевает изменения и носит антонимичный характер по отношению к оригинальному тексту

притчи. Архетипический образ «блудного сына» трансформируется в мифологему «блудной дочери». Повествование о судьбе Наташи Ихменевой – это вариация библейской мифологемы, введенной в основу нарратива романа «Униженные и оскорбленные». Следует обратить внимание на то, что, по мнению В. И. Габдуллиной, и евангельский нарратив притчи состоит из четырех ключевых эпизодов и нарративная структура романа «Униженные и оскорбленные» представлена четырьмя частями. Остановимся на них более подробно. Итак, первая фаза библейского нарратива в романе представлена уходом «блудной дочери» из-под родительского крова, что соответствует сюжету евангельской притчи. Как и «блудный сын», который расточил свое имущество, Наташа Ихменева находится в бедственном положении и вынуждена искать работы и продавать свои платья. Следовательно, вторая фаза – это разорение [4].

Следующая отправная точка нарратива притчи повествует от лица героя-нарратора о достатке отца и лишениях сына. В романе «Униженные и оскорбленные» данная фаза сопряжена с торжественным проклятием Ихменева своей дочери и лишением ее родительского благословения. В. И. Габдуллина называет эту фазу «омертвлением» главной героини. Кульминационный момент нарратива «омертвления» Наташи Ихменевой представлен «смертными муками» героини, в результате которых она проклинает отца и прогоняет героя-нарратора Ивана Петровича. Четвертая фаза, полностью идентичная

сюжету притчи, - это возвращение «блудной дочери»: «она вбежала, увидела отца, и с криком бросилась перед ним на колена, простирая к нему руки». Стоит отметить, что мифологема «блудной дочери» в стихотворении Я. Полонского, которое читает главная героиня романа, не достаточно освещена литературоведами при изучении романа «Униженные и оскорбленные». В.И. Габдуллина утверждает, что сюжет чтения Наташей стихотворения «Колокольчик» требует пристального внимания, поскольку нарратив стихотворения аккомпанирует истории Наташи Ихменевой.

Как утверждает В. И. Габдуллина: «Финал «блудной дочери» в стихотворении соответствует жанровым канонам городского (мещанского) романа...». Наташа выступает в роли нарратора, поскольку пересказывает историю лирической героини Полонского. Но в отличие от лирической героини новеллы Полонского в интерпретации Наташи Ихменевой, героиня Достоевского возвращается в родительский дом[4].

В романе «Униженные и оскорбленные» есть еще одна «блудная дочь» - мать Нелли. «Блудная дочь» старика Смита «подсвечивает» историю Наташи Ихменевой и влияет на ее развязку. Старик Ихменев, пораженный рассказом Нелли о судьбе матери, прощает Наташу и встает перед ней на колени.

Если судьба Наташи представляет собой фактически прямую интерпретацию библейской мифологемы «блудный сын», то история жизни дочери Смита - это усложненный архетипический образ. У сюжетной линии Наташи один нарратор - Иван Петрович, а у дочери Смита их несколько. Итак, нарраторы сюжетной линии «блудной дочери» Смита представлены следующим образом: первичный нарратор - Иван Петрович, нарраторы второго порядка - Нелли и Валковский, нарратор третьего порядка Маслובоев и старик Ихменев. У каждого из нарраторов свое видение судьбы героини и собственный жанр повествования, что определяется полифонией романа «Униженные и оскорбленные». Следовательно, нарратор выступает как отдельный «голос». Сравним: сентиментальную мелодраму Ивана Петровича и романтическую историю с трагическим финалом, рассказанную Нелли, а также «премиленький анекдот» князя Валковского и авантурный рассказ Маслобоева, который стилизован под скоморошину [5].

К авторским модификациям притчи-мифологемы в романе «Униженные и оскорбленные» следует отнести появление женского образа в контексте притчи о блудном сыне. В нарративной структуре романа этот архетипический образ представлен тремя вариациями мифологемы «блудная дочь».

Архетипический образ блудного сына не обошел стороной и роман «Бесы». Библейская притча прочитывается в отношениях Верховенского-старшего и Верховенского-младшего. Но в отличие от мифологемы «блудной дочери» в романе «Униженные и оскорбленные» данный архетипический образ не модифицируется в женский, а усложняется, трансформируется и «переворачивается». Притча-мифологема представлена в инверсии, поскольку первая фаза - это не уход, а сцена возвращение

«блудного сына», в которой нет покаяния, а есть намеки на комизм, на снижение. Роман «Бесы» открывает для нарратора такие модификации притчи, как травестийность и усложнение нарратива[6].

В романе «Братья Карамазовы» мифологема-притча о блудном сыне выступает как ключ для раскрытия идейного замысла писателя. Перед нами важная нарраторская метаморфоза мифологемы «блудный сын», напоминающая трансформации одноименной мифологемы в романе «Бесы» - Федор Павлович Карамазов выступает как блудный отец. Архетипический образ блудного сына воплощается также и в Дмитрие Федоровиче Карамазове. Следовательно, у Достоевского представлен сюжет о блудном сыне и блудном отце. «Блудный сын» Иван Федорович выбирает рациональный подход к жизни и «уходит» от веры и морали, постулат которой еще один «блудный сын» Смердяков воплотит в реальность. «Блудный сын» становится «отцеубийцей». Что касается образа старца Зосимы, то здесь имеет место авторская модификация притчи, поскольку в нарратив романа вводятся такие понятия, как «кровный» отец и «духовный» отец [1].

Мифопоэтика притчи выступает как зерно замысла романа «Братья Карамазовы». В этом романе мифологема «блудный сын» приобретает самую усложненную притчевую схему. К нарративным модификациям автора в романе «Братья Карамазовы» следует отнести такие, как появление блудного родителя, присутствие отца «кровного» и «духовного», любовного треугольника, отсутствие диалога, возвращения, а также разделение «блудного» сына на три ипостаси, как и в романе «Униженные и оскорбленные».

Мифологема «блудный сын» сопрягает различные нарративные стратегии в творчестве Ф. М. Достоевского, делая нарративное пространство романов своего рода «экспериментальной площадкой», которая раскрывает духовно-нравственную шкалу героев романа и мироощущение нарратора.

Список источников

1. Кудрявцев Е.Г. Три круга Достоевского. - М.: Литература, 1979. - 180 с.
2. Шмид В. Нарратология. 2-е изд., испр. и доп. - М.: Языки славянской культуры, 2008. - 304 с.
3. Шмид В. Нарратология. - М.: Языки славянской культуры, 2003. - 312 с. - (Studia philologica)
4. Габдуллина В. И. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: притчевая стратегия в аспекте динамической поэтики // Времена и духовность: сборник в честь 70-летия академика НАН РК С. А. Каскабасова. - Алматы: Арда, 2010. - С. 94-100.
5. Габдуллина В. И. Нарративные стратегии Достоевского: от замысла к воплощению // Русская словесность в России и Казахстане: аспект ты интеграции: материалы Международной научно-практической конференции (15-16 сентября 2011 г.). - Барнаул: АлтГПА, 2011. - С. 100-107
6. Чернов А.В. Архетип «блудного сына» в русской литературе XIX века // Евангельский текст в русской литературе XVIII - XX веков. Петрозаводск, 1994. С. 152.

MOVIE TRANSLATION METHODS

Iskendirowa S.

*Undergraduate of Translation Studies speciality
Kh.Dosmukhamedov Atyrau State University, Kazakhstan*

Khairzhanova A.K.

*Candidate of Philology, senior teacher
Translation and Foreign Languages Department,
Kh.Dosmukhamedov Atyrau State University, Kazakhstan*

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА КИНОФИЛЬМОВ

Искендиrowa Ш.

*Магистрант по специальности Переводческое дело,
Атырауский государственный университет имени Х.Досмухамедова*

Хайржанова А.Х.

*к.ф.н., старший преподаватель,
Кафедра Переводческого дела и иностранных языков,
Атырауский государственный университет имени Х.Досмухамедова***Abstract**

This paper reviews translation strategies and techniques when translating a documentary, or non-fiction movie. The work also highlights the issue of the pragmatic adaptation of film translation and the selection of the correct translation strategies: equivalent translation and various types of translation transformations.

Аннотация

В данной работе рассматриваются переводческие стратегии и приёмы при переводе документального, или неигрового кино. Также в работе освещается вопрос о прагматической адаптации перевода кинофильмов и выборе правильных переводческих стратегий: эквивалентный перевод, различные виды переводческих трансформаций.

Keywords: transformation of the text, philological science**Ключевые слова:** трансформации текста, филологическая наука

A high-quality translation from a foreign language (and vice versa) is one of the main components of the commercial and creative success of any movie abroad. Our work is an analysis of the existing methods and techniques for translating documentary films from both English into Russian and from Russian into English.

In addition, in our work, we turned to the translation of the titles of the documentary films we are reviewing, since the popularity of any film is largely determined by its title – it is much easier to attract an audience with an effective title than a description of the content of this film. According to I.A. Ruchyeva in the article named “Features of the titles of English-language films: cognitive, structural-stylistic, translational aspects”, about eighty percent of newspapers and magazines readers pay attention only to headlines [1]. The same is the case with movies. The viewer determines his attitude to the film by its name and decides whether to watch it or not.

In the first decades of cinema history, films were released on screens without synchronously recorded sound, which were commonly called "silent movies". The lack of recorded speech in films led to the need to use new tools such as titles. In addition, they could be used to translate films into any other language. Therefore, we can say that the problem of translating movies has existed for more than a century.

Any film – whether it is a feature or a documentary – as an object of linguistic research always causes

certain difficulties, since it is a complex system of knowledge representation that contains, in addition to the text, extralinguistic factors that are important for its understanding.

The peculiar "hybridity" of the translation of film and video materials is reflected in the "Explanatory dictionary of translation studies" by L. A. Tolstoy. L. Nelyubina: "Translation of film and video materials combines the features of simultaneous, sequential and written translation, depending on the purpose and nature of the work (translation to the audience, for dubbing, voice-over, etc.)"

There are several arguments to support this view. [2, c-151]

According to V. N. Komissarov, this type of translation can not be considered as an actual interpretation due to the fact that, ideally, it is prepared in writing based on a written script in the form of editing sheets and, therefore, at the stage before voicing, it should be interpreted as a written translation. If it is not possible to perform a preliminary translation, the translator can work "online", translating the text of the film based on the written text, which brings this type of translation closer to "translation from a sheet". Extreme conditions for translating films "by ear", without written support, allow you to compare it with simultaneous translation. [3].

The remark of A. P. Chuzhakin is of fundamental importance., emphasizing creative activity of the interpreter when working film material: "Cinema is an art, and the best examples of the genre are masterpieces of world culture of the XX century." [4].

According to Yu. L. Obolenskaya, translation of feature films – a special type of literary translation, the purpose of which is "to implement a full-fledged inter-linguistic aesthetic communication by interpreting the source text, implemented in a new text in a different language" [5]. However, translation of documentaries, as one of the genres, can also be included in this definition, since it often has a editing technique, in which episodes are not always mounted chronologically, which can bring with it a certain element of artistry.

Translation of movie always inextricably linked with certain difficulties not only linguistically, but also of a technical nature that directly affects the degree of equivalence and adequacy of translation, as well as its technical realization on the screen (for example, the timing of articulation of actors and replicas of doubles).

In the classification of M. Berdi, published in the magazine "Bridges", 5 main types of film translation are identified [6]:

1. The work of a simultaneous interpreter. In this case, the interpreter translates the film without relying on the editing sheets. Sometimes he is forced to translate a movie without a preview, trying as much as possible more precisely, to convey its content. This type of translation has been used at international film festivals, film weeks, and other similar events. To date, this type of film translation has almost outlived its usefulness, since all films at international film events are necessarily subtitled. However, it is premature to say that simultaneous translation of films has ceased to exist.

2. Voicing a film by one actor or by the translator himself.

At the same time, the original scale is preserved, which allows the viewer to evaluate the emotional attitude of the film, as well as to distinguish between the replicas of different characters. This is a kind of pseudo-dubbing, when in a studio setting a slightly muffled foreign speech is superimposed on an actor's Russian translation. In some cases, when releasing films on DVD, voice-over is done by one person. And, as a rule, the translator does it himself. At the same time, the voices of the actors should be clearly audible. It should be noted that voiceover was first introduced as a method in our country in the late 1990s due to lack of funds for full-fledged dubbing and became widespread only in the new Russia.

This type of translation is mainly used for dubbing foreign films and TV shows that appear on television and on DVD.

3. Voicing the film by 2 actors - a man and a woman, while maintaining the original scale.

4. Full dubbing of the film. The entire film is voiced by a whole staff of actors. In this case, significant compression of the material occurs due to the need for the articulation of the actors to coincide with the Russian translation of their replicas. The technique of

high-grade and high-quality dubbing is a very expensive affair. Even in the USSR, this type of translation was done at the highest professional level. Annually over a hundred foreign feature films were dubbed in Russian in the Soviet Union. Over the past two decades, the quality of dubbing has declined significantly. Lip-sync has become more popular - a somewhat simplified television dubbing of foreign series, where text is laid out for articulation only at the beginning and at the end of a phrase.

5. Using titles while fully preserving the original audio sequence. The characters' speech is played as text in the translation language at the bottom of the screen. Films with subtitles are shown at international film festivals, released on digital media with simultaneous translation into several languages, and are also used for educational purposes.

This is one of the oldest methods of translation, since it was the only one available from a technical point of view for a long time. Since 1929, subtitles have been used on a regular basis when translating films.

But there was another problem, which was the difficulty of understanding subtitles on the TV screen. Simultaneous placement of an image with subtitles and an image without them on the screen became one of the ways to solve this problem, which created the effect of the presence of subtitles in the frame of a movie. Another method was to write subtitles on paper with further photography and transfer to the negative of the film. Such primitive means were used until the 70s. XX century, when special computer programs were invented to create subtitles. Currently, due to the increasing spread of digital video processing, various programs for automatic placement of subtitles on the screen are appearing.

According to the interpretation in the dictionary of S. I. Ozhegova and N. Yu. Shvedovoy, subtitle-the inscription under the image inside the frame [6]. The concept of "subtitle" originated in the era of silent films, as it was the only way to clarify the content of the film, explain the actions of the characters and reproduce their speech. All this suggests that the subtitle is a multifunctional unit. If you turn to foreign-language sources such as the "Great encyclopedic dictionary of Larousse" [8] or the dictionary of film terms edited by V. Pinel [9,c.347], the **translation with subtitles** can be defined as "an abbreviated translation of the film's dialogues, reflecting the main content and accompanied by a printed text of the visual series of the film in its original version, usually located at the bottom of the film frame".

Today, the cinema does not have an urgent need for subtitles, but they are an indispensable assistant for people who are hard of hearing or deaf. For other viewers, subtitles are needed as a source of additional information about what is happening on the screen, such as comments on the film, explanations of difficult-to-understand terms, titles, etc. In addition, subtitles can be useful for foreign language learners, as they help to support the audio text with visual support, greatly facilitating the perception of the source text. This is why many people prefer subtitles when choosing a translated version of a movie to improve their knowledge of

the original foreign language – to practice listening to speech and expand their vocabulary.

In many countries, watching foreign movies and TV shows with the original audio track and subtitles is common, and dubbing is only used in movies for children, since dubbing is much more expensive than creating subtitles.

In the cinematography subtitles differ in the degree of detail of events [10]:

1. Open captions (literally "open labels"), which are either displayed by default, or can be enabled via the DVD menu and are intended directly for translation into the language spoken by the people who make up the audience.

2. Closed captions (literally "closed labels"), which are used when playing a movie on a TV receiver to record important audio events. For example, the subtitle "Chopin's waltz sounds" may appear at the moment when the movie is playing a tune, and so on. These subtitles are mainly intended for people with hearing disabilities.

It is interesting to note that in the dictionaries of linguistic terms, D. E. Rosenthal and O. S. Akhmanova [9] the term "subtitle" is not mentioned at all. This is proof that the term "subtitle" itself, as well as translation by means of subtitles, were for a long time considered not as a linguistic or translation unit, but as a cinematic reality. However, there is no definition of "subtitle" in two consecutive editions of sufficiently detailed dictionaries of cinema edited by S. Yutkevich, which proves a very narrow application of this translation technique in our country.

In the course of the study, we came to the following conclusions:

Documentary film is a type of film industry based on the shooting of true events and faces. Documentary or non-fiction films include educational films, or academic films, true documentaries, as well as pseudo-documentaries. High-quality translation of such films is one of the most popular areas of translation due to the high pace of development of world cinema.

When translating documentary films, one inevitably has to select equivalents, which include words/terms: platoon–взвод, parabola antennae–параболические антенны, variant and contextual correspondences: deployment–1)развёртывание войск; 2) боевое задание, as well as use various types of translation transformations. For our work, we chose a list of translation transformations compiled by V. N. Komissarov, of which we resorted to lexical transformation - generalization: The film contains images that may be found **disturbing**–«шокирующие эпизоды» вместо «эпизоды, психологически тяжёлые для восприятия», to lexical-grammatical transformation - an antonymical translation: It's natural to be afraid–Не испытывать чувство страха – противостоит, to

modulation: У него есть стержень – его не согнётся никак – He is resolute, his views are unshakable, and so on.

The role of the headline is important for the documentaries, because the catchy, but a persistent title is the most effective way to interest the viewer. In our work, the titles of all three films were translated verbatim, since there was no need to change the names.

When translating documentaries with a specific theme, proficiency, understanding and knowledge of the terminology on the relevant topic are required. The main difficulty was the translation at the lexical level, closely related to the style of the text, as well as at the grammar level due to the different structure of the Russian and English languages.

References

1. Ручьевая И.А. Особенности названий англоязычных фильмов: когнитивный, структурно-стилистический, транслатологический аспекты. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://rae.ru/forum2012/18/1069>, с
2. Нелюбин Л. Л. Введение в технику перевода / Нелюбин Л. Л. – Москва: Флинта: Наука, 2009. – 216 с.
3. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. Учебное пособие / В.Н. Комиссаров. – Москва: ЧеРо, 1999. – 136 с.
4. Чужакин А. П. Мир перевода, или Вечный поиск взаимопонимания / А. П. Чужакин, П.Р. Палажченко. – 2-е изд., испр. – Москва: Валент, 1999. – 156 с.
5. Оболенская Ю. Л. Диалог культур и диалектика перевода. Судьбы произведений русских писателей XIX века в Испании и Латинской Америке / Ю.Л. Оболенская – Москва, 1998. – 315 с.
6. Берди М. Киноперевод: мало что от Бога, много чего от Гоблина /М. Берди // Мосты: журнал переводчиков. – 2005. – №4. – 57 с.
7. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е издание, доп. – Москва: Азбуковник, 2000. – 940 с.
8. Большой энциклопедический словарь Ларусс. 2012
9. Pinel, V. Vocabulaire technique du cinema / V. Pinel – Paris : Nathan, 1996. – 592 p.
10. Wilss W. Translation Strategy, Translation Method and Translation Technique: Towards a Clarification of Three Translational Concepts / W. Wilss // Revue de Phonetique Appliquee. – 1983. – P. 143–152.
11. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1975; 2-е изд. М., 1986.
12. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966; 2-е изд. М., 1969.

Nechay Y.

Doctor of Philology Kuban State University

Poverennaya A.

Applicant of Kuban State University

ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ЯЗЫКА НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

Нечай Ю.

Доктор филол. наук, Кубанский университет

Поверенная А.

соискатель, Кубанского государственного университета

Abstract

The object of study of the article is German and Russian fairy tales. The author considers the uniqueness of German and Russian fairy tales, their heterogeneity in content and form. The author analyzes the syntactic phenomena that are most typical for the language of German and Russian fairy tales the peculiarities of their use make up the difference between their language and the language as written works of art.

Аннотация

Объектом изучения статьи являются немецкие и русские волшебные сказки. Рассматривается своеобразие немецкой и русской волшебной сказок, их неоднородность по содержанию и по форме. Проводится лингвистический анализ наиболее типичные для языка немецких и русских волшебных сказок синтаксические явления, особенности употребления которых составляют отличие их языка от языка как письменных художественных произведений.

Keywords: oral folk art, fairy tale, linguocultural community, phonological level, combinations and alternations of sounds, syntagmatic sequence.

Ключевые слова: устное народное творчество, волшебная сказка, лингвокультурная общность, фонологический уровень, сочетания и чередования звуков, синтагматическая последовательность

Занимаясь изучением языка произведений устного народного творчества, лингвисты рассматривали, в основном, отдельные его элементы, присутствие которых направлено на его всестороннее украшение, например, метафора, эпитет, сравнение и др. Вопрос же роли и функциональных возможностей фонетических, грамматических и синтаксических явлений в языке волшебной сказки в оригинале и переводе затрагивался, практически, достаточно узко.

Результаты проведенного лингвистического анализа немецких волшебных сказок и их трансформаций на русский язык свидетельствуют о том, что на фонологическом уровне имеют место особые сочетания и чередования звуков в их синтагматической последовательности, которые в сочетании с другими средствами образуют различные стилистические звуковые эффекты. Всем известно, что звуковой образ в тексте не только тесно связан с впечатлением, которое передается семантикой языковых единиц, но и усиливает это впечатление. Нельзя не отметить также многозвучность сказочного мира, где предметы могут *rütteln sich* и *schütteln sich*, *jammern* и *weinen*, на разные голоса перекликаются ручьи, фонтаны, деревья и кусты.

В лингвистике отмечается, как известно, несколько способов организации звукового потока: аллитерация и звукоподражания. Само слово «аллитерация» имеет латинские корни и означает «буква к букве». Это один из видов повтора звуков, а именно согласных, как правило, в начале слов,

причем, могут повторяться и прикрепленные к согласным гласные буквы, но вовсе не обязательно, например:

Danach ging es weiter und kam zu einem Baum, der hing voll Äpfel, und rief ihm zu: «Ach, schüttel mich, schüttel mich, wir Äpfel sind alle miteinander reif.» Da schüttelte es (das Mädchen – A.P.) den Baum, dass die Äpfel fielen, als regneten sie, und schüttelte, bis keiner mehr oben war... [Brüder Grimm. Frau Holle].

Пошла она (Девочка – А.П.) дальше и пришла к дереву, и было на нем полным-полно яблок, и сказало ей дерево:

– Ах, отряхни меня, отряхни, мои яблоки давно уж поспели! Она начала трясти дерево, и посыпались, словно дождь, яблоки наземь, и она трясла яблоном до тех пор, пока не осталось на ней ни одного яблока [Пер. Г. Петникова].

В данном примере за счет многократного употребления глагола *schütteln* в сознании читателя, вольно или невольно возникает звуковой эффект шелеста листьев и шуршания падающих яблок

Благодаря такому повтору можно достичь самых разных звуковых эффектов. При этом, не стоит путать аллитерацию с другими видами повторов. Она предполагает повторение только одинаковых или похожих согласных, но не слов или словосочетаний, например: «Kind und Kegel», «Stock und Stein», «Dach und Fach» и т.д.:

...und als der Regen stärker ward, und endlich so stark, als ob man mit Mulden vom Himmel gösse,

schwang er den Degen immer schneller und blieb so trocken, als saß er unter Dach und Fach [Brüder Grimm. Die drei Brüder].

Дождь пошел сильнее и, наконец, обратился в ливень, который лил как из ведра, а фехтовальщик все быстрее и быстрее вращал шпагою над головой и остался сухохонек, словно под крышей стоял [Пер. Г. Петникова].

Другим способом организации звукового потока являются звукоподражания. Будучи одним из мощных экспрессивных средств языка, звукоподражательная лексика широко присутствует в текстах волшебных сказок. Такими словами являются не только те, признаки которых ощущаются современными носителями языка, но и те, в которых эта связь в ходе развития языка оказалась ослабленной. Следует отметить также, что немецкие звукоподражания, сходные в фонетическом отношении, большей частью неоднозначны и не могут выступать таковыми в русском языке и наоборот. Более того, даже в рамках отдельно взятого языка, одно и то же слово квалифицируется с точки зрения отнесенности или неотнесенности к звукоподражательным компонентам по-разному, например, глаголы *jaulen* / выть, завывать, *kichern* / хихикать, *muhen* / мычать, *singen* / звонко гудеть или жужжать, *schnurren* / гудеть, жужжать, *tackeln* / тикать, *wiehern* / ржать и ряд других, немецкий словарь «*Deutsches Universalwörterbuch*» трактует как звукоподражательные с пометой *lautmalend*, в то же время 6-ти томный словарь «*Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache*» [3] под редакцией Р. Клаппенбах и В. Штайница такой пометы не дает.

Произносительные несовпадения звукоподражательных слов в немецком и русском языках можно, по-видимому, обосновать тем, что оба этих языка осваивают звуки внешнего мира в соответствии с особенностями фонетической системы каждого из них, а это порождает, конечно же, и различия в области звукоподражания. Расхождение в составе звукоподражаний этих языков можно объяснить еще и спецификой культуры и географической среды проживания их носителей, наличием или отсутствием тех или иных звуков в фонологической системе немецкого или русского народов, а также разностью путей, по которым осуществлялось освоение языковой действительности, например:

Am andern Tage, als sie mit dem König und allen Hofleuten sich zur Tafel gesetzt hatte und von ihrem goldenen Tellerlein aß, da kam, plitsch platsch, plitsch platsch, etwas (Der Frosch – A.P.) die Marmortreppe heraufgekrochen [Brüder Grimm. Der Froschkönig oder der eiserne Heinrich].

На другой день она села с королём и придворными за стол и стала кушать из своей золотой тарелочки. Вдруг – топ-шлеп-шлеп – взбирается кто-то (Лягушка – А.П.) по мраморной лестнице... [Пер. Г. Петникова].

В результате в языках мира собаки лают, кошки мяукают, даже деньги звенят по-разному, например:

Als der Daumerling nun seine Arbeit von neuem anfang, hörten sie das Geld drinnen sich regen und klingen klipp, klapp, klipp, klapp [Brüder Grimm. Daumerlings Wanderschaft].

Когда же Мальчик-с-пальчик снова принялся за работу, часовые и точно услышали, что кто-то ворошится в деньгах за дверью и деньги позвякивают: клинь-клян, клинь-клян. [Пер. Г. Петникова].

Отмечены также случаи, когда в одном из языков может отсутствовать исходное слово, обозначающее сам звук, но иметься глагол, например, в немецком языке нет звукоподражания мурлыканью кошки, но есть глагол *schnurren* / мурлыкать, отсутствует также звукоподражание ржанию лошади, но имеется глагол *wiehern* / ржать, в русском и немецком языках нет звукоподражания рёву слона, но есть глаголы: нем. *trompeten* и рус. трубить, реветь: ...und als es (Das Mädchen – A.P.) in den Hof kam, saß der Hahn auf dem Brunnen und rief: «Kikeriki, Unsere goldene Jungfrau ist wieder hie» [Brüder Grimm. Frau Holle].

И только она (Девушка – А.П.) вошла во двор, запел петух, он как раз сидел на колодце: Ку-ка-ре-ку! [Пер. Г. Петникова]

По нашим наблюдениям, в текстах немецких сказок основную роль играют наклонения и модальные глаголы, в то время как в русских переводах им соответствуют, зачастую, модальные слова и частицы. Эти расхождения выходят за рамки лексических отношений и оказываются существенными для построения высказываний, например:

Die alte Frau aber rief ihm nach: «Was fürchtest du dich, liebes Kind? Bleib' bei mir, wenn du alle Arbeit im Hause ordentlich tun willst, so soll dir's gut gehn. Du musst nur achtgeben, dass du mein Bett gut machst und es fleißig aufschüttelst, dass die Federn fliegen...» [Brüder Grimm. Frau Holle].

Но старуха крикнула ей вслед:

– Милое дитяtko, ты чего боишься! Оставайся у меня. Если ты будешь хорошо исполнять у меня в доме всякую работу, тебе будет хорошо. Только смотри, стели как следует мне постель и старательно взбивай перину, чтобы перья взлетали... [Пер. Г. Петникова].

В данном случае тип модального отношения в русском языке не называется, а лишь имплицитно просматривается на базе синтаксиса.

Одним из самых типичных соответствий немецких модальных глаголов в русских переводах волшебных сказок, по нашим наблюдениям, можно считать предикативные слова модального значения «можно, нужно, надо, нельзя» и модальные слова «возможно, наверно, вероятно, пожалуй, действительно, сомнительно, конечно» и т.д., например:

Als der Zwerg sich von dem ersten Schrecken erholt hatte, schrie er mit einer kreischenden Stimme: «Konntet ihr nicht säuberlicher mit mir umgehen?» [Brüder Grimm. Schneeweißchen und Rosenrot].

Не успел карлик прийти в себя от испуга, как начал кричать своим визгливым голосом:

– Разве нельзя было обращаться со мной по-вежливее? [Пер. Г. Петникова].

Соответствия немецких модальных глаголов и русских модальных слов в текстах волшебных сказок особенно наглядно прослеживаются при выражении предположения, например:

«Ich sehe, das geht nicht», sprach der Mann, «spinn' lieber, vielleicht kannst du das besser» [Brüder Grimm. König Drosselbart].

– Ну, я вижу, что это дело у тебя нейдет на лад, – сказал муж, – и лучше уж ты примись за пряжу; может быть, прясть ты можешь лучше, чем плести... [Пер. Г. Петникова].

Носителями модальных значений в текстах сказок служат преимущественно глаголы, употребление которых способствует установлению конгруэнтности с определенным лицом, тогда как в русских переводах таким предложениям соответствуют личные и неопределенно-личные построения, например:

«Wie soll da einer zur Ruhe kommen und seines Lebens froh werden!» [Brüder Grimm. Der faule Heinz].

– Как тут можно быть спокойным и радоваться жизни? [Пер. Г. Петникова]

Наши наблюдения свидетельствуют о том, что разнообразное содержание в текстах волшебных сказок воплощается весьма ограниченным количеством немецких модальных глаголов. В текстах же их русских переводов отмечается присутствие многочисленной группы таких глаголов, как мочь, уметь, хотеть, намереваться, собираться, любить, (не) терпеть, запрещать, разрешать, полагаться, испытывать необходимость, быть в состоянии, быть способным, быть призванным и др., при этом, глаголы, употребляются преимущественно в третьем лице: пришлось, довелось, вышло, посчастливилось, получилось, удалось, сорвалось и многие другие, например:

Es waren ihrer dreizehn in seinem Reiche, weil er aber nur zwölf goldene Teller hatte, von welchen sie essen sollten, so musste eine von ihnen daheim bleiben [Brüder Grimm. Dornröschen].

Этих колдуний в том королевстве было тринадцать, но так как у короля было только двенадцать золотых тарелочек, на которых им полагалось подавать кушанья, то одну из них пришлось не приглашать [Пер. Г. Петникова].

В то время как в одном языке происходит уточнение модальных значений, другой язык обходится без их специального выражения. Имеется также немало примеров, когда модальность, выраженная в оригинале модальным глаголом, в русском же варианте остается невыраженной, например:

«Was soll daraus werden?» sprachen sie (Die Kriegsleute – A.P.) untereinander, «wenn wir Zank mit ihm kriegen und er haut zu, so fallen auf jeden Streich siebene. Da kann unsereiner nicht bestehen.» [Brüder Grimm. Das tapfere Schneiderlein].

– Чего тут ждать хорошего? – говорили они (Королевские ратники – А.П.) между собою. – Ведь, чего доброго, коли мы с ним поссоримся, да он на нас накинется, так от каждого взмаха семерых как не бывало! Где же тут нашему брату с ним тягаться? [Пер. Г. Петникова]

В текстах волшебных сказок и их русских переводах нами отмечены и прямые параллели (глагол – глагол), например:

In der Nacht, als die Räuber von ihrem Raubzug heimkehrten, holte Hans seinen Knüttel hervor, stellte sich vor den Hauptmann und sagte: «Jetzt will ich wissen, wer mein Vater ist...» [Brüder Grimm. Der starke Hans].

Однажды ночью, когда разбойники вернулись домой после разбойного набега, Ганс вытащил свою дубинку, встал перед атаманом и сказал:

– Теперь я хочу знать, кто мой отец... [Пер. Г. Петникова].

Употребление глагола wollen бывает связано с выражением начинательности, что отображается в русском языке глаголами «собираться, начинать, становиться» или наречиями «вот-вот, того и гляди, сейчас, скоро», например:

Sie (Rapunzel – A.P.) sprach: «Ich will gerne mit dir gehen, aber ich weiß nicht, wie ich herabkommen kann» [Brüder Grimm. Rapunzel].

Она сказала.

– Я охотно пойду вместе с тобой, но не знаю, как мне спуститься вниз [Пер. Г. Петникова].

Глагол lassen имеет в русском варианте параллели в виде: а) отдельных переходных глаголов или б) аналитических конструкций с глаголами «распорядительной семантики»: велеть, приказывать, сделать так, чтобы..., например:

Der Junge aber spannte die Pferde aus, zog selber den Pflug und sagte 'geh er nur nach Haus, Vater, und lass er die Mutter eine große Schüssel voll Essen kochen... [Brüder Grimm. Der junge Riese].

Тогда парень выпряг коней, потащил плуг на себе и сказал:

– Ступай, батюшка, домой да вели матери наварить мне миску еды, да чтобы побольше, а я уж за это время сам все поле вспашу [Пер. Г. Петникова].

Преодоление расстояний герои осуществляют самыми различными способами: летают по воздуху, перемещаются по земле или воде и т.д.

Для всех этих способов передвижения волшебная сказка выработала специфические формулы, описывающие действия сказочных персонажей.

Чаще всего в сказках употребляются формулы, указывающие на длительность пути:

Девочка опять побежала. Бежит, бежит, уж недалеко осталось [А. Афанасьев. Гуси-лебеди].

Усложненный вариант такой формулы – глагол, обозначающий действие, распространяется указанием на место и длительность процесса. Такая формула, как правило, троекратно повторяется:

Оставил Иван-царевич серебряную вилку и пошёл в дорогу. День шёл, другой шёл, на рассвете третьего дня видит дворец лучше двух первых, возле дворца дуб стоит, на дубу ворон сидит [А. Афанасьев. Марья Моревна].

Только для русских сказок характерна выразительная формула: Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли...:

Долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли – скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается [А. Афанасьев. Иван-Царевич и Белый Полянин].

Лингвистический анализ текстов сказки свидетельствует о том, что в немецких сказках к модальным глаголам функционально примыкают глаголы brauchen, beabsichtigen, benötigen, scheinen, glauben, сочетание verpflichtet sein, imstande sein, например:

Er brauchte nicht lange zu suchen, das Einhorn kam bald daher und sprang geradezu auf den Schneider los, als wollte es ihn ohne Umstände aufspießen [Brüder Grimm. Das tapfere Schneiderlein].

Недолго пришлось ему искать: единорог вскоре и сам вышел к нему и прямо устремился на портного, собираясь сразу пронзить его своим рогом [Пер. Г. Петникова].

В содержании текстов немецких волшебных сказок имеется и целый ряд глаголов, которые эксплицируют всевозможные изменения: schlafen (спать), dauern (длиться, продолжаться), laufen (бежать), а также глаголы с семантикой событийного типа: einholen (настигать), erlösen (освобождать, избавлять), sich verwandeln (превращаться) и др., например:

Da erzählte er ihr, er wäre von einer bösen Hexe verwünscht worden, und niemand hätte ihn aus dem Brunnen erlösen können als sie allein, und morgen wollten sie zusammen in sein Reich gehen [Brüder Grimm. Der Froschkönig oder der eiserne Heinrich].

Он рассказал ей, что его околдовала злая ведьма, и никто бы не мог освободить его из колодца, кроме неё одной, и что завтра они отправятся в его королевство [Пер. Г. Петникова].

Намного ярче и шире различия между высказыванием, действительностью и тем, кто эксплицирует его, выражаются в языке сказки посредством модальных слов.

Это объясняется самим устройством поля модальности: именно модальные слова – обширная и семантически разнородная группа наречий – конституируют тот фрагмент поля, в котором категория модальности максимально отмечена (по совокупности включаемых признаков) семантической дифференциацией.

Изучая текстовое «поведение» средств выражения субъективно-модального отношения этой категории слов, следует отметить их особую роль в формировании коммуникативно-прагматического (актуального и динамического) плана структуры высказывания.

Анализ текстов волшебных сказок позволяет отметить, что при одной и той же объективной модальности, передаваемой грамматическими средствами, предложение-высказывание может содержать различную субъективную модальность, выяснение которой фактически дает ключ к распознаванию прагматического плана высказывания, например:

...aber der Starke packte sie (Die Tonne – A.P.) mit einer Hand, steckte sie in den Sack und sprach: «Warum bringt ihr nicht gleich mehr, das deckt ja kaum den Boden» [Brüder Grimm. Sechse kommen durch die ganze Welt].

...а наш силач ухватил ее одной ручищей, сунул ее преспокойно в мешок и спросил:

– Зачем же вы сразу-то не притащите побольше, ведь эта бочка в моем мешке чуть донышко прикрыла [Пер. Г. Петникова].

В приведенном примере оттенок неуверенности присутствует в субъективном мнении силача, в связи с тем, что нужно брать сразу несколько бочек золота, а содержимого одной бочки очень мало и оно покрыло лишь дно его мешка. В русском переводе для передачи данного модального оттенка достаточно лишь наличия компонента едва, слегка, чуть.

В последующем примере с помощью модального слова unmöglich удастся эмоционально выразить сильное сомнение Кота в способностях Великана:

«Ich habe gehört, dass du dich in jedes Tier ganz nach deinem Belieben verwandeln könntest; was einen Hund, Fuchs oder auch Wolf betrifft, da will ich es wohl glauben, aber von einem Elefant, das scheint mir ganz unmöglich, und deshalb bin ich gekommen, um mich selbst zu überzeugen» [Brüder Grimm. Der gestiefelte Kater].

– Меня уверяли, – сказал кот, смело шагнув в залу и поздоровавшись, – что вы умеете превращаться в любого зверя. Ну, например, во льва или слона... [Пер. Г. Петникова].

Степень предположения в достоверности высказывания в текстах сказок представляют модальные слова типа: hoffentlich, vermutlich, vielleicht, voraussichtlich, möglich, wahrscheinlich, scheinbar, например:

«Ich sehe, das geht nicht,» sprach der Mann, «spinn lieber, vielleicht kannst du das besser» [Brüder Grimm. König Drosselbart].

– Ну, я вижу что это дело у тебя нейдет на лад, – сказал муж, – и лучше уж ты примись за пряжу; может быть, прясть ты можешь лучше, чем плести... [Пер. Г. Петникова].

В текстах русских волшебных сказок имеет место частое повторение определений: добрый конь; серый волк; красная девица; добрый молодец, а также сочетаний слов: пир на весь мир; идти куда глаза глядят; буйну голову повесил; ни в сказке сказать, ни пером описать; скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; долго ли, коротко ли..., например:

Король дал за дочкой богатое приданое, наградил зятя большим чином и задал пир на весь мир [А. Афанасьев. Волшебное кольцо].

Очень часто определение позиционирует после определяемого слова, что придает содержанию особый колорит благозвучия и напевности: сыновья мои милые; солнце красное; красавица писаная..., например:

– Боюсь я, сынок, – сказала матушка Ивану. – Ишь она, Еленушка, жена твоя, красавица писаная какая, богатая да знатная, – чем ты ее заслужил? [А. Афанасьев. Елена Премудрая].

В русских волшебных сказках мы отмечаем часто краткие и усеченные формы глаголов: хватъ – вместо схватил, подь вместо пойдти и т.д., а также прилагательных: красно солнце; буйну голову повесил и др.

Нельзя не отметить и тот факт, что для языка русских волшебных сказок характерно употребле-

ние имен существительных и прилагательных с различными уменьшительно-ласкательными суффиксами: мал-еньк-ий, брат-ец, петуш-ок, ал-еньк-ий, бел-еньк-ий, зел-ёвеньк-ий, сестр-иц-а, Алён-ушк-а, хозя-юшк-а, зёрн-ышк-о, солн-ышк-о, Кат-еньк-а, доченьк-а и др., например:

Уложила его квакушка спать, а сама сбросила с себя лягушечью кожу, обернулась красной девицей Василисой Премудрой и стала ковер ткать... Солнышко еще не взошло, а ковер уж готов [А. Афанасьев. Царевна-лягушка].

Подобную задачу выполняют также и различные усилительно-выделительные частицы: -то; вот; что за; -ка и др., например:

Осмотрелся старик кругом. «Что за чудо! – говорит. – Глас человеческий слышу, а никого не вижу [А. Афанасьев. Мальчик с пальчик].

В текстах русских волшебных сказок закрепились также определённая лексическая сочетаемость, например: слезами заливаться, слово вымолвить и т.д.

Присутствие ряда отдельных слов и выражений в текстах сказок особенно четко отражает их лексические особенности: жили-были, не ленились, трудились, пахали, засеивали, напасть, затужили, загореваля, утешают, не горюйте, биться насмерть, не тосковать, удерживать, отговаривать, снарядили, мечи булатные, котомки, хлеб-соль и др., например:

Жили-были себе царь и царица; у них были сын и дочь, сына звали Иванушкой, а дочь Аленушкой [А. Афанасьев. Сестрица Алёнушка и братец Иванушка].

Синтаксический анализ немецких и русских волшебных сказок свидетельствует о том, что простые предложения в данном жанре народного творчества представлены значительным корпусом, но большая их часть написана сложными предложениями с нагромождением многочисленных синонимов, дополнений, повторов, которые рефлегируют такую же сложность и переплетение мыслей и в головах героев.

Результаты изучения лингвистических работ, касающихся специфики сложных предложений, свидетельствуют о том, что сложность их строения в языке сказок подчеркивалась многими языковедами. Например, В.Н. Мигирин [2], который в качестве практического материала для исследования воспользовался сказками сказителя Абрама Новопольцева в записях Д.Н. Садовникова, обращал внимание на случаи объединения далеких по смыслу высказываний одним сложным предложением, как на характерное явление для языка сказок [1]. При этом автор достаточно подробно рассматривает все виды связей в сложных предложениях, распределяя их, в конечном счете, на следующие типы:

– бессоюзные сложные предложения, например:

Da packte sie der Diener gleich beim Kragen, trug sie in die Küche und sprach zum Koch: «Schlachte doch diese ab, sie ist wohlgenährt» [Brüder Grimm. Die weiße Schlange].

Схватил слуга утку тотчас за шею, принес ее на кухню и говорит повару:

– Зарежь мне эту утку, видишь – какая она жирная [Пер. Г. Петникова].

– сложные предложения, связь внутри которых осуществляется с помощью союзов «а», «и», «да», например:

Der Diener schlug alles aus und bat nur um ein Pferd und Reisegeld [Brüder Grimm. Die weiße Schlange].

Но слуга от всего отказался и попросил только коня и денег на дорогу... [Пер. Г. Петникова].

– сложные предложения с развитой подчинительной системой связи, например:

Er mußte jetzt seine Beine gebrauchen, und als er lange Wege gegangen war, kam er in eine große Stadt [Brüder Grimm. Die weiße Schlange].

Пришлось теперь парню идти пешком; прошел он немало долгих путей и дорог, пока попал, наконец, в столицу [Пер. Г. Петникова].

Нельзя не отметить при этом, что все типы сложного предложения в исследованиях В.Н. Мигирин, являют собой не что иное, как отражение различных этапов его исторического развития.

Подводя итоги анализа специфики языка немецкой и русской волшебной сказки, можно заключить, что текст волшебной сказки отличается от прочих художественных текстов необычайно высокой степенью когерентности, а ее язык сохранил свойственные народной речи выражения, образные характеристики, игру слов и типичные для стиля данного жанра устного народного творчества повторения. Фонетическая сторона волшебной сказки характеризуется частым использованием таких приемов как звукоподражание, ассонанс, рифма, что придает тексту мелодичность. Лексические особенности языка сказки отражают отдельные, емкие и полные чувств, слова и выражения. Синтаксис сказки отличается наличием большого числа сложных предложений с множеством придаточных предложений.

Список источников

1. Копецкий Л. К изучению языка и стиля русской сказки. М., 1927. 308 с.
2. Мигирин В.Н. Эволюция придаточного и разные виды трансформации главного и придаточного предложений в русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Симферополь, 1955. 187 с.
3. Klappenbach R., Steinitz W. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Bde 3. und 5. 4. Auflage. Berlin, 1980.

Список лексикографических источников

4. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: в 3 т. М., 1957.
5. Гримм Я., Гримм В. Сказки. Эленбергская рукопись 1810 с комментариями. (Пер. А. Науменко). М., 1988.
6. Народные русские сказки из сборника А.Н. Афанасьева. М., 1982.
7. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. / Подготовка текста, предисловие и примечания В.Я. Проппа. М., 1957–1958.
8. Brüder Grimm. Kinder- und Hausmärchen. Düsseldorf–Köln, 1962.

Nikishov Y.*Doctor of Philological Sciences**Independent Researcher**Tver, Russia***ХВАЛА ТРЕТЬЕЙ БОЛДИНСКОЙ ОСЕНИ ПУШКИНА****Никишов Ю.***Д-р филологических наук**Независимый исследователь**Тверь, Россия***Abstract**

In his third visit to Boldino (1834), Pushkin wrote “only” “The Tale of the Golden Cockerel”. It contains a lesson for good young men: everybody will inevitably make any decision aimed towards the future based on incomplete data. A personal example of the poet clarifies: the chosen solution must be followed to the end.

Аннотация

В третий приезд в Болдино (1834) Пушкин написал «только» «Сказку о золотом петушке». Она содержит урок добрым молодцам: любое решение, устремленное в будущее, всякий человек неизбежно принимает по неполным данным. Личный пример поэта уточняет: выбранному решению нужно следовать до конца.

Keywords: Pushkin, fiction and reality, stages of life, decision making, joy and sorrow.

Ключевые слова: Пушкин, выдумка и реальность, этапы жизни, принятие решений, радости и горести.

В этой статье, пестрой по составу, мне придется коснуться многих и разных источников, что называется – сначала наготовить серию пазлов с тем, чтобы в конце они сложились в неожиданную картину.

Для разбега отмечу неумную жадность читателей (да и исследователей): избалованные обилием и качеством произведений, созданных Пушкиным в Болдино в 1830 и 1833 годах, они удивлены, что в 1834 году, когда поэт, в сознании которого всегда был переизбыток замыслов, приехал в Болдино специально поработать, а по возвращении привез «всего лишь» «Сказку о золотом петушке».

По аналогии хочется привести интереснейший отзыв поэта и критика Вл. Ходасевича о комедии Грибоедова: «Мы вечно будем перечитывать “Горе от ума” – этот истинный “подвиг честного человека”, гражданский подвиг, мужественный и современный. Мы всегда станем искать в комедии Грибоедова живых и правдивых свидетельств о временах минувших. Мы отдадим справедливость яркости и правдивости изображения. Но в глубокие минуты, когда мы, наедине с собой, ищем в поэзии откровений более необходимых, насущных для самой души нашей, – станем ли, сможем ли мы читать “Горе от ума”? Без откровения, без прорицания нет поэзии» [11]. Отзыв необычен двусторонностью. Комедии дана оценка очень высокая, но и выдвинут критерий, которому она, по мнению критика, не удовлетворяет. Откровений в комедии Грибоедова Вл. Ходасевич не увидел (а кто их увидел?).

Но у нас речь не о Грибоедове. Аналогия в оценках очевидная. Желаясь покопаться в сказочке Пушкина находят в ней то, что заслуживает одобрения [см. 5, 14]. Откровений не усматривают.

Да и какие откровения в сказке о петушке! Тут, похоже, в творческом поиске вообще шаг назад. Поэт рассказал сказки о царе Салтане и о мертвой царевне – кончал их присказкой, как у сказителей принято: «Я там был; мед, пиво пил – / И усы лишь обмочил» [8]. Пофантазировал поэт в народном духе – на том спасибо. А тут: «Сказка ложь, да в ней намек! / Добрым молодцам урок» [8, с. 363]. Назидательными уроками литературы мы уже в классицизме насытились. Так ведь и Пушкин в стихотворении «Поэт и толпа» такую ситуацию изображает с едкой иронией. Здесь «чернь тупая» даже снисходит до просьбы: «Ты можешь, ближнего любя, / Давать нам смелые уроки, / А мы послушаем тебя». (Послушаем – не значит: услышим тебя да на ус намотаем). Поэт непреклонен: «Подите прочь – какое дело / Поэту мирному до вас!» [7].

Но всякое подозрительное и скептическое отношение к сказке о петушке решительно противоречит пушкинскому отношению к этому произведению. С. А. Фомичев обратил внимание, что беловой автограф сказки завершен пометой: 20 сен<тября>, 1834, 10 ч<асов> 53 м<инуты>, заметив: «Нельзя не почувствовать в точной (вплоть до минуты) фикса-

ции окончания работы – особого авторского удовлетворения сделанным» [15]¹. К подобному выделению Пушкин прибегал чрезвычайно редко.

Чтобы понять смысл сказки, попробуем обратиться к одному, может быть, самому важному источнику сказки, который почему-то оказался вне внимания исследователей, хотя за ним не было надобности отправляться далеко. Достаточно открыть пушкинские записи канвы михайловских сказок. Из записи под вторым номером приведем начало: «Некоторый царь ехал на войну, он оставил жену свою беременную. Едучи домой, дорогою захотелось ему пить – видит он пролубь, и в пролубе плавают золотой ковшик, – но хочет он испить воды, кто-то его хватя за бороду и не выпускает. Царь взмолился – нет. “Подари мне, чего ты не знаешь”. Задумался бедный царь: “Как, чего я не знаю? Я всё знаю. Ну, так и быть, дарю”. Приезжает домой, к нему выносят молодого Ивана царевича, без него родившегося. Царь догадался, что-его-то он и подарил, и весьма опечалился» [7, с. 408]. (В подстроенную ловушку попадает и поп в «Сказке о попе и о работнике его Балде», хотя в михайловской записи попадья даже остерегает его: «Каков будет *цёлк*» [7, с. 410]). (Размышлявшие над «Сказкой о золотом петушке» здесь что-то знакомое увидели, не правда ли?)

Ситуация в записи народной сказки поэтом развернута в диалог, причем не на равных: царь, хоть и самонадеян, не владеет полной информацией (запаметовал, что жена беременна), а его оппонент знает свежую новость, играет без промаха, здесь он – провокатор. Только задним числом, после прочтения, при обдумывании ситуации (и то – не сразу) в сказке о петушке становится очевидным, что и благодетель-звездочет не добряк, а тоже провокатор (он-то, в отличие от обыкновенных смертных, умеет заглядывать в будущее). И чудодейственный петушок устроен с запасом чуткости:

Но лишь чуть со стороны

Ожидать тебе войны,

Иль набега силы бранной,

Иль другой беды незваной [8, с. 359] –

петушок вмиг прореагирует. Царю Дадону первой способности вестника достаточно, на остальное он и внимания не обращает. А какая «опасность» или «беда» в визите (не во вторжении с войском) Шамаханской царицы? И Дадон расплатиться готов не скупой (мне только стык альтернатив показался странным: «Хоть коня с конюшни царской, / Хоть полцарства моего»). Литературе известна и такая ситуация, когда альтернативы действительно уравниваются. Но здесь не имеется в виду особая ситуация. Метафорическое мышление Дадону и вовсе недоступно. А ведь обещано было исполнить, как свою, первую волю хозяина петушка. Так ведь и исполнил бы, если бы эта воля соответствовала его, царскому, разумению. А у звездочета оказались свои виды на царицу. Видимо,

и у волшебства есть границы возможностей: вот и владение царицей потребовало условия не завоевания, а дарения. Но звездочету не хватило умения определить меру вздорности царя (да и усмотреть свою преждевременную кончину).

Не будем вникать в подробности обрисовки конфликта в «Сказке о золотом петушке». Подчеркнем его универсальность. Любое решение, устремленное в будущее, всякий человек неизбежно принимает по неполным данным; оно опирается на его волю. Но встретятся обстоятельства, способствующие или препятствующие достижению поставленной цели; что выпадет на долю человека в результате – определить невозможно. Пушкин размышлял об этом и как публицист: «Не говорите: *иначе нельзя было быть*. Коли было бы это правда, то историк был бы астроном <=звездочет!> и события жизни человечества были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные. Но провидение не алгебра. Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть *случая* – мощного, мгновенного орудия провидения» [10].

Решение, устремленное в неясное будущее, **всегда** принимается по неполным данным. Это ли не откровение? Да еще такое универсальное. Правильно, в котором нет исключений. Оно и не воспринимается в таком значении именно в силу своей обиходности. Но не в том ли и состоит мудрость художника, что он в обыкновенном прозревает непривычное?

А теперь от Пушкина-творца переместим внимание к Пушкину-человеку. На рубеже «полудня» жизни, т. е. тридцатилетия, он задумал серьезно переменить образ жизни.

Своеобразная исповедь проникла в письмо Кривцову 10 февраля 1831 года, за неделю до свадьбы: «Всё, что бы ты мог сказать мне в пользу холостой жизни и противу женитьбы, всё уже мною передумано. Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого. Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе как обыкновенно живут. Счастья мне не было. <Далее – французская фраза: «Счастье можно найти лишь на проторенных дорогах». – Ю. Н.>. Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся – я поступаю как люди и, вероятно, не буду в том раскаиваться. К тому же я женюсь без упоения, без ребяческого очарования» [12, с. 264].

Это письмо – итог долгих раздумий; здесь на первый план и выдвинут рациональный аспект. Но поступая «как люди», Пушкин идет непроторенным путем. Выбор невесты ничуть не рационален: поэт встретил юную красавицу – и возобладали эмоции. Влюбленность просто случилась, примем это как факт. На ту пору любовь и женитьба соче-

¹ Но с этим ценным наблюдением С. А. Фомичева никак не вяжется его слабое, проблематичное заключение:

«Скорее всего, концовка произведения Пушкина – не более чем шутка поэта, подобная заключительной октаве его поэмы “Домик в Коломне”» [15, с. 122]. Много более!

тались в бесконечном количестве вариантов. Пушкин любил свою невесту-жену с такой страстью, которая превосходит все его прежние увлечения. Что в ответ дарила его избранница? Не сохранились ответные письма Натальи Николаевны; без них решительную оценку дать затруднительно.

Пушкин за месяц до помолвки написал матери невесты: «Только привычка и длительная близость могли бы помочь мне заслужить расположение вашей дочери; я могу надеяться возбудить со временем ее привязанность, но ничем не могу ей понравиться; если она согласится отдать мне свою руку, я увижу в этом лишь доказательство спокойного безразличия ее сердца. Но будучи всегда окружена восхищением, поклонением, соблазнами, надолго ли сохранит она это спокойствие? Ей станут говорить, что лишь несчастная судьба помешала ей заключить другой, более равный, более блестящий, более достойный ее союз; – может быть, эти мнения и будут искренни, но уж ей они безусловно покажутся таковыми. Не возникнут ли у нее сожаления? Не будет ли она тогда смотреть на меня как на помеху, как на коварного похитителя? Не почувствует ли она ко мне отвращения? Бог мне свидетель, что я готов умереть за нее; но умереть для того, чтобы оставить ее блестящей вдовой, вольной на другой день выбрать себе нового мужа, – эта мысль для меня – ад» (5 апреля 1830 года; подлинник по-французски) [12, с. 634]. Анна Ахматова оценила эту ситуацию таким образом: «Автор словно подсказывает судьбе, как спасти его, поясняя, что нет безвыходных положений и пусть будет счастье, когда его не может быть, вот как у него самого, когда он задумал жениться на 17-летней красавице, которая его не любит и едва ли полюбит» [3].

На себя поэт берет серьезные обязательства: «Я не потерплю ни за что на свете, чтобы жена моя испытывала лишения, чтобы она не бывала там, где она призвана блистать, развлекаться. Она вправе этого требовать. Чтобы угодить ей, я согласен принести в жертву свои вкусы, всё, чем я увлекался в жизни, мое вольное, полное случайностей существование. И всё же не станет ли она роптать, если положение ее в свете не будет столь блестящим, как она заслуживает и как я того хотел бы?» [там же, с. 634–635].

Вроде бы поэт готов довольствоваться «спокойным безразличием» сердца избранницы – в стихах планка надежды поднята много выше: «И может быть – на мой закат печальный / Блеснет любовь улыбкою прощальной» [7, с. 169].

В альбомной записи «Ек. Н. Ушаковой» (еще до встречи с будущей невестой и женой) вспоминается детское заклинание, прогонявшее бесов, – и применяется по неожиданному адресу:

Когда я вижу пред собой
Твой профиль, и глаза, и кудри золотые,
Когда я слышу голос твой
И речи резвые, живые,
Я очарован, я горю
И содрогаюсь пред тобою
И сердца пылкого мечтою
«Аминь, аминь, рассыпся» говорю.

Почему же заклинанием нужно прогонять не наваждение, а живое, искреннее очарование? Его более чем достаточно для любовной игры, но (не поясняется – почему) чего-то не хватает, чтобы чувство пошло в рост. Тогда поэт становится ответственным за свое поведение и считает за благо отступить. Чувство к Наталье Николаевне подобно наваждению, но Пушкин его не прогоняет, ему подчиняется.

Надобно уточнить, что неизбежные решения люди принимают с различной степенью уверенности. Бывает, что и обстоятельства не оставляют возможности для выбора. Бывает, что встречаются благоприятные условия для оптимального решения, тут колебания не нужны. Варианты неисчислимы.

Задуманный друг Пушкина Павел Войнович Нащокин дважды женился авантюрно, браки распались. С третьей невестой, Верой Александровной Нарской, Нащокин познакомил Пушкина. Девушка оробела перед знаменитым поэтом, но быстро была покорена его простотой и дружелюбием. По ее воспоминаниям, «когда он уходил, мой жених, с улыбкой кивая на меня, спросил его:

– Ну что, позволяешь на ней жениться?

– Не позволяю, а приказываю! – ответил Пушкин» [2, с. 237].

Этот брак для Нащокиных действительно был счастливым.

Такой ясности не было, когда Пушкин принимал собственное решение. Он уезжал в Болдино для вступления во владение имением, подаренным отцом, после серьезной ссоры с будущей тещей; нависала угроза расторжения помолвки. Пушкин предоставил невесте свободу выбора, а о себе написал: «что же касается меня, то заверяю вас честным словом, что буду принадлежать только вам, или никогда не женюсь» [12, с. 644]. Помолвка не расторглась. Подобное заверение высказывалось и позже.

Перед отъездом в Болдино-30 Пушкин писал Плетневу 31 августа: «Еду в деревню, бог весть, буду ли там иметь время заниматься и душевное спокойствие, без которого ничего не произведешь, кроме эпиграмм на Каченовского» [12, с. 238]. Желанного спокойствия поэт все три месяца болдинского заточения не имел – и все-таки сумел остаться хозяином положения. Обещал Плетневу наготовить «всячины, и прозы, и стихов» – и с размахом выполнил обещание. Перед издателем-другом был откровенен: «Ты не можешь вообразить, как весело удрать от невесты, да и засесть стихи писать. Жена не то, что невеста. Куда! Жена свой брат. При ней пиши сколько хошь. А невеста пуще цензора Щеглова, язык и руки связывает...» [12, с. 240]. Наверное, не в полную меру осуществилась надежда Пушкина, но главное – в ту пору надежда в душе поэта была! И творческий результат потрясающий.

Плетнев получил и такое сообщение: «Я женат – и счастлив; одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не переменилось – лучшего не жду» [12, с. 265]. И три года Пушкин был счастлив (мелкие неприятности не в счет, а крупная потеря, смерть Дельвига, случилась ранее). Год 1833

С. Л. Абрамович назвала «последним счастливым» для Пушкина «годом» [1]. Но посреди счастливого года написано (при жизни Пушкина не печаталось) стихотворение пронзительное, пророческое – с восклицанием «Не дай мне бог сойти с ума». И у счастливого человека вырывается такое катастрофическое предчувствие?! Который раз муза поэта упреждающим образом проигрывает доопытную ситуацию. Разумеется, стихи не надо понимать слишком буквально. Духовное и физическое здоровье поэта было крепким, и клиническое осуществление пророчества ему не грозило. Но ситуацию, в которой силы человека изнемогают, когда здравый ум не способен найти выход из нелепого положения, сердце-вещун угадывало.

Складывавшиеся семейные отношения омрачала репутация любителя любовных приключений, которую поэт сам когда-то поддерживал музой своей. Пушкин понимал это и писал матери будущей невесты еще перед помолвкой: «Заблуждения моей ранней молодости представились моему воображению; они были слишком тяжки и сами по себе, а клевета их еще усилила; молва о них, к несчастью, широко распространилась» (подлинник по-французски) [12, с. 634]. Такой хвост – и одним махом – нельзя отрубить. Ничего не поделаешь: жизнь сурова; за полученные удовольствия надобно платить, иногда и непомерную цену.

Со стороны молодой жены свои трудности. Жена Пушкина – незаурядная красавица и (редкая щедрость природы) духовно богатый человек. Ее появление в свете вызывает всеобщий интерес. Мужу это приятно – и беспокоит: «Грех тебе меня подозревать в неверности к тебе и в разборчивости к женам друзей моих. Я только завидую тем из них, у кого супруги не красавицы, не ангелы прелести, не мадонны etc., etc. Знаешь русскую песню –

Не дай бог хорошей жены,

Хорошу жену часто в пир зовут.

А бедному-то мужу во чужом пиру похмелье, да и в своем тошнит» (не позже 30 сентября 1832 года) [12, с. 326].

Но и при том Пушкин изначально и до конца готов способствовать успехам жены. Он убежден, что роковую черту жена не перейдет, «во всё тяжкое» не пустится. Но есть и зона риска, она опасна.

Пушкин (он ли не чуток к слову!) не ищет разнообразия понятий, а оперирует различными формами одного и того же слова – и возникают разные эмоциональные знаки, и плюсы, и минусы. Он разрешает жене кокетничать – но боится, что она искокетничается, разрешает гулять – и просит не загуливать. Количество переходит в новое качество!

А в чем опасность зоны риска, Пушкин для жены поясняет, пересказывая фабулу басни А. Измайлова: «Фома накормил Кузьму икрой и селедкой. Кузьма стал просить пить, а Фома не дал. Кузьма и прибил Фому как каналью. Из этого поэт выводит следующее нравоучение: красавицы! не кормите селедкой, если не хотите пить давать; не можете наскочить на Кузьму» [12, с. 353].

Нарастание и объема, и остроты пушкинских внушений жене может восприниматься как преддверие конфликтных отношений. Главное, что конфликту предвосхищению препятствовало перерасти в конфликт, – это безусловное доверие супругов друг другу. Факты кокетства жены Пушкин получает не из доносов со стороны, а из ее чистосердечных писем. Пушкин уже сердится, но еще легко прощает.

Обвал произошел в канун 1834 года. Царь пожаловал Пушкина в камер-юнкеры. Из рассказа Л. С. Пушкина (в записи Я. П. Полонского): «Брат мой... впервые услышал о своем камер-юнкерстве на бале у графа Алексея Федоровича Орлова. Это взбесило его до такой степени, что друзья его должны были отвести его в кабинет графа и там всячески успокаивать. Не нахожу удобным повторить здесь всего того, что говорил, с пеной у рта, разгневанный поэт, по поводу его назначения» [2]. Поэт открывает свой дневник 1834 года такой записью: «1 января. Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничкове» [11]. У Пушкина встретим и сдержанные отзывы о его назначении, но все равно нельзя о камер-юнкерстве поэта судить с чужой стороны, нельзя жест царя воспринимать как благодеяние. Тут надо стоять на стороне Пушкина, а ему камер-юнкерство доставило массу больших и малых неприятностей. Само приближение поэта ко двору, произошедшее не по его воле, серьезно осложнило и омрачило последние годы его жизни.

Год 1834 выдался протяженным на разлуку с женой. Обычно Пушкин уезжал из дома, тут произошла единственная рокировка: Пушкин оставался в столице, издавая «Историю Пугачева» («Историю Пугачевского бунта») и закладывая болдинское имение, которым на ту пору управлял, а Наталья Николаевна в апреле уехала в Москву, потом навестила мать в Яропольце, лето провела в Полотняном заводе. Пушкин приехал к жене в августе, на сентябрь уехал в Болдино.

В самом начале этого цикла переписки произошел инцидент, буквально взбесивший Пушкина. Его письмо от 20 и 22 апреля 1834 года, где рассказывалось об отношении поэта к трем царям (и где было признание, что поэт не намеревался участвовать в пасхальных празднествах и поздравлении наследника, репортуясь больным), скопировала московская полиция и представила Николаю I; Пушкин узнал об этом через Жуковского. Негодование по этому поводу становится сквозной темой пушкинских писем этого цикла. Только немногое. «Мысль, что кто-нибудь нас с тобой подслушивает, приводит меня в бешенство à la lettre <буквально>. Без политической свободы жить очень даже можно; без семейственной неприкосновенности (inviolabilite de la famille) невозможно: каторга не в пример лучше. Это писано не для тебя...» (3 июня) [12, с. 379]. «Пожалуйста, не требуй от меня нежных, любовных писем. Мысль, что мои распечатываются и прочитываются на почте, в полиции и так далее – охлаждает меня, и я поневоле сух и

скучен» (30 июня) [12, с. 387]. Повод для сдержанности очень основательный, но нет ли для него внутреннего повода?

Здесь по примеру пушкинского повествования в «Евгении Онегине», включающего остановку сюжетного рассказа и переход к размышлениям на ассоциативные и свободные темы («лирические отступления»), хочется прибегнуть к некоторой аналогии и отвлечься на панегирик в честь нашего языка, великого, могучего, правдивого и свободного, по определению Тургенева.

Огромное слово «ЛЮБОВЬ» охватывает весь диапазон отношений, включая физическую и духовную близость. Счастье, когда любовь взаимна. Бывает и неразделенной. Жизнь пестра, встречается всякое. Складываются и отношения односторонние, на основе либо только духовной, либо только физической симпатии. И вот замечательное: наш **богатейший** язык **не захотел** принимать в свой обиход слово, означающее исключительно физическую близость.

Тут надо иметь в виду литературный язык. Язык разговорный, с бравадой цинизма, имеет полный набор прямых обозначений предметов и действий интимного свойства. Но когда интимное, да еще со злорадством, выволакивается на показ, оно показывает себя непристойным. И языку придает определенный шарм. Поэтому в обиходе такой словесный набор чаще предстает не в прямом значении, а в качестве метафор и вводных слов.

А если происходит падение нравов и ореол тайны тускнеет? Вот оценка французского общества в XVII веке, которую дал Пушкин в неоконченном романе «Арап Петра Великого»: «По свидетельству всех исторических записок, ничто не могло сравниться с вольным легкомыслием, безумством и роскошью французов того времени. Последние годы царствования Людовика XIV, ознаменованные строгой набожностью двора, важностью и приличием, не оставили никаких следов. Герцог Орлеанский, соединяя многие блестящие качества с пороками всякого рода, к несчастью, не имел ни тени лицемерия. Оргии Пале-Рояля не были тайною для Парижа; пример был заразителен. На ту пору явился Law; алчность к деньгам соединилась с жаждою наслаждений и рассеянности; имения исчезали; нравственность гибла; французы смеялись и рассчитывали, и государство распадалось под игристые припевы сатирических водевилей» [9].

Французская литература не пропустила случившиеся веяния. Герой такого образа жизни получил название «либертен», образ жизни – «либертинаж». В русской литературе XVIII века появлялись переводы таких произведений, но подражаний не вызвали. В оригинальной литературе сложилась определенная традиция иронично изображать молодых русских людей, побывавших за рубежом и пленившихся только внешним лоском чужих нравов.

Нынешние СМИ перестроились, охотнее всего обсуждают, кто выглядит сексуальнее на гламурных тусовках (вот когда втиснули в наш язык омоним английской шестерки). И литературоведение

получило импульс на пересмотр классики под новым углом зрения. У И. Немировского скопилось изрядное количество статей о Пушкине. Он решил собрать их в книгу, дело житейское. Но статьи получили новое обозначение – главы, книга предстала не как сборник статей, а как монография, как будто жанровое переименование статей добавило ей цельности. Книге дано наименование «Пушкин – либертен и пророк: Опыт реконструкции публичной биографии» [6]. Поэт припечатан входящим в моду старым-новым термином, что по адресу человека, жизнь отдавшего защищая семейную честь, просто кощунственно.

Был ли Пушкин либертеном? Был. Но только три послелицейских столичных года. Стыдился утех молодости много больше, чем три года. При том, что он («француз» по лицейской кличке) и в молодости этим словом не пользовался. Нам тоже пользоваться не с руки.

Теперь к пушкинской ситуации подойдем, с другой стороны. В 1995 году в Италии была издана книга исследовательницы и переводчицы русской литературы Серены Витале «Пуговица Пушкина»; опора книги – письма Дантеса Геккерену и будущей жене. Публикация писем имела резонанс в России, была издана здесь в журнальном и в книжном, в сокращенном и в полном варианте, а главное – нашла восторженного пропагандиста. В. С. Баевский в свою итоговую книгу «Пушкинско-пастернаковская культурная парадигма» включил особую главу «Новые документы о жизни и смерти Пушкина: Опыт анализа».

Отношения Натальи Николаевны и Дантеса здесь представлены упрощенно: они молоды, она красавица, он красавец. Бывает, что люди (и литературные герои) влюбляются с первого взгляда. Но влюбленность и любовь не одно и то же. Этому высокому слову нет места там, где нет духовности.

В признаниях Дантеса исследователь слышит голос подлинной страсти. Между тем сам утверждает в следующей главе (и повторяет позже): «Французский язык в совершенстве разработан, удобен для выражения всех оттенков мыслей и чувств. Благодаря наличию готовых формул на все случаи жизни, он **позволяет скрывать отсутствие подлинных чувств** и оригинальных мыслей» [4, с. 100–101]. К слову, когда Пушкин в молодости, будучи убежденным холостяком, сам платил дань подобным отношениям, он на неразработанном (зато разрабатываемом) литературном русском необъятно широкому слову «любовь» находил точный для данной ситуации синоним «сладострастие». В приводимых цитатах виден только похотливый самец. На что он сетует? Только на то, что не может видеть свою пессию наедине.

Человека характеризует то, как он себя понимает, еще отчетливее его выявляет то, что он делает. Тут интересной будет параллель. Лермонтовский Печорин показан любящим прятаться за софизмы. Чтобы в чем-нибудь убедить женщин, считает он, «надо их довести до того, чтоб они убедили себя сами»; «чтобы выучиться их диалектике,

надо опрокинуть в уме своем все школьные правила логики». Сопоставляется «способ обыкновенный»: «Этот человек любит меня; но я замужем: следовательно, не должна его любить». И «способ женский»: «Я не должна его любить, ибо я замужем; но он меня любит, – следовательно...»

Интересно: в какой логике рассуждает сам Печорин? Надо бы так: я люблю Веру, но она (ради сына) замужем; следовательно, я должен отступить, храня ее покой. Но он рассуждает иначе: она меня любит, хоть и замужем, и я ее люблю; следовательно, она должна принадлежать мне, невзирая ни на что. Но настойчивость привела к катастрофе.

У Дантеса единственное письмо (третье) содержит какие-то человеческие подвижки – понимание и признание сдержанности партнерши. Но какова этому цена? Промелькнуло нечто духовное и тут же исчезло, опять пошли домогательства.

В. С. Баевский не заметил кошунства своего размышления: «Грустно думать, что со смертью Пушкина всем, кто так или иначе был причастен к его смерти, стало лучше» [4, с. 84]. Ну правильно: от гениев только смута да помехи жить легко и весело. И нечего грустить о Пушкине, поскольку к сонму «всех», кому стало лучше, надобно причислить и страдальца-поэта.

...И вот Пушкин снова в Болдине. «В деревне встретил меня первый снег, и теперь двор перед моим окошком белешенек: <далее по-французски: «это очень любезно с его стороны»>, однако я еще писать не принимался...» а намерения понятны: «Написать что-нибудь мне бы очень хотелось» (жене, 15 и 17 сентября) [12, с. 400]. «Что-нибудь» не получилось. Время уходило на обдумывание жизненной ситуации.

Наверное, именно потому, что он был за тем же столом (и в той же постели), где ему – невзирая на любые неприятности – так славно работалось, острее сопоставлялось то, что было, и то, что, проясняясь, стало. Изменения, увы, склонялись не к лучшему. Летом 1834 года Пушкин увидел, что в колебаниях между мужем и сестрами Наталье Николаевне ближе позиция сестер.

Сравним. Из Болдина-33 поэт предупреждал жену: «ты знаешь, как я не люблю всё, что пахнет московской барышнею, всё, что не *comme il faut*, всё, что *vulgar*... Если при моем возвращении я найду, что твой милый, простой, аристократический тон изменился, разведусь; вот те Христос, и пойду в солдаты с горя» (30 октября 1833 года) [12, с. 353–354]. А тут пришлось выговаривать жене сначала за намерение, а потом и за поездку с сестрами в Калугу: «Что тебе смотреть на нее?» «Это тебя сестры баламутят...» (11 июня) [12, с. 382]. Что в итоге? «Описание вашего путешествия в Калугу, как ни смешно, для меня вовсе не забавно. Что за охота таскаться в скверный уездный городишко, чтоб видеть скверных актеров, скверно играющих старую, скверную оперу? Что за охота останавливаться в трактире, ходить в гости к купеческим дочерям, смотреть с чернию губернский фейворок...» (3 августа). [X, 396]. Тут уж пахло даже не московской, а вовсе провинциальной барышней. А

Пушкин в том же письме (!) и сердится, но совсем чуть-чуть: «Просил я тебя по Калугам не разъезжать, да, видно, уж у тебя такая натура» [12, с. 396]. Но таков фон, а жена всюду хороша: «Что-то Калуга? Вот тут поцарствуешь! Впрочем, женка, я тебя за то не браню. Всё это в порядке вещей; будь молода, потому что ты молода – и царствуй, потому что ты прекрасна» (14 июля) [12, с. 393–394].

Неожиданное: ситуация деградирует, а реакция поэта становится даже снисходительнее.

А жене захотелось помочь сестрам в устройении их жизней, она задумывает взять их в Петербург. Пушкина — это известие огорчает: «Охота тебе думать о помещении сестер во дворец. Во-первых, вероятно, откажут; а во-вторых, коли и возьмут, то подумай, что за скверные толки пойдут по свинскому Петербургу. Ты слишком хороша, мой ангел, чтоб пускаться в просительницы. Погоди; овдовеешь, постареешь – тогда, пожалуй, будь салопницей и титулярной советницей. Мой совет тебе и сестрам быть подале от двора; в нем толку мало. ... Но вы, бабы, не понимаете счастья независимости и готовы закабалить себя навеки...» (11 июня) [12, с. 383]. И еще Пушкин иронизирует над намерением жены: «Ты пишешь мне, что думаешь выдать Катерину Николаевну за Хлюстина, а Александру Николаевну за Урби: ничему не бывать; оба влюбятся в тебя; ты мешаешь сестрам...» (не позднее 27 июня) [12, с. 385]. Предельно отчетливо обозначает Пушкин свою позицию 14 июля: «эй, женка! смотри... Мое мнение: семья должна быть *одна* под *одной* кровлей: муж, жена, дети – покамест малы; родители, когда уже престарелы. А то хлопот не наберешься и семейственного спокойствия не будет» [12, с. 394]. Пушкин проницателен. Наталья Николаевна его не послушалась. А в том же письме поэт оставляет решение за женой: «Если ты в самом деле вздумала сестер своих сюда привезти, то у Оливье оставаться нам невозможно: места нет» [12, с. 394]. Мало того, он до своего отъезда к жене организовал и переезд в новое жилье.

Какой «печалью» это покровительство обернулось для Пушкина?

Тем же летом поэт не только обдумывал, но и предпринял демарш с выходом в отставку. Царь отставку принял, но с запретом работы в архивах. Поэт прошение об отставке отозвал.

Считается, что отступной поступок Пушкина вызван угрозой отлучения от архивов. Что и говорить, архивы для художника – важный источник вдохновения. Но цензурная история с «Борисом Годуновым», но запрет на печатание «Медного всадника» – не отчетливые ли это знаки для поэта, что его архивные изыскания пройдут впустую? (Когда много лет спустя возник вопрос о напечатании собранных Пушкиным материалов к Истории Петра, царь дал разрешение печатать только при условии целого ряда сокращений). Пушкину в деревне и без архивов было бы о чем писать. Чем бы занималась Наталья Николаевна? Поэт намекал: «Ты молода, но ты уже мать семейства, и я уверен, что тебе не труднее будет исполнить долг доброй матери, как исполняешь ты долг честной и доброй жены» (29

мая) [12, с. 378]. Альтернатива – блистание на балах высшей пробы. Так что сообщая жене о том, что отзывает прошение об отставке, поэт замечает: «А ты и рада, не так?» (14 июня) [12, с. 393]. Еще бы ей не радоваться!

А Пушкин добродушно подсмеивается над женским предназначением: «Какие же вы помощницы и работницы? Вы работаете только ножками на балах и помогаете мужьям мотать. И за то спасибо» (около 26 июля) [12, с. 395].

Но на этот раз он не удержался и от прямого упрека жене: «Хорошо, коли проживу я лет еще 25; а коли свернусь прежде десяти <жить ему оставалось два с половиной года>, так не знаю, что ты будешь делать и что скажет Машка, а в особенности Сашка. Утешенья мало им будет в том, что их папеньку схоронили как шута и что их маменька ужас как мила была на аничковских балах» (около 14 июля) [12, с. 393]. А все-таки устойчивее лейтмотив. Поэт в трудах и заботах? «Для тебя, женка; чтоб ты была спокойна и блистала себе на здоровье, как прилично в твои лета и с твоею красотой» (6 ноября 1833 года) [12, с. 335].

Пушкин никогда не говорил, что не ушел в отставку ради жены, но он сделал это, потому что обещал сделать ее жизнь достойной ее молодости и красоты. И в этот раз писал ей: «Никогда не думал я упрекать тебя в своей зависимости. Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив; но я не должен был вступать в службу и, что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами» (8 июня) [12, с. 381]. Все-таки тут налицо противоречие интересов: поэт мечтает о деревенском уединении, а для жены это нож острый.

Можно не исключать настроенческих мыслей такого типа, что вырвалась в «премеланхолическом» письме Плетневу в канун Болдина-30 («Черт догадал меня бредить о счастье»); решительную победу всегда одерживало твердое решение.

В Болдине-34 на этот раз Пушкин не засиделся. Жене написаны только два письма – 15 (с припиской 17-го) и в двадцатых числах (не позднее 25) сентября. В обоих констатации: «Писать я еще не принимался» [12, с. 400]; «Скучно, мой ангел. И стихи в голову нейдут...» [12, с. 401]. На белой рукописи «Сказки о золотом петушке» поставлена дата 20 сентября. Когда написан черновик, неизвестно. Во втором письме явное лукавство: «стихи в голову нейдут» – а сказочка в стихах готова. Почему это от жены утаил? Секрет поэта... А, может, потому, что это и об отношениях с ней, но она не поймет, как не поняла год назад, когда не приняла в свой адрес мораль басенки Измайлова; но за благо вообще не привлекать к сказке ее внимания. А этот «урок» адресован добрым молодцам, а не красным девицам. Личное здесь ничуть не выпирает, напротив, хорошо упрятано, и не от жены только, а и от занудливых читателей.

В Болдине-30 среди прочего были написаны «Повести Белкина». Их автобиографический подтекст хорошо почувствовала Анна Ахматова. Пяти повестям свойственны своеобразные хеппи-энды –

уву, только для главных героев на фоне жутковатом (у Дуни счастливо сложилась жизнь – каково-то пришлось доживать одинокому отцу; Марью Гавриловну повенчали с незнакомцем, а совсем в другом поселении на нашем немереном пространстве она повстречала человека, которого полюбила, а он оказался ее мужем – вот жениху пришлось поискать почетной смерти на поле знаменитого сражения). «Игрушечные развязки» повестей Ахматова объясняет тем, что Пушкин подходит «к вопросу о счастье при самых невероятных неблагоприятных обстоятельствах, когда уже ни на что ни рассчитывать, ни надеяться нельзя...»

Счастливые концы вовсе не характерны для прозы Пушкина. ...дело вовсе не в прозе, а в том, как глубоко Пушкин запрятал свое томление по счастью, свое своеобразное заклинание судьбы, и в этом кроется мысль: так люди не найдут, не будут обсуждать, что невыносимо (см. «Ответ анониму»). Спрятать в ящик с двойным, нет, с тройным дном: 1) А. П. 2) Белкин. 3) Один из повествователей. Так вернее» [3].

И в сказке о петушке много личного, но тут сходство с различием – рука об руку: личное запрятано еще глубже. Сам жанр не претендует на жизненность: «Сказка – ложь...» Идейная основа – и та почерпнута в фольклоре. А принять во внимание личные обстоятельства – видно, что сказка писана едва ли не в первую очередь для себя.

Судя по письмам, настроение у поэта спокойное. Жену повидал, а без нее уже опять скучно. Есть деловые заботы, но они не изматывающие.

Обратим внимание: сказки часто (не исключая пушкинские) в финале задают пир на весь мир. Тут необычная концовка, но дело еще в том, что сюжет предельно драматичен. Некому пир устраивать: царство, похоже, осталось без наследников! Да и многие ли семьи обошлись без горя: ведь две рати погибли, да как аккуратно. Братья-предводители, допустим, устроили поединок как соперники. Но ратникам из-за чего стараться – а все убиты, ни одного раненого или сбежавшего (не из трусости – из нелепости убивать своих же, среди которых и родные могут повстречаться).

А рассказ ведется бодрым тоном, с отчетливой ироничностью! Кого тут жалеть? Дадона, кому сладко царствовать, лежа на боку? Или звездочета с его непонятными, но как-то просчитанными провокационными замыслами?

А вместе с тем добрым молодцам урок. А им мало усмехнуться над незадачливыми персонажами. А перед каждым очень серьезные проблемы, которые во многом приходится решать наугад. И надо быть готовыми встретить неожиданные неприятности.

Для самого себя Пушкин не извлекал урока. Продолжим выписку из письма Кривцову накануне свадьбы: «Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчеты. Всякая радость будет мне неожиданностью» [12, с. 264]. Свою проблему он решил раз – и до конца. Он определил, в чем может найти счастье – и получил его. Горести

поэта не удивили. Нельзя сказать, что он не чувствовал ударов жизни, но они не могли убить его любовь. Он стал сдержаннее выражать свои чувства, но не перестал их питать. По-видимому, Болдино-34 можно считать рубежом, на котором в семейной жизни Пушкина горести перевесили радости. Это личное тайное признание запечатано в «Сказке о золотом петушке». И надо отказаться от представления о третьей болдинской осени как о творчески бесплодной. «А все об вас думаю» [X, 401], – написал он жене не позднее 25 сентября 1834 года. Многие из этих раздумий сказано прямым словом, кое-что добавлено языком художественным. Художественным языком можно спокойно показать и такие ситуации, которые прямым словом обнажают только в случае разрыва отношений. Емкий художественный текст допускает варианты прочтения, включая даже такие, которые в качестве вариантов реализации исключаются. За «ложью» изображения просвечивает горькая правда жизни, которую нельзя выразить прямым словом. Поэт видит, что его погоня за счастьем заводит в тупик. Исправить ситуацию он не в силах. Он сохраняет спокойствие и мужество. И усмехается над персонажем, которому показалось, что можно легко и просто устроить безмятежную жизнь.

Какую компенсацию получил поэт за свою поддержку? Вопросы могут возникать любые. Но Пушкин решительно отстаивал право на семейственную неприкосновенность, и надо смиренно умолкнуть, когда наши размышления выходят на семейную тайну.

Какова дистанция между Счастьем и Несчастьем? Она тем больше, чем выше оценивается то и другое. Без эмоций тут не обойтись. Но Пушкин давно и устойчиво взял на вооружение стоическую пословицу: не радуйся нашед, не плачь потеряв.

В том же ключе Пушкин требует определить, способен ли человек противостоять несчастью. Когда такой возможности нет, надобно смириться. Без учета такой позиции воспринимается непонятно холодным отклик поэта на – увы – очередное известие о смерти у Вяземских малолетнего сына: «Судьба не перестает с тобою проказить. Не сердись на нее, не ведаешь бо, что творит. Представь, ее огромной обезьяной, которой дана полная воля. Кто посадит ее на цепь? Не ты, не я, никто. Делать нечего, так и говорить нечего» (П. А. Вяземскому, май 1826 года) [12, с. 160]. Пушкин надеялся на мягкий приговор по делу декабристов. Но пятеро были отправлены на виселицу. Поэт переносит надежду на коронацию; можно поправить то, что поправимо: «повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна» (П. А. Вяземскому, 14 августа 1826 года) [X, 164].

На препятствия всякого рода жизнь таровата. Пушкин стремится выстраивать семейные отношения по высшим критериям морали. В свете двойная мораль: «Он не карает заблуждений, / Но тайны требует для них» [III, 136]. Или так: кому «позор», кому «соблазнительная честь».

Отнюдь не просто было выполнять даже твердо принятые решения; требовалась незаурядная сила воли. К тому же темперамента Пушкину не приходилось занимать. Надо было иметь способности, чтобы в ответ на пожалование царя говорить с пеной у рта такие слова, которые брат посчитал невозможным повторить для печати.

Не буду касаться дуэльной истории Пушкина: не этично мельком затрагивать трагическую страницу биографии поэта; к тому же я не располагаю «новыми документами», поясняющими ее. Сведения, исходящие от самого Пушкина, скудные. Жуковский, Вяземский, Соллогуб знали много, но сказали только то, что поддерживало версию поэта. Я хочу лишь представить выборку сказанного Пушкиным жене из книги «Разговоры Пушкина»: здесь собраны высказывания поэта из воспоминаний разных лиц [13].

Ни слова упрека (даже косвенного) не адресованы жене. «Первые слова его жене... были следующие: “Как я счастлив! Я еще жив, и ты возле меня! Будь покойна! Ты не виновата: я знаю, что ты не виновата...”» (с. 272). Еще было сказано жене: «Не упрекай себя моей смертью; это дело, которое касалось одного меня» (с. 282). Это – последовательная линия поведения поэта: всю тяжесть ответственности возлагать на себя. Он думал о жене даже среди своих невыносимых мук. Свидетельствует В. И. Даль: «Когда тоска и боль его одолевали, он крепился усильно и на слова мои: “Терпеть надо, любезный друг, делать нечего, не стыдись боли своей, стонай, тебе будет легче” – отвечал отрывисто: “Нет, не надо стонать: жена услышит; и смешно же, чтобы этот вздор меня пересилил, не хочу”» (с. 286). Последнее его напутствие ей: «Отправляйся в деревню, носи траур по мне в течение двух лет, потом выйди замуж, но только не за шалопая» (с. 288).

Вот и сравним. С одной стороны – цветы красноречия на отточенном литературном французском; широким по значению словом «любовь» здесь прикрывается очень узкое физиологическое наполнение, которое гораздо точнее именуется «похоть». У приверженных к такому стилю общения это слово из-за своей экспрессивной эмоциональности в чести, разумеется, быть не может. В современных СМИ нашелся эмоционально нейтральный синоним «секс», потому и пошел в ход.

С другой стороны – действительная любовь, явленная в полном объеме. Она и сердечным словом выражается, но более – делом. Это чувство не для разового употребления, а длинной на всю остальную жизнь. Неприятности не гасят чувство, бесильны даже ослабить его. Человек жизнью заплатил, защищая честь жены и свою честь. Про чувство могучего размаха говорят: больше, чем любовь, или **т а к а я** любовь...

Использованные материалы

1. Абрамович С. Л. Пушкин в 1833 году. Москва: Наука, 1994. С. 8.
2. А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. Москва: «Художественная литература», 1985. С. 57.
3. Ахматова Анна. О Пушкине: Статьи и заметки. 2-е изд. Горький: Волго-Вятское книжное издательство. 1984. С. 171.
4. Баевский В. С. Пушкинско-пастернаковская культурная парадигма. Москва: Языки славянской культуры, 2011. С. 100–101, 84.
5. Кошелев В. А. Царь Дадон и принц датский // Русская литература. 2004. № 2. С. 144.
6. Немировский И. Пушкин – либертен и пророк: Опыт реконструкции публичной биографии. Москва: Новое литературное обозрение, 2018.
7. Пушкин А. С. Полное издание сочинений: В 10 т. 4-е изд. Том III. Ленинград: Наука, 1977. С. 86.
8. Пушкин А. С. То же собрание сочинений. 1978. Том IV. С. 337, 357.
9. Пушкин А. С. То же собрание сочинений. 1978. Том VI. С. 7–8.
10. Пушкин А. С. То же собрание сочинений. 1978. Том VII. С. 100.
11. Пушкин А. С. То же собрание сочинений. 1978. Том VIII. С. 27.
12. Пушкин А. С. То же собрание сочинений. 1979. Том X. (Страницы указаны в тексте).
13. Разговоры Пушкина. Собрали Сергей Гессен и Лев Модзалевский. Ротапринтное воспроизведение изд. 1929 г. – Москва: Политиздат, 1991. (Страницы указаны в тексте).
14. Раскольников Ф. Статьи о русской литературе. Москва: Вагриус, 2002.
15. Фомичев С. А. Миф и словесность: Статьи разных лет. С.-Петербург–Тверь: изд-во Марины Батасовой, 2017. С. 114.
16. Ходасевич Вл. Колеблемый треножник. Избранное. Москва: Советский писатель, 1991. С. 155.

**"KEYS OF SECRETS" BY VALERY BRYUSOV AS AN ESSAYIST RESPONSE TO THE
AESTHETICS OF BALMONT AND WILDE**

Uchakina V.

Postgraduate Dostoevsky Omsk State University

**«КЛЮЧИ ТАИН» ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА КАК ЭССЕИСТИЧЕСКИЙ ОТКЛИК НА ЭСТЕТИКУ
БАЛЬМОНТА И УАЙЛЬДА**

Учакина В.

Аспирант

Омский Государственный Университет им. Ф.М.Достоевского

Abstract

The article is devoted to the essay by Valery Yakovlevich Bryusov "Keys of Secrets". This text is programmatic for the work of Valery Bryusov and the direction of symbolism in Russian literature at the turn of the XIX-XX centuries. In this article, by analyzing the characteristic features of an essay in the text, we consistently prove that Keys of Secrets belongs to the genre of essays, and we also trace the community of ideas of Valery Bryusov with the ideas of his contemporaries: compatriot Konstantin Balmont and foreign author Oscar Wilde, who is the inspiration for Russian writers this period.

Аннотация

Статья посвящена эссе Валерия Яковлевича Брюсова «Ключи тайн». Этот текст является программным для творчества Валерия Брюсова и направления символизма в русской литературе рубежа XIX-XX веков. В данной статье с помощью анализа характерных признаков эссе в тексте мы последовательно доказываем принадлежность «Ключей тайн» к жанру эссе, а также прослеживаем общность идей Валерия Брюсова с идеями его современников: соотечественника Константина Бальмонта и зарубежного автора Оскара Уайльда, который является вдохновителем для русских литераторов данного периода.

Keywords: essay, aesthetics, Russian essay, genre, art, dialogue, Bryusov, Balmont, Wilde, Silver Age

Ключевые слова: эссе, эссеистика, эстетика, русское эссе, жанр, искусство, диалог, Брюсов, Бальмонт, Уайльд, Серебряный век

Русское эссе – это жанр, который особенно плодотворно прижился на почве отечественной литературы на рубеже XIX-XX веков. Необходимость выражения своих мыслей напрямую, без сюжетной обёртки и разбивания одного голоса на голоса персонажей, вышла на первый план – и стала отправной точкой для развития жанра эссе.

Подходящий литературный период – период манифестов и самоопределения направлений совпал с инвективной самовыражения, основным мотивом которой являлись потерянности и потребность в диалоге с собой и другими – всё это позволило эссе не только прижиться в русской традиции, но и расцвести.

Представитель граничных форм русского символизма и создатель образцов русского эссе В. Я. Брюсов оставил обширное наследие теоретических работ. Старший символист В. Я. Брюсов является знаковой фигурой в литературе Серебряного века и, в то же время, граничным – начиная и завершая полемику в русской литературе Серебряного века о сути искусства и назначении художника слова.

Среди многочисленных критических статей и рецензий на отдельные произведения «Ключи тайн» Валерия Брюсова наиболее ярко демонстрируют сближение с жанром эссе.

Е. Л. Сушко о связи Уайльда и отечественных авторов пишет следующее: «Для «старших символистов» (К. Д. Бальмонта, В. Я. Брюсова, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского и др.) был особенно важен образ Уайльда-мистика или христианского писателя и философа, «англо-ирландского Достоевского», а также наследника английских прерафаэлитов» [3, с. 11]

Начнём анализ текстов с работы Валерия Яковлевича Брюсова (1873-1924), который не только относится к старшим символистам, но и является одним из основоположников этого направления в России, его традиционно упоминают в числе тех, кто стоял у истоков русского символизма.

Брюсов был человеком разносторонним и многогранно талантливым, он брался за разные жанры и виды деятельности в литературе – прозу, поэзию, критику, переводы, издательское дело, и везде оставался верен себе и своему стилю. Переводил Брюсов многих великих писателей зарубежья: Артура Рембо, Джорджа Гордона Байрона, Поля Верлена, Эмиля Верхарна, Виктора Гюго, Мориса Метерлинка, Мольера, Эдгара Аллана По, Роберта Льюиса Стивенсона, Уильяма Шекспира и, наконец, Оскара Уайльда. С последним, кстати, у них много общего уже на уровне самоопределения и скромности, например, вот Брюсов пишет о себе в своём дневнике: «Юность моя – юность гения. Я жил и поступал так, что оправдать моё поведение могут только великие деяния». [1, с. 50] Сравнительно с откровением Уайльда, который пишет в «De Profundis»: «Я был символом искусства и культуры своего века. Я понял это на заре своей юности, а потом заставил и свой век понять это». [5, с. 374]

Отношения творчества Брюсова и Бальмонта ярко характеризуются двумя фактами: во-первых, сборник Брюсова «Tertia Vigilia» («Третья стража») был посвящён Бальмонту, а во-вторых, о нём же Брюсов написал «Что же такое Бальмонт?» (1921) – и это не единственный случай, когда творчество и личность одного поэта становились предметом размышлений другого: Брюсов посвятил ему сборник из пяти текстов – четырёх статей (так их назвал сам автор) и послесловия. Поэт Брюсов говорит о закате поэта Бальмонта, но не отказывает последнему в том факте, что его поэзия «царила» в русской литературе на протяжении десяти лет. Влияние Бальмонта нельзя не признать – тем более, что оба поэта избрали своим предметом одно произведение О. Уайльда для перевода – «Балладу Рэдингской тюрьмы».

«Ключи тайн» являются одним из самых важных текстов Брюсова, так как это программный текст направления символизма. Сразу после заголовка практически во всех изданиях мы увидим такое пояснение: «Лекция, читанная автором в Москве, 27 марта 1903 г., в аудитории Исторического музея, и 21 апреля того же года, в Париже, в кружке русских студентов», – в виде печатного текста «Ключи» увидели свет в 1904 году – в «Весах». Об этом факте мы упоминаем для ещё одного сравнения с Уайльдом, у которого многие его эссе изначально были представлены в качестве лекций.

Кстати, нельзя обойти вниманием и тот факт, что к «Элементарным словам о символической поэзии» Бальмонта было сделано подобное примечание: «Читано перед русской аудиторией в Латинском квартале в Париже весной 1900-го года».

Эссе трёх этих авторов схожи уже на уровне формы (лекционная – устная форма, безусловно, является очень близкой к эссеистической природе, ведь это – текстовое воплощение потока мыслей). Да здесь, мы не видим той самой формулы «О», характерной для названий эссе XVII – XVIII века, но у Брюсова есть другие «О»-тексты: «О искусстве», «О "речи рабской", в защиту поэзии», «Об одном вопросе ритма», например.

«Ключи тайн», повторимся, важнейший текст Валерия Брюсова. Это произведение не привязано только к литературе, оно затрагивает вопросы и культурологические, и исторические, обращается и к науке, поэтому отсутствие привязки к определенной сфере представлено наглядно: даже в самом тексте перечисляются разные виды искусства, что явно демонстрирует нам широту взгляда автора:

«Скульптура и живопись повторяют только внешность предметов: ни мрамор, ни бронза не в силах передать строение кожи; у статуй нет сердца, легких, внутренностей; в нарисованном горном кряже нет скрытых минералов». [2]

Стиль «Ключей тайн» близок к критической статье – и в то же время крайне от неё далёк. Брюсов выступает в качестве достаточно строгого автора, который позволяет себе риторические отступления не так часто, как Бальмонт, однако их достаточно, чтобы судить о его присутствии в тексте. Это одно из важных отличий текстов Бальмонта и Брюсова: второй представляется более ясным, потому что смысловое ядро заключено в меньшее количество свободно текущих мыслей, чем в «Элементарных словах о символической поэзии». Впрочем, о личности автора в этом эссе мы будем говорить позже, сейчас же обратимся к признаку, который обозначили как установку на образность, диалогичность, афористичность.

Образность Брюсова, безусловно, отлична от образности Бальмонта, но она по-своему очаровательна и прекрасна. И узнаваема, конечно, стиль Брюсова можно назвать ироничным, острым, точным, и это лишний раз сближает их с Уайльдом:

«Между тем до очевидности ясно, что нет никакой возможности натянуть эту теорию на все явления искусства, что она до смешного мала для него, – как кафтан карлика для Духа Земли». [2]

Но не только сравнениями Брюсов создаёт неповторимую образность в своём тексте, хотя это и один из любимых его способов. Как и Бальмонт (в этом они действительно схожи), он использует всю полноту языка, чтобы погрузить читателя в эссе:

«Никогда самая искусная марина не заменит путешественнику вида на океан, уже по одному тому, что в лицо ему не будет веять солёный запах и не будет слышно ударов волн о береговые камни». [2]

Помимо чистой образности, которая сопровождает мысли Брюсова на протяжении всего эссе, мы встречаем в «Ключах» проявление метатекстуальности. Писатель обращается к другим авторам и явлениям культуры не только для подтверждения своей точки зрения, но и использует цитаты и отсылки для сравнений и образов в тексте.

«Искусство никогда, кроме редких анекдотических случаев, не обманывает народ, как Зевксины плоды глупых птиц». [2]

Это в то же время и диалогичность, потому как Брюсов предполагает, что беседует с читателем, которому известны все эти отсылки и который будет плыть по тексту эссе, как по хорошо известному морскому пути, без рифов и пиратских судов на пути. Риторический вопрос (хотя в случае с эссеистическим текстом риторичность – момент спорный, всё-таки это беседа с читателем) – одна из любимых фигур Брюсова, он всё время обращается к нам, словно цепляясь за наше внимание, напоминая о том, что мы тоже должны действовать в этом тексте, мы должны его не просто читать, а прочитывать:

«Дети, играющие в мяч, не более ли похожи на взрослых, играющих в винт, чем на Микеланжело, творящего Давида?». [2]

Что касается афористичности, то Брюсов в этом плане даже более показателен, чем Бальмонт. Если в случае со вторым автором мы говорили о больших отрывках, то у первого (как и Уайльда, нельзя не заметить) мы встречаем хлёсткие предложения-афоризмы, которые врезаются в память читателя и могут быть использованы для выражения определённой мысли и вне контекста, например: «Обычное слово, прозаическая речь передает мысли, искусство же передает чувства». [2] Таково и высказывание, приведённое нами выше («Искусство никогда...»), таковы и многие предложения из «Ключей тайн», несколько ярких примеров мы приведём ниже, когда будем говорить о других характерных признаках жанра.

Следующей чертой, которую мы рассмотрим, будет ориентация на разговорную речь и парадоксальность, которые мы расшифровываем как умещение в одном тексте элементов разного уровня. Брюсов выводит это качество эссе на новый уровень, создавая настоящий образец метатекстуальности, о чём мы уже говорили. Например, он пишет, используя термины «полезное искусство» и «чистое искусство», причём забирает их в кавычки, подчёркивая терминологичность этих словосочетаний. Это вновь сближает его с Уайльдом, которому

принадлежит не только высказывание о бесполезности искусства, которым Уайльд завершает предисловие к «Портрету Дориана Грея», но и фраза «Всякое искусство есть чистое искусство, и всякое искусство есть декоративное искусство» [6, с. 115] Что же касается Брюсова, терминология – его сильная сторона, он легко оперирует понятиями и сам обозначает именно понятийность:

«Многое в искусстве никак не подойдет под понятие "наслаждение", если только понимать это слово в его естественном смысле, а не подставляя под него ничего не говорящий, сам требующий объяснения термин "эстетическое наслаждение"». [2]

Обращение к разного рода терминам мы встречаем во всех четырёх частях текста, причём особенно интересен тот факт, что Брюсов блестяще оправдывает черту эссеизма, наделяя терминологическим смыслом разные слова, которые в обычной речи функционируют без понятийного подтекста:

«Особым успехом пользовалась подмена слова "красота" словом "типичность". Уверяли, что создания искусства прекрасны, потому что они – типы». [2]

Кстати, цитата про «наслаждение» также является ярким примером этой особенности текста Брюсова. Автор в «Ключах» цитирует других писателей, использует заимствования и слова, написанные на другом языке, например, «quasi-элементов» или «Астрей, ultima coelestium», [2] приводит отрывок из Бодлера в оригинале, говорит о разных искусствах («Скульптура и живопись дают недвижные мгновения, тогда как в мире все течет во времени» [2]), рассуждает о философии, науке, светском обществе и душе художника. Всё это невероятно сближает его как с Бальмонтом, так и с Уайльдом, особенно если мы вспомним «Упадок искусства лжи» последнего. И при всём этом мы чувствуем, что Брюсов ведёт с нами беседу, опять-таки же с помощью вопросов, о которых мы уже говорили:

«Разве нет самоуслаждения в творчестве? Разве Пушкин не сказал художнику: "Твой труд – тебе награда"? И почему читатели не порывают этой телеграфной нити между собой и душой художника?» [2]

Всё, перечисленное нами выше, складывается в итоге в ещё один внешний признак эссе – наличие смыслового ядра. Композиционно «Ключи» поделены на четыре части. Четырёхчастная структура текста повлияла на смысловой центр, так как он функционирует в качестве четырёхъядерного образования. Для каждой из четырёх частей «Ключей тайн» Брюсов обозначает свой смысловой центр-вывод, к которому подводит на протяжении всего мини-текста. Например, для первой, в которой он говорил о «полезном искусстве», этот вывод выглядел так:

«Точно так же нельзя в угоду знанию и науке видеть в искусстве только отражения жизни. Хотя сам божественный Леонардо писал рассуждения о том, come lo specchio è maestro de' pittori [Как зеркало является учителем художника (ит.)], и хотя не-

давно еще в литературе и в пластических искусствах "реализм" казался завершительным словом (так об этом сообщают в школьных учебниках поныне), – но искусство никогда не воспроизводило, а всегда преображало действительность: даже на картинах да Винчи, даже у самых ярких реалистов-писателей, вроде Бальзака, нашего Гоголя, Золя». [2]

Мы приводим этот отрывок целиком, потому как он именно в таком качестве заключает в себе главные мысли Брюсова в первой части эссе. Поразительно, насколько созвучны размышления нашего великого писателя с тем, о чём писал Уайльд в «Упадке искусства лжи»:

«Совершенство Искусства заложено в нем самом, а не вовне. К нему нельзя применять внешнее мерило сходства. Искусство – скорее покров, чем зеркало. <...> Я только хотел продемонстрировать общий принцип, что Жизнь подражает Искусству гораздо больше, чем Искусство – Жизни, и я абсолютно убежден, что по здравому рассмотрению ты это признаешь. Жизнь держит зеркало перед Искусством, и воспроизводит игру воображения художника, скульптора или писателя». [8]

Образ зеркала объединяет эти два текста – и текст Бальмонта, который писал о том, что символическая поэзия – это не прямое отражение действительности, а переработанный поэтом материал, который прошёл целый цикл в уме и душе художника, прежде чем увидеть свет в своём последнем качестве – в форме стихотворения. Все трое авторов сходятся в отказе признавать искусство отражением жизни.

Любопытен и тот факт, что Брюсов в первой части «Ключей» размышляет о полезности искусства, точнее, высмеивает доводы в пользу рассмотрения искусства в таком качестве. В предисловии к «Портрету Дориана Грея» Уайльд писал: «Всякое искусство совершенно бесполезно», [7] – однако, у него есть лекция, ставшая эссе «Об украшении жилищ» (1882), посвящённая вопросу пользы искусства, правда, декоративного (о чём говорит и Брюсов), и мы уже приводили выше цитату самого Уайльда о декоративном искусстве. Более того, во второй части «Ключей тайн» Брюсов критикует эстетов, упоминая о «чистом искусстве»:

«Искусство во имя бесцельной Красоты (с большой буквы) – мертвое искусство. Как бы ни были безупречны формы сонета, как бы ни было прекрасно лицо мраморного бюста, но если за этими звуками, за этим мрамором нет ничего, – что меня повлечет к ним?» [2]

Спорит ли Брюсов с Уайльдом, высмеивает ли конкретно его позицию? Ведь для Уайльда Красота – это понятие с большой буквы. «Искусство не должно обладать каким-либо чувством, кроме собственной красоты, какой-либо техникой, кроме той, которой нельзя замечать», [9] – пишет он в «Целности искусства в домашнем быту» (1883), в очередной раз отказываясь от поиска иной цели для искусства, кроме как в нём самом. Так спорит ли с ним Брюсов?

Дело в том, что для Уайльда красота – это понятие полное, неделимое, он не отрывает внешнюю красоту от красоты внутренней. «Те, кто видят различие между душой и телом, не имеют ни тела, ни души», [4] – писал он в «Заветах молодому поколению», и мы можем сделать вывод, что Брюсов не спорит с ним, а развивает его мысль, смотрит на искусство под несколько другим углом, уходя от понятия пустой красоты к глубине. По сути Брюсов иронизирует именно над последователями внешней красоты, которые превозносят её над всем, но не подразумевают ничего глубокого, человеческого, вечного – так когда-то парнасцы подарили культуре идею «чистого искусства», но не задержались надолго на пьедестале, потому что за формой не осталось содержания, которое так важно для Брюсова – и не менее важно для Уайльда.

В третьей части «Ключей тайн» речь ведётся о науке, и вот какой вывод делает автор, что является ещё одной частью смыслового ядра всего эссе:

«Современная наука оказалась пока бессильной справиться с загадкой искусства. Выставленные ею теории не могут устоять, потому что в самих себе таят противоречия». [2]

Парадоксальность, свойственная и эссеизму, это безусловный отличительный признак искусства, который мешает науке объяснить его целиком и полностью. О том, что искусство – тайна, которую нельзя постичь, ей можно только насладиться, писал и Уайльд, и у Бальмонта мы находим эти же мысли.

Наконец, завершает свой текст Брюсов четвёртой частью, в которой излагает уже свои мысли по поводу искусства, его определения и предназначения:

«...искусство есть постижение мира иными, не рассудочными путями. Искусство – то, что в других областях мы называем откровением. Создания искусства – это приотворенные двери в Вечность. <...> Во время как все ломы науки, все топоры общественной жизни не в состоянии разломать дверей и стен, замыкающих нас, – искусство таит в себе страшный динамит, который сокрушит эти стены, более того – оно есть тот сезам, от которого эти двери растворятся сами». [2]

Как Уайльд видел в искусстве спасение для человека, потерянного на рубеже XIX–XX веков, так и Брюсов воспринимает искусство как единственный ключ к Вечности, познать которую так стремится человек. По сути, именно этот отрывок – и есть главная часть смыслового ядра эссе, о котором мы говорили, по значимости она чуть больше остальных, прочие же три вливаются в неё как реки в море, дополняя его, но, не исчезая при этом полностью. Почему Брюсов поднял эту тему?

В отличие от Бальмонта, Брюсов эксплицитно проявляет себя не сразу. На протяжении трёх частей эссе мы видим автора только через его высказывания о чём-либо, при этом местоимение «я» не появляется ни разу, и это, на первый взгляд, повод поспорить с отнесением «Ключей тайн» к эссеистическим текстам. Однако мы уже говорили о том, что признаки могут «теснить» друг друга, при этом

оставаясь в тексте, их пропорции не всегда одинаковы и, тем не менее, авторское «я» присутствует в тексте очень явно, благодаря вопросам, иронии, самому стилю, в котором мы чётко видим Брюсова. В четвёртой же части появляется и непосредственно «я»:

«Единственный метод, который может надеяться решить эти вопросы – интуиция, вдохновенное угадывание, метод, которым во все века пользовались философы, мыслители, искавшие разгадки тайн бытия. И я укажу на одно решение загадки искусства, принадлежащее именно философу, которое – кажется мне – дает объяснение всем этим противоречиям. Это – ответ Шопенгауэра». [2]

Уникальность «Ключей» состоит в том, что мы ощущаем присутствие автора, несмотря на отсутствие его эксплицитных проявлений в большей части текста. Нечто похожее мы ощущаем при чтении эссе Уайльда, когда он не говорит о себе «я», но присутствует в тексте постоянно – в своих героях-ретрансляторах.

Когда мы говорим о мнении автора, мы должны понимать, что оно не всегда и не везде выражено при помощи конструкций «я думаю», «я считаю», «мне кажется», Брюсов – как раз яркий пример того, как писатель «прячет» своё мнение, не высказывая его напрямую.

«Разгадать, на чем утверждены темные алкания художника и ответные ему алкания его слушателя и зрителя, – вот в чем задача науки о искусстве». [2]

В «Ключах» автор всё время использует утвердительные конструкции, он уверен в своих словах, более того, скорее всего, Брюсов целиком уверен в том, что он прав (как и Уайльд в своих текстах), однако даже в своих категоричных заявлениях он опирается на систему, выстроенную им внутри эссе, субъективную, внутреннюю.

«В искусстве есть неизменность и бессмертие, которых нет в красоте». [2]

Брюсов сравнивает конкретную красоту, которой давал определение, и это высказывание мы не можем рассматривать в качестве категоричного утверждения того, что в красоте вообще нет бессмертия. Признак позиции автора у Брюсова выражен крайне своеобразно: мы понимаем, что это именно субъективный взгляд из общего настроения текста, пропитанного иронией и живой формой беседы с читателем. Даже там, где появляется «мы» – оно не научное, а общее с тем, кто прочитывает этот текст (и всеми теми, кому ещё суждено его прочитать):

«Все мы знаем блеск солнца, он часто красив, приятен, им можно услаждаться: но в нем нет того единственного трепета, который вливают создания искусства во всех, истинно умеющих признать к ним. А в поэме, где изображено то же солнце, хотя оно из стихов и "не освещает" (замечание Лотце), – оно блестит для нас совершенно особым блеском, блеском созданий искусства. И так везде». [2]

Несмотря на то, что Брюсов критикует, он создаёт эссе, а не критическую статью. Мы снова

вспомним о том, что характерные черты этого жанра работают только все вместе, и эта черта – позиция автора – «держится» за остальных, не будучи наиболее ярко выраженной, но оставаясь в тексте.

Мысли Брюсова, его позицию, мы видим во всём полотно эссе, он разворачивает клубок своих размышлений достаточно последовательно, хотя на первый взгляд можно подумать, что он собирает тысячу мыслей в один текст – на самом же деле все они работают в заданном автором направлении:

«Невозможно найти ничего общего между египетскими пирамидами и стихами Китса, если забыть о замыслах строителя и поэта и о впечатлениях зрителей и читателей. отождествить то и другое можно лишь в человеческом духе. Искусство существует только в человеке, и нигде более». [2]

Взгляд человека на человека – глубокая рефлексия художника при столкновении с внешним миром и самим собой, вот что такое искусство, по мнению Брюсова, но это лишь одна из граней этого определения в «Ключах». Мы хотели бы обратить внимание ещё на эту цитату: «Мало того, тем именно произведениям, которые с особым сходством воспроизводят действительность, мы отказываем в названии художественных». [2]

Это всё те же размышления автора, но мы остановились на ней, чтобы ещё раз указать на сходство в размышлениях Брюсова и Уайльда, который писал в «Упадке искусства лжи»: «Попытка сделать произведение слишком правдивым лишает его реалистичности, и "Черная стрела" является столь низкохудожественным произведением, что не может похвастаться даже тривиальным анахронизмом, а превращение доктора Джекилла подозрительно напоминает описание какого-то эксперимента в Ланцете». [8]

Правда – одно из понятий, к которому обращается Уайльд в своём программном тексте (а «Упадок» действительно важен для понимания творчества этого автора), и правде писатель отказывает в праве вторгаться в область искусства более, чем того требует красота, которой Уайльд однозначно отдаёт пальму первенства.

Брюсов в своём тексте охватывает так много областей деятельности человека, что проблема, из-за которой создавалось эссе, должна бы быть скрыта глубоко внутри, однако она обусловлена в том числе и внешними обстоятельствами. Брюсов жил и творил в рубежное время, когда позиции искусства пошатнулись, оно переживало кризис, как и многие другие сферы. Для России всё было осложнено внутренним беспокойством государства, нестабильностью власти и бунтом разума русского человека, который в будущем совершит один из крупнейших переворотов в истории. Философия нанесла несколько ударов по человеческому «я», и в эту простую эпоху искусство как никогда нужно было в твёрдой почве, а как добыть почву для того, что нельзя разобрать с научной точки зрения?

«Люди иного склада мысли, оставляя в стороне вопрос, на что нужно искусство, какая от него польза, – ставили себе иной, метафизический: что

такое искусство», [2] – пишет Брюсов, чтобы потом, через несколько частей своего текста, ответить на оба этих вопроса – в развязке «Ключей тайн»:

«Исконная задача искусства и состоит в том, чтобы запечатлеть эти мгновения прозрения, вдохновения. Искусство начинается в тот миг, когда художник пытается уяснить самому себе свои темные, тайные чувствования». [2]

Что такое искусство? Зачем оно нужно? Какова его роль? Эти вопросы Брюсов задаёт себе и читателю в каждой из частей своего эссе, чтобы последовательно привести нас к мысли о том, что суть искусства невозможно постичь разумом в чистом его виде, для этого нужно особое качество души – качество художника. Как и Уайльд, как и Бальмонт – Брюсов отмечает избранность человека, обладающего даром творить искусство, отводит ему особенную роль – роль проводника:

«"Врата Красоты ведут к познанию", сказал тот же Шиллер. Во все века своего существования, бессознательно, но неизменно, художники выполняли свою миссию: уясняя себе открывавшиеся им тайны, тем самым искали иных, более совершенных способов познания мироздания». [2]

Художник – не только проводник, он и спаситель, ведь на рубеже веков, во время смуты и разлада, кризиса и упадка есть только один способ оставаться человеком, и способ этот состоит в обращении к искусству. Об этом писал Константин Бальмонт, рассказывая о корнях русского символизма, об этом во всех своих работах, прямо и между строк упрямо твердил Оскар Уайльд, для которого не было человека более ценного и важного для общества, чем художник:

«Художникъ всегда былъ и всегда будетъ рѣдкостнымъ исключеніемъ. У искусства никогда не было золотого вѣка: были только художники, создававшіе произведенія, которыя были болѣе золотыми, чѣмъ само золото». [9]

И Брюсов в своём эссе наделяет художника самой важной и огромной силой – силой освободителя, и в этот момент он раскрывает смысл своего на первый взгляд неэссеистского заголовка, который таит в себе больше глубины, чем многие другие:

«Пусть же современные художники сознательно куют свои создания в виде ключей тайн, в виде мистических ключей, растворяющих человечеству двери из его "голубой тюрьмы" к вечной свободе». [2]

Таким образом, мы можем сделать вывод, что Брюсов не только поднимает проблему определения и предназначения искусства, но и задумывается о роли художника – и сам отвечает на поставленные в тексте вопросы. При этом его ответы (и сам факт размышлений над этими вопросами) очень созвучны с мыслями Константина Бальмонта и Оскара Уайльда, которые они высказывают в своих эссе. Это и есть эссеизм, воплощённый в тексте: Брюсов прямо говорит о том, что художникам нужно *сознательно* создавать ключи для человечества – потому что он сам был одним из тех, кто осознал свою исключительную роль.

И последний признак, о котором мы скажем, это новизна мыслей. Брюсов сводит под одну арку размышления о «полезном искусстве», «чистом искусстве», научном подходе к искусству, он последовательно анализирует разные точки зрения на этот феномен человечества – и приходит к очень интересному выводу:

«Но в течение долгих столетий искусство не отдавало себе явного и определенного отчета в своем назначении. Различные эстетические теории сбивали художников. И они воздвигали себе кумиров, вместо того чтобы молиться Истинному Богу. История нового искусства есть, прежде всего, история его освобождения. Романтизм, реализм и символизм – это три стадии в борьбе художников за свободу. Они свергли, наконец, цепи рабствования разным случайным целям. Ныне искусство, наконец, свободно». [2]

Автор «Ключей» говорит о новом взгляде искусства на само себя, о саморефлексии художника – и это как раз то, что называется эссеизмом, тот самый человеческий взгляд, признающий своё несовершенство – и стремящийся к тому, чтобы узнать больше, чтобы понять. Обратить внимание на изменение качества самоосознания искусства – это одна из заслуг Брюсова, который, вместе с символистами, это самое качество укрепил на русской почве.

«Ключи тайн» – это эссе, при тщательном анализе мы обнаружили в тексте все признаки жанра, при этом мысли, высказываемые Брюсовым, созвучны с идеями Константина Бальмонта и Оскара Уайльда, а их эстетики во многом находят общие образы и точки соприкосновения. Надевает ли Брюсов «маску» в своём тексте? Явную – нет, но можно подумать, что он на некоторое время примеривает на себя личину критика, это даже можно назвать пародией на строгие критические статьи – так ироничен сам автор в своём тексте, так он раздвигает строгие рамки, приглашая читателя погрузиться в размышления вместе с ним, выступая в этом плане новатором для отечественной литературы, как и Бальмонт.

Список источников

1. Брюсов В. Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. Сост., вступ. ст. е. В. Ивановой. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Звёздный мир, 2002. – 415 с.
2. Брюсов В. Я. Ключи тайн. [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/b/brjusow_w_j/text_1903_kluchi.shtml (дата обращения: 11.01.2016)
3. Сушко Е. Л. Уайльдовский миф в русской литературе Серебряного века. Дис. канд. филол. наук. Москва, 2016. – 171 с.
4. Уайльд О. Заветы молодому поколению. [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/u/uajlxd_o/text_0110oldorfo.shtml (дата обращения: 15.03.2014)
5. Уайльд О. Избранное. Пер. с англ. Вступ. ст. В. Бабенко. Свердловск: Из-во Урал. ун-та, 1990. – 448 с.

6. Уайльд О. Мысли и парадоксы. Пер. с англ. К. В. Душенко. – Москва: Издательство «Э», 2017. – 128 с.

7. Уайльд О. Портрет Дориана Грея. Пер. с англ. М. Абкиной. Вступ. ст. Н. Мещеряковой. – Т.: Укитувчи, 1987. – 192 с.

8. Уайльд О. Упадок искусства лжи. [Электронный ресурс] URL:

http://www.lib.ru/WILDE/esse_upadok.txt (дата обращения: 23.02.2013)

9. Уайльд О. Ценность искусства в домашнем быту. [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/u/uajlxd_o/text_0130oldorfo.shtml (дата обращения: 15.03.2014)

MULTICULTURAL ASPECT OF THE ENGLISH NOVEL IN THE POST-COLONIAL PERIOD

Yengsebay G.

*Master of Pedagogical sciences,
Kazakhstan, Al-Farabi Kazakh National University*

Myrzaliyeva S.

*Senior lecturer,
Kazakhstan, Kazakh National Agricultural University*

Musabalina G.

*Senior Lecturer,
Kazakhstan, Almaty state Collage of Energy and Electronic Technology*

Abstract

This article makes effort to investigate the problem of the modern English novel by the multicultural aspect from the opinion of Western and Russian scholars. The studies in this field observed multi-structural art form in the mentioned genre based on correlation between parody overtone and semantic principles, which shaped the nature and features of the subject-object narrative forms.

The problem of aesthetics author perception in the art process was highlighted according to the problem philological novel as a specific artistic genre trend.

The philology novel gravitated to such global philosophical and aesthetic issue such as the problem intertwining of reality and fiction. The Western scholars observed the distinguish pathos of literary creativity writer from former English colonies. They investigated the variety analysis and synthesis, figurative symbols, artistic convention associated by different chronological layers of artistic story.

The Russian researchers paid attention to the aspect of the intertextual interaction, comparative plot and compositional levels of fiction narrative.

The loss of the unity of national culture after collapse of the British Empire was caused to recognition different new cultural tradition as actual reality.

Keywords: parody, overtone, semantic principle, subject –object narrative form, aesthetics, philological novel, artistic heritage, the plot tread, lyrical passage, creative process, philosophical issue, artistic communication, creative type of personality, self-awareness, literary criticism, complex architectonic, literary reflection, magic and real narrative levels, scientific discussion, analysis and synthesis, figurative symbol, chronological layer, figurative –expressive means, ethnic system, mythology, embodiment, typological intensity, intertextuality, spatio-temporal structure, depiction, historical aspect, cultural tradition, social phenomena, ethnic mentality.

The general concept of Modern English novel in the context of diverse studies literary creativity of British novelists of the twentieth century was actively explored by Russian and Western scholars.

In particular, Y.Sysoev revealed multi-structural art form novels by R.Bradbury based on the “complex relation sip between the clear parody overtone and structural and semantic principles, which shaped the nature and features of the subject-object narrative forms” [1,69].

The problem of perception aesthetics in the activity process was highlighted with respect to the problem of so called “philological novel” in the English literature on content of such works as “Flaubert’s Parrot” by G.Barnes, “Chatterton” by P.Ackroyd, “Obsession” by Bayatt and creativity other writers.

In Russian literature the genre of philological novel was developed by the artistic heritage of U.Tynyanov, B.Kaverin and A.Bitov.

The same literary process was typical also for the United State artistic works.

According this view, the Russian scientist Y.Grebenyuk affirmed, that the American writer John Barth combined in his novel “Letters” (1979) the plot threads with inserted lyrical and scientific passages.

The mentioned approach represented the author efforts to recognize own personal significance and value their literary works in international literary creative process.

The philology novel, both in Russia and abroad, generally gravitated to such global philosophical and aesthetic issues such as the problem intertwining of reality and fiction, the real and artistic communication. This process “was greatly facilitated with literary post-modern trend characterized by the solid interest in investigation text structure, intertextual relations and destruction of boundaries between reality and fiction” [2,83].

The Western writers P.Ackroyd, J.Barnes and A.Bayatt represented in their works special image of hero related to creative type of personality such as a writer, a poet, an artist accepted and shared both fictional and real area of human existence.

Not only the main characters, but the images of heroes took part in the background scenes overcame the creative process self-awareness and self-certification.

On account of these traits the novels of defined above writers were served as the subject of reflection and criticism for their readers and researchers.

The Western scholars observed the distinguish pathos of literary creativity of J.Barnes, P.Ackroyd and A.Bayatt "based on the concept the presence of intertextuality of different levels artistic story and on the complex architectonic and subjective methods of literary reflection" [3,83].

All these writers made efforts to involve in their novels the modern literary theories and their representation took part in the magic and real narrative levels of the author story.

In connection with this belief a reader quietly was involved in scientific discussions, debates in a wide range of the philosophical and aesthetic problems. The creativity of the mentioned writers was considered by the Western scholars as attempts to discover philosophical and existential aspect of human existence used the unity analysis and synthesis, figurative symbols. "The artistic convention and unique organization of plot traits was associated by different chronological layers of the artistic story" [4,97]. The chronological sequence of events combined with mythology and grotesque metaphors took place in spatio-temporal structure of narrative.

In the novels by Bayatt the trend of English Post-modernism trend of the late XXth century was considered in terms perception of the artistic tradition of the Victorian literature.

The researching works of Y.Muratova and O.Tolstych paid attention to the field of the intertextual dialogue and forms of intertextual ties. The experiments in the English post-modern novel, Victorian novel, as well as a dialogue with Victorian literature as a specific culture trend based on the analyzing of a novel by A.Byatt "Morpho Eugenia", The French Lieutenant's woman" by J.Fowles and "Good job" by Lordge.

The scientists believed, that modern industrial affirm of novel genre of the XXth century was characterized by complicated compositional levels of narrative and ideological and thematic interaction.

The modern researches emphasized the clear multicultural context of contemporary English novel.

The multicultural trend has emerged as an objective phenomenon in the postcolonial, historical period and matured in the context of contemporary English literature.

The adverted literary trend has emerged as the source of the story and the foundation system images to accurate reflect the multicultural reality.

The nature and traits of a multicultural novel was defined as the efforts to transform the universal language related the intercultural "reality using figurative

–expressive means, the mixing of different cultures and combination of various ethnic systems" [5,73].

These circumstances served as the source for subjective and specific features of mythology basic of the multicultural novel and embodiment its typological intensity, complex architectonic and subjective methods of literary reflection, the presence of different level of story, distinctive art system, spatio-temporal narrative structure and intertwining real and fiction level of author depiction.

In this case a language claimed as basic for transnational perception and evaluation of reality.

However, in the process of adaptation the new cultural values and social shift artistic language couldn't avoid various alterations and eventually became as impact of destruction of original historical narrative overtone.

According mentioned belief, the Russia scientist S.Tolmacheva investigated the nature of translation process as a means of broadcasting multicultural in the genre of the novel.

The relationship and the ratio of "mass" and "elite", as well as the originality of human community, was represented in the historical aspect in the creativity of S.Rushdie, V.Neipol and N.Kyreish.

Until before the second part of XXth century the scholars believed that the term "English literature" included primarily the artistic works created in the area of British Isles.

From this opinion, the researchers stood apart the creativity a lot of great writer have lived outside UK or haven't been studied in the trend of English cultural tradition. The scholars admitted that these works related to theirs national history.

In the second half of the XXth century the view of the Western critics were attracted by Australian and West Indian prose and the talented works of Africa and Asia writers. They belonged to the countries gained independence as result an important historical and political, changing their status in the world.

In a number of Universities in Canada, Australia and South Africa opened courses of African, Irish and Canadian literature. The works written by the defined above "regional authors expanded their own idea of nature and artistic perception and interpretation of reality and the image of a hero existed in its boundaries" [2, 57].

The plot, style and overtone of these works resorted to the symbolic prototype, which was not sometimes available for understanding of European reader.

In accordance with this issue, the English reader, who made acquaintance with the modern literary production, had to deal with such social phenomena as psychological and ethnic mentality of the British in the subjective perception citizens of the former colonies.

The growing influence of the national literatures in English became a vivid reflection of the cultural and political phenomena as the collapse of the British Empire, the entry the new nations to the international world culture.

The mentioned process indicated failing ties with in the British Commonwealth countries, increasing awareness in independence in the former colonies and

the response to USA attempts to keep a dominant part in the international communication.

Finally English cultural tradition and mentality had lost its unrivaled influence outside the British Isles and couldn't be able to support further British, who accepted and shared only defined above approach of understanding and interpretation of reality [4,103].

The profound destruction of established notions of national literatures in English, reflecting the growing separation English language became contradictive with the lifestyle, behavior and national culture lead to recognition that the adoption of distinct qualities of different national cultural traditions had become actual reality.

The writers, who belonged to small nation community, faced with a difficult task to use the English language included the accurate reconciliation "the foreign" aspect of colonizer language and coming to terms its own ethnic and cultural communication, and transferring it to a new generation of readers.

The emergence in the last decades of the XXth century the artistic works belonged to defined above trend, due to the fact that United Kingdom was settled

and assimilated by a huge amount of descendants of the former British colonies.

The "new British", learning the traditional culture, unwittingly transferred their own archetypes and manifested their way of the image of British artistic creativity as the whole.

References

1. Sysoev Y. Polystructural art form of the novel M.Bradbury.-Diss.cand. - M., 2005-203 p.
2. Grebenuk Y. The problem of "philological novel" in English literature ("Flaubert's Parrot" George by Barnes, "Chattertonpy" P.Ackroyd, "Obsession A.Bayatt) . - Diss.cand.-Voronezh 2008-207 p.
3. Muratov Y. Myth poetics in modern English novel :D.Barnes, A.,D.Fowles.-Diss.cand. - M., 1999.-180p.
4. Thick O. English post-modern novel of the late of XXth century and Victorian Literature: intertextual dialogue on the novels by A.Bayatt and Dodge.-Diss.cand. -Ekaterinburg, 2008-197 p.
5. Tolkachev S. Multi-cultural context of contemporary English novel .-Diss.cand. - M., 2003-200 p.

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

INDIVIDUAL-TYPOLOGICAL AND NEURO-PSYCHOLOGICAL PROPERTIES OF THE PROCESSES OF CONSCIOUS SELF-REGULATION

**Korneeva S.A.,
Sulima T.V.,
Moskalenko S.V.**

Belgorod State National Research University, Belgorod

Abstract

The research paper presents an analysis of the interrelation between the lateral organisation profiles' indicators and self-regulation features. The existence of significant distinctions in the processes of self-regulation among respondents with different variants of lateral profiles of the interhemispheric asymmetry is proved, as well as the common features of these processes that are peculiar to the individuals having identical options of the lateral profiles are specified too. The combination of general psychological and differential psychological approaches made it possible to establish multilevel connections between the functional asymmetry peculiarities and behavioural and personality self-regulation characteristics being put into practice within the action system aimed at arranging temporal and living space of a person. It is revealed that there is a logic connection between the characteristics of the self-regulation processes and the profiles of lateral organisation, conditioned by the interaction of the interhemispheric asymmetry's native traits within the motor activity organisation having the experience gained during a person's lifetime. The lateral organisation profiles with a more complex interrelation between sensory and motor systems are connected with the formation of personality and activity characteristics of voluntary activity's self-regulation, acquired within the processes of education, upbringing and other forms of socialization.

The research results can be used in vocational guidance, and for academic activity optimization. They can also be applied while implementing principles of differential education, as well as at the classes of mastering the self-regulation system.

Keywords: neuropsychological approach, psychology of individual differences, self-regulation, human voluntary activity, lateral profiles.

Introduction. The analysis of works devoted to various aspects of the research of individual differences in self-regulation processes shows that more and more new aspects of individual distinctions in self-regulation are being brought to light. However, alongside with this, the differences of approaches to the investigation of the contents, functions and structure of the self-regulation processes are revealed too (Korneeva, 2011).

According to O.A. Konopkin, conscious self-regulation is understood as a systematically organized process of internal human psychic activity on initiation, formation, maintenance and management of various types and forms of voluntary activity directly realising the achievement of the goals accepted by a person (Konopkin 1995, p. 5). The place and the role of psychic self-regulation in a person's life are vivid enough, if one takes into account the fact that practically all his life is an endless multitude of forms of activity, actions, acts of communication and other types of purposive activity. The prefix 'self-' to the term 'regulation' reflects not only the subject's realising the acts of his voluntary activity and his purposeful managing them, but also the subject's defining both objective figural, rational-logical and personal axiological bases of separate activities and their correspondence and concordance with the context of the integral system of its main personality needs and values, cognitive mindsets and beliefs with the contents of self-consciousness (Korneeva, 2011, p. 8-9).

Since mental self-regulation is regarded as a process controlled by consciousness, at the basis of the present study there lies a reasonable assumption that self-regulation features can be connected with the interhemispheric organisation of the brain activity that can be judged about by the indicators of the motor and individual lateral profiles tests (Annett, 1985, Chomsky, 1983, Lopez, 1987, Witkin, 1982).

A fruitful and perspective conception in the development of this direction was A.R. Luria's conception (on the structural and functional units of the brain) and V.A. Moskvina's approach, being developed on its basis, in which within the study of the hemispheric interaction in the norm, lateral features and options of their combinations (individual lateral profiles) are matched with the features of a number of mental processes' realisation, including the possibility of an arbitrary activity management (Luriya, 1932, Luria, 1973, Moskvina, 2002).

Nowadays, the issue of individual differences in the processes of self-regulation still remains scantily studied. Researchers' interest towards phenomenology of self-regulation is clearly increasing; the scope of investigations touching upon different aspects of this phenomenology is broadening too. At the same time many problems of self-regulation still have to be investigated, as well as individual differences and peculiarities of self-regulation connected with psychophysiological organisation of human activity have to be studied in particular (Korneeva, 2011, P. 4).

Thus, the aim of the research under consideration is to study the constituents of students' self-regulation process and the conditions that either enable or impede its progress.

Purpose (objectives), materials and methods.

Since in the most general form of hemispheric differences in connection with the analysis of the prevailing mental activity characteristics fit into a number of dichotomies: abstract (verbally-logic) and specific (visual-shaped) ways of information processing, voluntary and involuntary regulation of mental activity, emotionality-rationality, awareness-unawareness of mental functions and conditions (Korneeva, 2011, P. 10).

In this context, the empirical study's objectives were to identify and compare self-regulation characteristics identified among the students with fixed features of functional asymmetry, which were installed in them with the help of "motor test" and the diagnostics of lateral organisation profiles:

1. To conduct a meaningful analysis of the available scientific approaches to the study of the processes of self-regulation and lateral organisation profiles.

2. To pick up a set of techniques for the empirical study of functional asymmetry indicators in the brain activity and split-level indicators of self-regulation.

3. To identify the connections between types of lateral organisation profiles (LOP), indicating functional asymmetry with differences in self-regulation processes.

4. To determine whether sex differences exist with individual differences in the processes of self-regulation, taking into account types of lateral organisation profiles (LOP).

Experimental research base

For the study of individual differences in the self-regulation processes 195 respondents were surveyed. The sample included students of Belgorod state national research University (95 boys and 100 girls – students of the faculty of physical culture and sports at the age of 17-19 years. The study was conducted in the 2017-2018 and 2018-2019 academic years.

Research Methods

When doing this research we used two blocks of methods.

1. Techniques focused on the diagnostics of functional asymmetry indicators: A.R. Luria's technique, and motor tests included in the "Map of Lateral Signs" and the technique for determining individual laterality profiles (according to V.A. Moskvina).

2. Techniques for diagnosing individual personal characteristics, one way or another related to the indicators of self-regulation: 16 PF questionnaire to assess personality traits associated with the self-regulation of human activity; A.K. Osnitsky's technique for diagnosing abilities and characteristics of self-regulation of activity; the technique for measuring the level of a person's self-actualization (SAT); the technique for determining life-purpose orientations (LPO); the "Time Orientation" technique.

Research result. The prevalence of lateral signs was studied in accordance with the "Map of Lateral Signs" technique; variations of lateral profiles were considered in the framework of the "hand-ear-eye" system.

3. Authors' results. The results presented in the table indicate that among the students – boys and girls – some subgroups of students with various lateral profiles were identified. Moreover, the number of subgroups among boys and girls varies considerably.

Table 1

Distribution of Respondents According to Their Lateral Organisation Profiles

Respondents' Samples	Lateral Profiles (%)				
	RRR	RLR	RRL	RLL	Left-handers and Ambidexters
A. Boys (n=195)	62.4	23.3	10.0	3.3	1.0
B Girls (n = 120)	52.0	14.0	24.4	7.0	3.0
Validity of Distinctions: (ϕ *Fisher's test)	p <0.05	p <0.05	p <0.05	p <0.05	p <0.05

In the profile "hand-ear-eye", 'hand' was considered a motor component of a behavioural act, whereas 'ear' and 'eye' – perceiving and orienting components. It was necessary to take that into consideration, as the physiological and psychological traits are determined by a profile of functional asymmetry in motor and sensory systems, rather than by specific modalities of cerebral dominance (including the right - or left-handedness). The type of hemispheric lateralization is the neurophysiological basis of both psychophysiological and psychomotor personality, and human motor organisation reflects a holistic description of it as an individual, as a person, and as a subject having all unique individuality.

The results indicate that among the students – boys and girls – some subgroups of students with a various lateral profiles were identified. Moreover, the sampling

pattern of subgroups among the boys and girls differs greatly. The analysis of the prevalence of lateral features and types of their combinations in boys' and girls' samples – students (with a gender-based approach) allowed in a number of cases to identify significant differences. This coincides with the results of other studies that have identified some features of lateral signs distribution in different professional samples (Moskvina, 2002, P. 127, Korneeva, 2011, P. 12).

The findings of the study made it possible to make an assumption about the lateralization of the neurophysiological bases of individual differences that can find their realisation in the intellectual (both general and social intelligence) and emotional activities, as well as the most valuable for this work, especially in regulatory processes. Thus, on the basis of this assumption, all the data have been systematized taking into account

the indicators of functional asymmetry by A.R. Luria and V.A. Moskvina. While analysing functional brain asymmetries, the motor sample was measured; that allowed dividing the sample into right- and left-handers.

A.K. Osnitsky's questionnaire "Self-regulation" was used as a basic technique in order to identify individual characteristics of students when self-evaluating

the presence or absence of regulatory skills or any self-regulation characteristics associated with problem solving, fulfillment of training and academic-practical tasks and the organisation of everyday behaviour (Osnitsky, 2010, P. 94). The respondents with different indices of motor tests showed a number of significant differences in self-evaluation of self-regulation skills.

Table 2

Indicators of Students' Self-evaluation of Skills and Characteristics of Self-regulation

Self-regulation Skills	Self-evaluation of Self-regulation Skills (%)					
	Availability of Self-regulation Skills		Lack of Self-regulation Skills		Self-evaluation Errors	
	Right-handers	Left-handers	Right-handers	Left-handers	Right-handers	Left-handers
Structure-component Conditions (SCC)	62	57	14*	25	24	18
Functional Peculiarities (FP)	68	60	9*	29	23	11
Dynamic Peculiarities (DP)	51*	42	10*	43	39*	15
Style-Personality Peculiarities (SPP)	51*	62	11*	25	38*	13

* Figures that are significantly different at ϕ^* Fisher's test, with $p < 0.05$

According to the indicator of formation of structure-component skills of self-regulation (SCS), some significant differences between the subjects with different indices of motor sample were revealed. Thus, the subjects with the right indicator of motor sample less often pointed at the absence of these abilities – 14 and 25 (left indicator). That is, the respondents with the right indicator of the sample "folded arms" are better at setting and retaining goals, analysing and modelling conditions, choosing means and methods of actions, as well as at evaluating results and their correction (if needed).

Some significant differences in the results of self-evaluation of self-regulation's functional features were also identified. On this scale the same dynamics can be traced, i.e. the subjects with the right indicator of motor sample show high indicators of functional abilities – 60 and 68 (left index sample of "folded arms"), and significantly lower absence – 9 and 29, respectively. Thus, the students demonstrate higher levels of security regulation in general, orderliness, detailing, practical intentions feasibility and optimality of actions regulation.

But along with these data the students with the right indicator of the sample "folded arms" show higher indicators on the 'Self-evaluation Errors' scale. Perhaps this is due to the respondents' higher self-esteem, due to more self-confidence and confidence in their abilities.

In the indicators of self-regulation characteristics that determine the dynamics of the actions taken, some statistically significant differences were identified too. The respondents with the right indicator of the sample "folded arms" often point at the existence of caution, confidence, flexibility, practicality and firmness in the regulation of activities rather than the respondents with the left indicator of motor sample of 51 and 42 per cent characterizing the presence of 10 (right index of motor

test) and 43 (left indicator) – the lack of these skills respectively.

Style-personality features of self-regulation are also evaluated differently by the subjects with different indices of motor sample. The respondents with left index motor test assessed their style-personality of self-regulation higher than by the subjects with the right indicator, the availability of skills – 51 and 62 per cent. At the same time it is interesting to note the fact that on initiative, awareness, responsibility, independence, readiness for education, these subjects (with the left indicator of motor test and with a higher score) indicated they lacked such skills.

To compare the indicators of motor tests, showing an asymmetry in the organisation of brain structures, with the personal features of self-regulation of the respondents' behaviour, the technique 16 PF of multifactor study of personality was used.

The respondents with different indices of motor tests and individual laterality profiles showed a number of significant differences in the expression of the communicative properties and features of interpersonal interaction. Data on factor A (kindness, cordiality\concern, isolation) suggest that the subjects with the left indicator of the sample "folded arms" are more impulsive, concerned, unsociable, and the subjects with the right indicator of the sample "folded arms" are more dynamic, adequate and effective in the situations of communication. According to factor E (dominance, persistence\conformity, dependence), there are also significant differences (at $p < 0.05$) in the sample of girls with different indices of motor sample. Good results for the 'conformity-dominance' scale characterize the respondents as the ones who tend to make independent intelligent decisions. People with high indicators on this factor stick to their views, but as a rule, expect independence from other people, too. According to factor

N (courage, confidence, shyness, restraint), the respondents with left-sided asymmetry in the brain organisation appeared to have different and lower rates; they are more reserved, shy, unconfident, and hesitant about making decision.

The subjects with different indices of motor sample and individual laterality profiles also have a number of differences in the emotional-volitional sphere. High scores on this factor (emotional stability, the strength of "I") are more characteristic for the respondents with right-sided asymmetry in the sample "folded arms" and the accumulation of right lateral signs (difference $p < 0.05$). They are more likely to demonstrate steadfastness and emotional maturity. The respondents with high indicators on scale C demonstrate more flexible behaviour; in stressful situations they are able to choose the best solution to the problem. Besides, there are some differences in factors Q3 (organization\ungovernability) and Q4 (tension\relaxation), which further testifies to a better organisation and higher self-control among respondents with the right indicator of the sample "folded arms" and the accumulation of right lateral signs. These respondents have a sufficiently developed volitional control over their emotions and behavioural responses, so they work well in a group.

The data revealed on factor M showed some peculiarities in the level of the respondents' intellectual development. At the same time, significant differences were identified between the boys with different indices of motor sample on scale M (dreaminess, unpracticality/practicality, firmness). Lower indicators on this factor characterize the student as a practical, focused on external reality, the person following generally accepted standards, but perhaps with the low level of creative imagination. The tested boys with accumulation of right lateral indicators also show higher indicators on this scale.

Thus, the analysis of the results obtained thanks to the method of 16 PF showed the presence of a certain level of correlation between a number of respondents' personality traits and indicators of functional asymmetry.

In connection with the identified indicators of the students' functional asymmetry we were interested in the results of the SAT technique on the following scales: flexibility of behaviour, self-sensitiveness, spontaneity, self-esteem, self-acceptance, understanding of human nature, synergy, acceptance of aggression, sociability, cognitive needs, creativity, values, time competence – with the indicators of functional asymmetry.

According to additional SAT scales, some differences were obtained only for a number of indicators in the groups of respondents with different individual laterality profiles (asymmetry), which allow a more differentiated approach to the analysis of connection of individual differences in functional asymmetry with indicators of human self-actualization. Of particular interest are the data on the scale of spontaneity (the ability to express their feelings spontaneously). High scores on this scale indicate the possibility of another method of behaviour, not calculated in advance. The findings suggest that the prevalence of left lateral leads

to a decrease in spontaneous behaviour. At the same time the subjects with the left indicator of motor sample show higher scores on the scale of creativity that characterizes the person's creative orientation. Some statistically significant differences were also obtained on the 'flexibility of behaviour' scale that measures the degree of a person's flexibility in the implementation of his values and his capability to respond quickly to changing aspects of the situation. It can be assumed that the subjects with the right indicator of the sample "folded arms" (as indicated by the data) have a higher ability to react quickly, and at the same time properly, to the changing aspects of the situation. It is possible that the subjects with the right sample indicator while accumulating right lateral signs are more aware of their needs and feelings. On the self-esteem scale, measuring the subject's ability to appreciate his/her merits, statistically significant differences were identified in the sample of girls with accumulation of right lateral signs. Thus, we see that the accumulation of left lateral signs contributes to a less critical attitude towards themselves and a higher self-esteem. This is confirmed by the data on the scale of self-acceptance. Higher indicators of cognitive needs can be observed in the girls' samples with the right indicator of the sample "folded arms". In this case it is interesting to point out the fact that in the sample of both boys and girls, – the respondents of the group of unilateral right-handers, – higher rates on the scale of sociability were recorded among the respondents with the left indicator according to A.R. Luria. This proves the ability of the subject with high indicators on this scale to establish contact with people quickly, at the same time the intensity and duration of these contacts can vary. In terms of motor sample indicators the connection with SAT's additional scales was not identified.

According to the data on the first-base scale (Time Competence), no statistically significant differences were obtained among the boys. But the data of the respondents belonging to different profiles of functional asymmetry, clarify the results, stressing that better results are found among the respondents with the accumulation of right lateral indicators. High scores on this scale indicate, firstly, the person's ability of "living in the present", to experience the moments of his/her life in full; secondly, to feel the continuity of the past, present and future, that is, to see his/her life in a sufficiently holistic way. Such an attitude is an indicator of a personality's high self-actualization. A higher degree of the respondents' self-actualization with the right motor sample indicator are confirmed by significant differences ($p < 0.05$) on the scale of value orientations, measuring the extent to which a person shares values which are characteristic of the self-actualizing person.

Thus, it should be noted that such SAT indicators as time and value orientations are more connected with the personality's characteristics that can also be identified with the connection of asymmetry indicators according to A.R. Luria. As for the rest of the indicators, they are more linked with the individual laterality profile, as they are no longer recorded as personality's level, but as socio-specialized (socially acquired) characteristics, that are formed during lifetime.

For the diagnostics of life orientations the technique with the same name has been used. The test results only showed an overall decrease in the indicators of the life orientations technique of the respondents with a predominance of left lateral signs. Comparison of average data with significant differences (at $p < 0.05$) indicated that the respondents with the right indicator of the "folded arms" sample displayed higher scores on the "Result" scale of this technique. On the rest of the scales of the life orientations technique some differences were obtained only on a number of parameters in the groups belonging to different functional asymmetry indicators according to V.A. Moskvina. The latter make it possible to apply a more differentiated approach to the analysis of the connection between the individual differences in functional asymmetry and indicators of human life orientations. Thus, the girls with the accumulation of left lateral signs showed significant differences on the scale of "Locus – Control – Life". At high test scores the subjects tend to believe that a person is given control over her life, that she is free to make decisions and implement them. In this group of the girls, statistically significant differences were identified on the "Consciousness of Life" scale, "Process", "Result", and "Locus-Control – I", confirming that the accumulation of left lateral signs leads to a decrease in the indicators of the individual life orientations.

The respondents' time orientations were assessed using three bipolar scales as described in the "Time Direction" technique. Time orientation indicators, according to this method, showed no statistically significant differences but the data on "The Future" scale in the sample of the boys with different indices of motor tests for Alexander R. Luria and the scale of "The Past" in the unilateral group of the right-handed girls.

Thus, the analysis of the results obtained with the help of psycho-diagnostic methods for the study of personality characteristics associated with self-regulation of life revealed a link between the respondents' personality traits, their level of self-actualization, life orientations, and time direction with their functional asymmetry profile. That confirms the results of the previous studies (Osnitsky, Korneeva, 2014, Pp. 42-44).

In order to find out whether there is a connection between the personal characteristics of the respondents, their life orientations, features of self-actualization and time direction with the features of self-evaluation of regulatory skills, we used correlation analysis (Pearson correlation).

The correlation analysis of the data obtained during the investigation led to the conclusion that there is a definite relationship between the students' personal characteristics and the specifics of their own self-assessment of regulatory skills.

An inverse relationship (at -0.50 and - 0.57, respectively) was found in the samples of both boys and girls with the right indicator of the "folded arms" sample between the emotional factor of stability and strength of "I" and the dynamic characteristics of self-regulation (the "Estimation Error" scale). That is, the higher the emotional stability, the more confident and stable in regulating the activity the subject will be, and the less difficulty he/she will encounter while reflecting

the self-regulation skills and, as a result, will be less likely to make mistakes in the assessment of his/her skills and be more successful in regulating this activity.

Besides, a direct correlation between the indicators of such scales as "Value Orientation Scale", "Consciousness of Life" and "The Real" was found in the samples of the girls with both the right (0.65) and the left (0.60) index of motor sample. Therefore, the higher the score on a scale of value orientations, the more meaningful is the respondent's life and the more he/she lives in the present, "here and now".

Thus, analysis of the results allowed us to show that there are significant differences in the processes of self-regulation among the respondents with different variants of lateral profiles and common features of these processes in individuals who have the same options of the lateral profiles.

The present study was devoted to the study of the relationship between the individual differences in the functional asymmetry and the processes of high school students' self-regulation. At the same time in our work we studied the connection parameters of functional asymmetry with the most common processes of self-activity in the reactive and impulsive behaviour patterns, in both activity- and personally organized.

In formulating the research problem we operated on the assumption that with the help of well-known techniques, it would be possible to identify the personality traits that correlate with the multilevel phenomenology of high school students' self-activity, and suggested that the different levels of the self-regulation activity's phenomenology the adaptive, activity and personality levels could be variously linked with the features of functional brain asymmetries.

The results of this work give us grounds for solving the problem under consideration. Thus, the study data made it possible to confirm the assumption of the lateral neurophysiological bases of individual differences that can display in the intellectual and emotional activities, as well as in what is the most valuable to this work, in peculiarities of regulatory processes.

Conclusions:

1. We prove the assumption about the existence of connection of individual differences in the processes of self-regulation with peculiarities of laterality profiles characterizing the functional asymmetry of human regulation activity. The combination of general psychological and differential psychological approaches made it possible to establish multilevel links between the features of functional asymmetry and behavioural and personal characteristics of self-regulation, implemented in the action systems for the organisation of temporary and human living space.

2. The findings of the study data confirmed the assumption of the lateralization of the neurophysiological bases of individual differences, which display in intellectual and emotional activities, as well as in the features of the regulatory processes. The respondents with different indices of motor samples revealed a number of significant differences in the self-evaluation of self-regulation skills. The students with the right motor sample indicator ("folded arms") to a greater extent have more developed processes of goal-setting and goal

retention, analysis and conditions modelling, the choice of means and methods of action, as well as the evaluation of the results and their correction. They often display self-confidence, flexibility, practicality and firmness in the regulation of activity, initiative, awareness, and responsibility than the respondents with the left motor sample indicator.

3. When comparing the indicators of motor tests and lateral organisation profiles evidencing asymmetry in the organisation of brain structures, with the respondents' personal characteristics a number of significant differences was identified in the expression of communicative properties and features of interpersonal interaction, differences in emotional-volitional and intellectual spheres of the respondents.

It has been found out that the left-handed subjects are more impulsive, concerned, unsociable, whereas the subjects with the right motor sample indicator are more dynamic, adequate and effective in communication situations. The respondents with left-sided asymmetry in the brain organisation are more reserved, shy, unconfident in themselves, doubtful in decision-making situations. Emotional stability, the strength of "I" is more characteristic of the respondents with the right motor sample indicator and the accumulation of right lateral signs of the lateral organisation profile. That is, they are more likely to demonstrate steadfastness and emotional maturity.

4. The differences revealed in terms of organisation and intensity, further evidence of better organisation and higher self-control among respondents with the right measure of the sample "folded arms" and the accumulation of right lateral signs of the lateral organisation profile. These respondents have a sufficiently developed volitional control over their emotions and behavioural responses.

5. The respondents with left-sided asymmetry in the brain organisation revealed a higher ability to act spontaneously and express their feelings that indicates the respondent's capability to act impulsively, using methods not planned in advance. The left-handed subjects were often characterized by a high score on a scale of creativity that shows the creative orientation of a person.

Thus, taking into consideration the results of the research one can conclude that dynamic features of the self-regulation activity, orientation towards time and temporal behaviour characteristics, as well as the indicators of the emotional-volitional sphere are mainly linked to the indicators of motor tests, acting as an individual's traits. Meanwhile, positive personal, activity and behavioural characteristics of self-regulation are generally connected with the profiles of lateral organisation with the accumulation of right-lateral features, as not only individual determination is fixed in them, but also socially oriented characteristics which are formed during a person's lifetime.

References

1. Annett, M. (1985). *Left, Right, Hand and Brain: The Right Shift Theory*. New-Jersey: Erlbaum Press, 174 p.
2. Chomsky, J. (1983). *The Psychology of Language and Thought*. Moscow: Plenum, 275 p.
3. Konopkin, O.A. (1995). *Psychic Self-regulation of Voluntary Human Activity (Structural-functional Aspect) // Issues of Psychology*. No. 1. Pp. 5-12.
4. Korneeva, S.A. (2011). *Self-regulation Peculiarities of the Students with Different Lateral Organization Profiles: abstract of the thesis ... Candidate of Psychology*. Moscow, 24 p.
5. Lopez, M. (1987). *Differences Do Make a Difference – Comparison with Milton Erickson*, 272 p.
6. Luriya, A.R. (1973). *The Basics of Neuropsychology*. Moscow, 264 p.
7. Luria, A. (1932). *The Nature of Human Conflicts*. New York, 278 p.
8. Moskvina, V.A. (2002). *Interhemispheric Relations and Individual Distinctions Issue*. Moscow, 317 p.
9. Osnitsky, A.K., Korneeva, S.A. (2014). *New Aspects of the Study of the Conscious Self-regulation and Functional Brain Asymmetry*. *Educational Psychology*. No. 9. – Pp. 37-48.
10. Osnitsky, A.K. (2010). *Psychological Mechanisms of Self-reliance*. Obninsk: SOTSIN, 217 p.
11. Witkin, H.A. (1982). *Cognitive Styles: Essence and Origins. Field Dependence and Field Independence*. New York, 312 p.

№6 2020

Annali d'Italia

VOL. 3

ISSN 3572-2436

The journal is registered and published in Italy.
Articles are accepted each month.
Frequency: 12 issues per year.
Format - A4 All articles are reviewed
Free access to the electronic version of journal

Chief editor: Cecilia Di Giovanni

Managing editor: Giorgio Bini

- Hoch Andreas MD, Ph.D, Professor Department of Operative Surgery and Clinical Anatomy (Munich, Germany)
- Nelson Barnard Ph.D (Historical Sciences), Professor (Malmö, Sweden)
- Roberto Lucia Ph.D (Biological Sciences), Department Molecular Biology and Biotechnology (Florence, Italy)
- Havlíčková Tereza Ph.D (Technical Science), Professor, Faculty of Mechatronics and Interdisciplinary Engineering Studies (Liberec, Czech Republic)
- Testa Vito Ph.D, Professor, Department of Physical and Mathematical management methods (Rome, Italy)
- Koshelev Andrey Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Faculty of Philology and Journalism (Kiev, Ukraine)
- Nikonov Petr Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law (Moscow, Russia)
- Bonnet Nathalie Ph.D (Pedagogical Sciences), Faculty of Education and Psychology (Lille, France)
- Rubio David Ph.D, Professor, Department of Philosophy and History (Barcelona, Spain)
- Dziedzic Stanisław Ph.D, Professor, Faculty of Social Sciences (Warsaw, Poland)
- Hauer Bertold Ph.D (Economics), Professor, Department of Economics (Salzburg, Austria)
- Szczepańska Janina Ph.D, Department of Chemistry (Wrocław, Poland)
- Fomichev Vladimir Candidate of Pharmaceutical Sciences, Department of Clinical Pharmacy and Clinical Pharmacology (Vinnytsia, Ukraine)
- Tkachenko Oleg Doctor of Psychology, Associate Professor (Kiev, Ukraine)

and other experts

Edition of journal does not carry responsibility for the materials published in a journal. Sending the article to the editorial the author confirms it's uniqueness and takes full responsibility for possible consequences for breaking copyright laws

500 copies

Annali d'Italia

50134, Via Carlo Pisacane, 10, Florence, Italy

email: info@anditalia.com

site: <https://www.anditalia.com/>